

А. ДЕГТЯРЕВ, И. ДУБОВ

ОТ КАЛКИ ДО УГРЫ

А. ДЕГТЯРЕВ, И. ДУБОВ

ОТ КАЛКИ ДО УГРЫ

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КНИГА

Ленинград
«Детская литература»
1986

Научный редактор —
доктор исторических наук, профессор
В. В. МАВРОДИН
Научный рецензент —
доктор исторических наук, профессор
Р. Ф. ИТС

Калка и Угра... Две небольшие реки; первая — приток впадающего в Азовское море Кальмиуса, вторая — полноводной Оки. Тысяча километров разделяет их. Космический корабль пролетает такое расстояние за сто двадцать пять секунд. Реактивный самолет — за час. Пассажирский поезд промчится меж ними за половину суток, а пеший человек наверняка преодолеет такое расстояние за месяц.

Но есть другая мера расстояний — мера истории. И если прибегнуть к ней, то обнаружится, что между этими реками лежит долгий путь борьбы русского народа за свою свободу и независимость. Это был путь тяжелых, но не сломивших народной стойкости поражений, упорного накапливания сил и новых смелых ударов по врагу, битв, невиданных по размаху.

Три четверти тысячелетия отделяют нас сегодня от начала ордынского нашествия, но память о трудных временах не исчезла. Два с половиной века длилась героическая борьба Руси с ненавистным игом — от первого столкновения с завоевателями до полного освобождения родной страны. От битвы на Калке до знаменитого «стояния» на реке Угре.

Рисунки В. Бескаравайного

ВСТУПЛЕНИЕ

ДАЛЬНИЕ ГРОМЫ

Тревозно начиналось XIII столетие на Руси. В какой край света ни кинь взор — всюду ходили грозовые тучи, быстрыми молниями просверкивали вражеские набеги. На севере и на западе границы русских земель трещали под напором крестоносных орденов. На юге каленые сабли половцев легко доставали до сердец русских княжеств, раздираемых внутренними усобицами. А в далеких азиатских степях вызревала чудовищная сила, сражаться с которой придется целые века.

Русь уже не была единой, как в старые былинные времена, раздробилась на отдельные земли-княжества. Каждое из них жило само по себе, каждый правитель искал свои мелкие выгоды,

подчас не гнушаясь ради них вероломством, изменой и набегами на земли соседей. Киев — древняя столица Руси — утратил воспетое в сказаниях могущество, стал причиной раздоров. Не раз князья-соперники, воюя друг с другом, разоряли его. Во второй половине XII века, истощенный непрерывными междоусобицами, он уже перестал быть центром общерусской политической власти. Однако его духовная власть над всеми русскими землями по-прежнему была необыкновенной. Великий город оставался средоточием народного духа, древним символом единства.

Не раз собирались князья на замирение, говорили друг другу сладкие речи, пировали дни и ночи, братались, пускали чашу крепкого вина по кругу. Но едва разъезжались по своим вотчинам, как все начиналось вновь: шло в ход оружие и дружины отправлялись в походы ради обогащения своих феодальных владетелей. Наиболее дальновидные патриоты Руси выступали за установление мира и сплочение сил. Они помнили слова автора великого «Слова о полку Игореве»:

От усобищ княжьих — гибель Руси!
Братья спорят: то мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихие!

Конечно, не только от желания князей зависело установление мира. Усобицы лишь одно из явлений периода феодальной раздробленности. Основой для единства могли стать только определенные исторические условия, которые в то время еще не созрели в древнерусском обществе. Раздробленная и разрываемая войнами, встретила Русь нового врага, неведомого и не имевшего, как выяснилось, равных по силе.

Временем образования империи Чингисхана стал 1206 год — год Барса, когда князьки многочисленных татаро-монгольских племен собрались к истокам реки Онон на великий курултай. Здесь, воздвигнув девятибунчужное белое знамя, они провозгласили Тэмуджина, одного из племенных вождей, великим ханом — Чингисханом.

Так завершился долгий кровопролитный процесс создания единого татаро-монгольского государства. Сразу после курултая Чингисхан занялся организацией власти в своем военно-феодальном государстве. Для начала вся территория была поделена на три части-округа: два крыла и центр. Каждая часть, в свою очередь, делилась на «тѣмы», по десять тысяч человек в каждой,

«тысячи», «сотни» и «десятки». Командовали этими большими и малыми частями нукеры и нойоны — монгольские феодалы. Звание сотника, тысячника и темника переходило по наследству от отца к сыну.

Четкая и единообразная система организации государственной власти позволяла Чингисхану быстро собирать войско для завоеваний, в которых — и только в них — он видел смысл своей жизни. Войско было предметом главной и постоянной заботы монгольских ханов. Вооружение каждого воина было сравнительно легким, приспособленным для дальних походов, стремительных конных атак и эффективной защиты от наступающего противника. «Все монгольские воины должны иметь оружие по меньшей мере такое, — писал посланный к монголам римским папой итальянец Плано Карпини. — Два или три лука или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрел, один топор и веревки, чтобы тянуть стенобитные орудия. Богатые же имеют мечи (сабли) — острые в конце, режущие с одной стороны и несколько кривые... Шлем же сверху железный или медный, а то, что покрывает кругом шею и горло, — из кожи. У некоторых из них есть копья, и на шейке копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла... Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев».

Системой вооружения в значительной степени определялась военная тактика завоевателей. Походам предшествовала глубокая разведка будущего театра военных действий, а каждое сражение готовилось и протекало по заранее обдуманному плану. «Надо знать, — писал Плано Карпини, — что всякий раз, когда они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы, и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и грабят ее. При этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю...

Иногда они пребывают в безопасном месте, пока войско врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю... Когда же они желают приступить к сражению, то

располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях юношей, а также женщин и детей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадях, это они делают для того, чтобы заставить думать о большом количестве воюющих. Перед лицом врагов они посылают отряд пленных из других народов, которые находятся между ними. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели противники, и таким образом окружают противников и замыкают их в середину; таким путем они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много, а если противники удачно сражаются, то татары уstraивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне. Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой».

Слаженность боевых действий отдельных подразделений достигалась большой выучкой и организованностью войска. Дисциплина внутри армии носила жесточайший характер. Плано Карпини оставил такое свидетельство о внутриармейских порядках ордынцев:

«Когда войска находятся на войне, то если из десяти человек побежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, а если побегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают по приказу сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один, или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадает в плен один или более, а другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются».

Уже после первых завоевательных походов Чингисхана в военной тактике монголов появился новый важный элемент. Это были осадные орудия, конструкцию которых они заимствовали в Китае и других покоренных странах. В армии Чингисхана находились сотни персидских и китайских инженеров и ремесленников, строивших и чинивших камнеметные и другие осадные орудия. Согласно одному из сохранившихся свидетельств, при осаде небольшого среднеазиатского городка Нишабура завоева-

тели пустили в ход три тысячи баллист, триста катапульт, семьсот машин для метания горшков с горящей нефтью, четыре тысячи штурмовых лестниц! За время штурма на этот город обрушилось две с половиной тысячи возов камней, собранных и подвезенных к стенам рабами.

Действие мощной по тем временам осадной техники дополнялось эффективным тактическим приемом. По сообщению Плано Карпини, во время штурмов «ни на один день или ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются».

Таковы были главные черты военной силы Чингисхана. Общую численность монголо-татарского войска определить трудно. Свидетельства современников противоречивы. Так, венгерский монах Юлиан писал, что «в войске у них 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших воинов их закона в строю». Другие современники утверждали, что в войске монголов 500 и даже 600 тысяч воинов и, будучи построенным в боевой порядок, оно занимает 18 миль в длину и 12 миль в ширину. По оценкам советских ученых, в Среднюю Азию вторглось, вероятно, около 200 тысяч монголов, а на Русь — 120—140 тысяч. Это — огромные силы. Ни одна страна в тогдашнем мире не могла, по разным причинам — из-за раздробленности или малых размеров, — выставить такого войска. А это порождало у Чингисхана и его преемников хвастливую уверенность в непобедимости, рисовало иллюзорную надежду на покорение мира и создание огромной империи — от китайских морей на востоке до «моря франков» (Атлантического океана) на западе. Такие устремления обернулись для средневекового мира множеством трагедий.

В захватнических войнах, начатых Чингисханом и продолженных его потомками, погибли сотни тысяч людей. Тысячи городов навсегда прекратили существование. Погибли бесценные создания человеческого ума и труда: оросительные системы, уникальные здания, скульптуры и фрески, поэмы и научные трактаты.

Задержалось не только развитие разоренных и захваченных стран. Затормозилось развитие самой Монголии. Напряженные войны подрывали экономику страны, служившую базой военных авантур. Многие тысячи монголов гибли в ежегодных походах, добывая славу своему вождю. Почти сразу же после создания единого государства деятельность Чингисхана приняла резко реакционный характер. Задавшись целью создать огромную

империю, стремясь к мировому господству, он стал на пути завоеваний и грабежа. За такую близорукую авантюристическую политику пришлось расплачиваться монгольскому народу: после распада Чингисхановой империи монгольские земли стали легкой добычей маньчжурских завоевателей и Монголия на века потеряла не только былую силу, но и независимость.

Итак, объединив страну, Чингисхан вступил на путь завоеваний. Первый удар был нанесен татаро-монголами по тангутскому государству Си Ся. Несколько походов привели к полному порабощению могущественной страны. Даже тангутская письменность исчезла и была забыта, а немногие сохранившиеся записи на тангутском языке до сих пор до конца не расшифрованы.

Следующей жертвой завоевателей стал феодальный Китай. В 1215 году Чингисхан захватил и сжег Пекин, а окончательно империя Цзинь была завоевана уже после его смерти — в 1234 году.

В 1218 году татаро-монголы распространили свою власть на Восточный Туркестан.

В 1219—1224 годах Чингисхан был занят войной с государством хорезмшахов — обширной разноязычной страной, включавшей часть Средней Азии и территорию современных Ирана и Афганистана. Один за другим пали под ударами завоевателей богатейшие города Востока — Отрар, Бухара, Самарканд, Хорезм... После этого острие татаро-монгольского нашествия обратилось на юг — к богатствам Индии и Пакистана. «Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, — записал об этом этапе завоевания Карл Маркс, — дворцы и мечети — все летит к черту».

В середине 1220 года одновременно с разгромом Средней Азии Чингисхан начал подготовку к походу на далекий Запад. Для разведки будущего театра военных действий он отрядил сильный корпус во главе с Субэдеем и Джебе. Великий хан сам напутствовал верных «цепных псов» в длительный четырехлетний рейд.

Эхо военных походов нового «властилина Вселенной» уже раскатывалось по тогдашнему миру. В 20—30-х годах XIII века о татаро-монголах знали не только в Средней Азии, но и в Северной Африке и даже в Европе. Русские летописцы обобщенно называли завоевателей «татарами», хотя на самом деле в рамках единого монголо-татарского государства объединились многие десятки племен. Рассказы о великих несчастьях, перед которыми

меркли ужасы библейских трагедий, кочевали по миру, разносимые купцами и странниками. Передаваемые из уст в уста, они изменялись, приобретали черты небылиц и сказочные оттенки.

«Кто эти, преследующие наших, как волки, когда они гонятся за стадом овец до самой овчарни? — восклицал, заворачивая слушателей, красноречивый путешественник. И отвечал сам себе: — Это четыре пса Тэмуджина, вскормленные человеческим мясом. Он привязал их на железную цепь. У этих псов медные лбы, высоченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру. В боях пожирают человеческое мясо. Теперь они спущены с цепи. У них текут слюни, они радуются. Эти четыре пса — Джебе, Хубилай, Джелме и Субэдэй!»

В таких неправдоподобных одеждах, изукрашенные сказочными ужасами, докатывались до Руси вести о новых завоевателях мира. С одной стороны, им верили — к этому склоняли сходные на всей земле жестокости феодального порядка. С другой — не верили, как не верят до конца страшным сказаниям...

Опустошив Северный Иран, пройдя мечом и огнем Закавказье и Северный Кавказ, ранней весной 1223 года тридцатитысячный корпус Субэдэя и Джебе прорвался через «Железные ворота», как называли крепость Дербент, замыкавшую путь на север вдоль западного побережья Каспийского моря, и вышел в половецкие степи.

ПЕРВОЕ
СТОЛКНОВЕНИЕ

Весна 1223 года была бурной и дождливой, реки вышли из берегов, а степные дороги так развезло, что ни пешему, ни конному не пробраться. В такую пору нечего было опасаться набегов давних врагов Руси — половцев. А в древнем Галиче чувствовали себя еще спокойнее, чем где бы то ни было, — ведь совсем недавно галицкий князь Мстислав Удалой, как прозвали его в городе за необычайную отвагу, женился на дочери могущественного половецкого хана Котяна. Правда, среди половецких племен не было согласия — могла напасть на город и другая орда. Это и заставляло дозорных внимательно всматриваться в даль — не скачут ли всадники, не дымят ли сторожевые костры на курганах.

В один из дней у главных ворот города остановился половецкий караван, состоявший из большого количества повозок, верблюдов и лошадей. Сопровождали его погонщики и небольшая вооруженная охрана, уставшая от долгого пути. Стража приняла прибывших за обычных торговцев и после недолгих переговоров пропустила их в город. Но скоро выяснилось, что караван принадлежит Котяну, который вместе с несколькими половецкими князьками тайком прибыл в Галич предыдущей ночью и сразу был проведен на княжий двор.

Печальную историю поведал Котян правителю Галича. В предгорьях Северного Кавказа, в стране алан кочевала половецкая орда. Обильные луга, напоенные весенними дождями, давали богатый корм для лошадей и овец. Покой и довольство царили в каждом кочевье. Но спокойная жизнь была прервана внезапным нападением неведомых врагов. Они прорвались через «Железные ворота» у города Дербента. Не помогли защитникам города ни каменные стены мощной крепости, спускавшиеся с гор прямо к морю, ни страстные молитвы — город был взят скоротечным яростным штурмом, разграблен и сожжен. Затем монголо-татары — а это были именно они — вырвались на степные просторы и принялись одно за другим крушить стойбища кочевников.

Рассказал Котян, что завоеватели покорили уже многие земли. Часть половецких орд они загнали в Крым и там их полностью уничтожили. Лишь Котяну и еще двум-трем ханам удалось увести своих людей за Днепр и спастись от беспощадного противника.

Выслушав рассказ хана, Мстислав сразу понял, что новый враг очень опасен и не сегодня-завтра он доберется и до южнорусских княжеств. Он тщательно расспросил Котяна о военных приемах монголо-татар, численности их войска и его составе. Получалось, что одной галицкой дружине с новым врагом никак не совладать, и Мстислав решил ехать в Киев — собирать совет русских князей, думать о совместном отпоре врагу. Вместе с Мстиславом и Котяном в Киев отправился князь Даниил из Владимира-Волынского.

Следом за княжеским отрядом шли галицкие и владимир-волыньские войска.

Впереди двигалась конная дружина. Дружинники, одетые в кольчуги и шлемы, вооруженные мечами и копьями. У каждого лук и колчан со стрелами. У некоторых кони защищены доспехами, а у большинства — в наголовниках, защищающих от удара копья или сабли. В вооружении русского воина, как конного, так и пешего, нашли свое место западный меч и восточная сабля, копья, пики, чеканы, кистени, булавы, луки, стрелы бронебойные и легкие.

За конницей шли воины с камнеметами и арбалетами. Галицкие князья понимали большое значение похода, и потому пехотинцы в их войсках были вооружены так же хорошо, как и конные воины. И наконец, последними скакали всадники, охранявшие войска от нападения противника с тыла.

Тишина наступила в Галиче, только напряженно всматривались в степную даль дозорные небольшого отряда, оставшегося беречь покой княгини с детьми и всех галичан.

В Киеве Мстислава Удалого, Котяна и их попутчиков встретили настороженно. Киевского князя тоже звали Мстиславом. Он отличался от галицкого князя большой осторожностью, граничившей с трусостью, — десять лет сидел спокойно в белокаменном Киеве, поэтому битва с неведомым врагом вовсе его не прельщала.

Мстислав Киевский выслушал Котяна и Мстислава Удалого и не дал ясного ответа.

Галицкий князь — родственник половецкому хану, вот пусть он ему и помогает, рассуждал киевский князь, а мы как-нибудь пересидим тихо, ведь так не раз бывало во время набегов. Или откупимся от новых степняков, как откупались от других.

Мстислав Удалой предложил собрать княжеский совет, тем более что он уже послал гонцов к другим князьям. Киевляне согласились: совет так совет, а там видно будет.

Время тянулось медленно. Наконец собрались почти все приглашенные. Не было только ответа от Юрия Владимирского. Решили его дожидаться: князь сильный и земля за ним стоит большая. Еще раз послали гонцов. Вернулись гонцы и привезли ответ Юрия. Он отказывался участвовать в общем походе из-за распрей с Киевом и Галичем. Даже на совет явиться не захотел, счел для себя унижительным ехать по зову других князей. Так сильные владими́ро-сузда́льские войска уклонились от помощи другим русским ратям и не приняли участия в битве на Калке.

Долго думали князья и воеводы, судили, рядили. Больше всех говорили половецкий хан Котян и Мстислав Удалой. Уже всех князей да бояр одарили половцы: кому сундук с добром, кому верблюдов, коней, иным красавиц рабынь, богатые украшения, оружие.

Котян убеждал русских правителей не дожидаться врага за стенами своих городов и крепостей, а выйти в открытое поле и дать решительное сражение. Только так можно победить, говорил он. «Нашу землю отняли, а завтра придут и возьмут вашу, — сказал он князьям в заключение. — Обороните нас, а не помогите нам, — мы сегодня иссечены будем, а вы с утра иссечены будете!» После этих слов Котян покинул совет, чтобы дать русским князьям самим обдумать положение. Много было высказано разных сомнений. Тогда сказал Мстислав Удалой: «Если мы, братья, им не поможем, то половцы предадут нас и соединятся с татарами, и тогда у них еще больше сил будет!» Реальные опасения, высказанные Мстиславом, могли сбыться, и тогда русским пришлось бы противостоять объединенным силам степняков.

В конце концов князья рассудили, что лучше встретить врага на чужой земле, чем на своей. Русские дружины двинулись в половецкие степи.

Решили, что первым поведет свои полки Мстислав Удалой, взяв под команду и дружину Даниила из Владимира-Волынского. За ним пойдут половцы и полки других князей, а киевские рати будут замыкать движение.

Из-за распутицы пришлось долго ждать подхода всех войск. Каждый князь командовал своей дружиной, а вот единого руководства в походе не было: никак не могли князья договориться, никто не хотел подчиняться другому. Место сбора войск было назначено на берегу Днепра, у порогов, там, где реку пересекает на два потока остров Варяжский. Здесь, на высоком берегу, хорошо защищенном от неожиданного нападения рекой и глухими оврагами, и расположился стан русских войск. Рядом стояла половецкая орда.

Татаро-монгольские полководцы уже знали, что против них выступило большое и сильное войско, состоящее из русских дружин и половецких отрядов, — разведка у врага работала отменно. Субэдэй и Джебе обеспокоились, так как силы татар были подорваны длительными переходами, упорным сопротивлением народов завоеванных земель. К тому же татаро-монголы не любили бороться с объединенными силами своих противников, а всегда стремились изолировать народы друг от друга.

К русскому лагерю помчался отряд парламентаров. Татаро-монгольские конники несли русским князьям предложение мира. Завоеватели настаивали, чтобы в переговорах не участвовали половцы. Послы передали Мстиславу Удалому коряво написан-

ную грамоту, писал ее скорее всего половчанин, немного знавший русский язык и попавший в полон к врагам. В грамоте говорилось, что ордынцы не собираются нападать на русские земли, не будут трогать ни города, ни села, а пришли наказать половцев — своих рабов. Русским князьям они предлагают мир и просят не принимать половцев, которые будут бежать от завоевателей в пределы русской земли, а добро их все забирать себе. Мстислав прочитал грамоту и приказал взять послов под стражу. На полевом совете князья отвергли предложение ордынцев и стали думать, что делать с послами; сначала хотели отпустить с миром, но Котян сказал, что он уже сталкивался с послами ордынцев: они хорошие лазутчики. Видели они в стане много и все расскажут своим, и тогда беда не минует. Решительный Мстислав вызвал ближнего воеводу и что-то тихо приказал ему. Татарских послов больше никто не видел. Летописец запишет потом: «Князья русские татар не послушали, а послов татарских избили».

На следующий день войска двинулись вниз вдоль берега Днепра. Еще не все дружины и половецкие отряды подошли, и переходить Днепр русские и половцы не решались. Скоро татары прислали второе посольство, которому на словах было велено передать предложение Субэдэя и Джебе: «Зря вы послушали половцев и послов наших убили; напрасно идете на нас, мы хотим с вами только мира». Мстислав выслушал татар и велел их отпустить без ответа, а князьям и воеводам сказал: «Раз татары усиленно просят мира, — значит, бояться нас, а пока бояться, надо их бить».

Долго думали на новом княжеском совете, как биться с врагом, спорили и приняли трагически неверное решение — напасть по частям: каждый князь поведет в бой свои войска, когда сочтет нужным.

К этому времени почти все уже собрались. Последним пришел отряд воинов-пехотинцев из Смоленска — четыреста человек. Это были отличные воины, и вооружены они были добротно — каждый имел лук и по два колчана стрел. На поясах у смолян висели булатные мечи, длинные боевые ножи, большинство было одето в кольчуги или в пластинчатые доспехи. Смоляне присоединились к войскам Мстислава Удалого.

Мстислав Удалой отобрал для битвы тысячу лучших воинов. С ним пошел Даниил Волынский. Пройдет время, и этот князь станет достойным преемником Мстислава. В суровую годину татаро-монгольского нашествия и постоянных нападений

с запада он не только сохранит самостоятельность Галицко-Волынской земли, но и значительно усилит ее.

Галицкий князь переправился через Днепр, снял вражеские дозоры и разгромил передовые силы татаро-монголов во главе с темником Семейбеком. Конница врага в панике бежала, смяв своих лучников.

Разъяренные воины разгромленного авангарда закопали своего предводителя живьем в землю. Так и нашли его половцы. Едва живой Семейбек рассказал им об успехе русских дружин, уже умчавшихся вперед в погоне за врагами.

За передовым отрядом Мстислава Удалого устремились дружины других князей. Успех первых столкновений с татаро-монголами воодушевил русских. Все хотели скорее вступить в бой и победить захватчиков. Дружины из Владимира-Волынского, Курска, Трубчевска и Путивля погрузились на суда и двинулись вниз по Днепру к морю. Воды не было видно из-за большого числа лодок с вооруженными людьми. Над каждой из них трепетал на ветру княжеский стяг. Так караван спустился к острову Хортица. Это небольшой кусочек земли был хорошо известен воинам, купцам и путешественникам. Здесь останавливались на отдых воинственные варяги, отправившиеся на службу к императорам Византии, отдыхали и ремонтировали суда русские купцы. Для иноземных торговцев он часто становился убежищем от непогоды, штормов и грабителей. Византийский император Константин Багрянородный называет его в своих сочинениях островом Святого Георгия. И на этот раз воеводы и рядовые воины надеялись на помощь Георгия Победоносца, покровителя русских воинов.

С острова войска переправились через Днепр. Вскоре конные дозоры столкнулись с татаро-монголами. Случилась конная схватка, и русским дружинам удалось разгромить передовые отряды. Ордынцы не ожидали встречи и поэтому не успели увести обозы и скот, всегда сопровождавшие орду в походе. Все это стало добычей победителей. Здесь дружины, шедшие с Хортицы, встретились с воинами Мстислава Удалого и половецкими ратями. Вскоре подоспели и киевляне. Несколькими колоннами русские войска двинулись в глубь степи к реке Калке. Предстояло восемь дней пути. Орда откатывалась назад, но не уходила, а снова и снова вступала в быстротечные бои. Татаро-монголы заманивали соперников в степи, где надеялись с помощью излюбленных приемов — конной облавы и рейдов лучников — одержать победу.

Русские князья еще не знали изощренной военной тактики врага. Не было между ними единства, необходимого в тяжелой борьбе. Все воспротивились попыткам Мстислава Галицкого установить единоначалие во всем войске, и он, поняв, что ничего не удастся сделать, увел вперед своих дружинников и ополченцев.

После этого отдельные русские дружины окончательно потеряли связь друг с другом, каждый князь стал действовать по собственному плану, на свой страх и риск.

В последний майский день 1223 года рано утром дозорные увидели татаро-монгольские войска. Небольшой конный разъезд русских неожиданно столкнулся с группой вражеских конников. В ярости сшиблись две горстки воинов. Погиб воевода Иван Дмитриевич и два воина русского сторожевого дозора, а из татарского разъезда удалось уйти только четверым. Но именно они и сообщили своим военачальникам о приближении большого русского войска.

Летучие конные отряды врага стали часто нападать на разрозненные русские дружины.

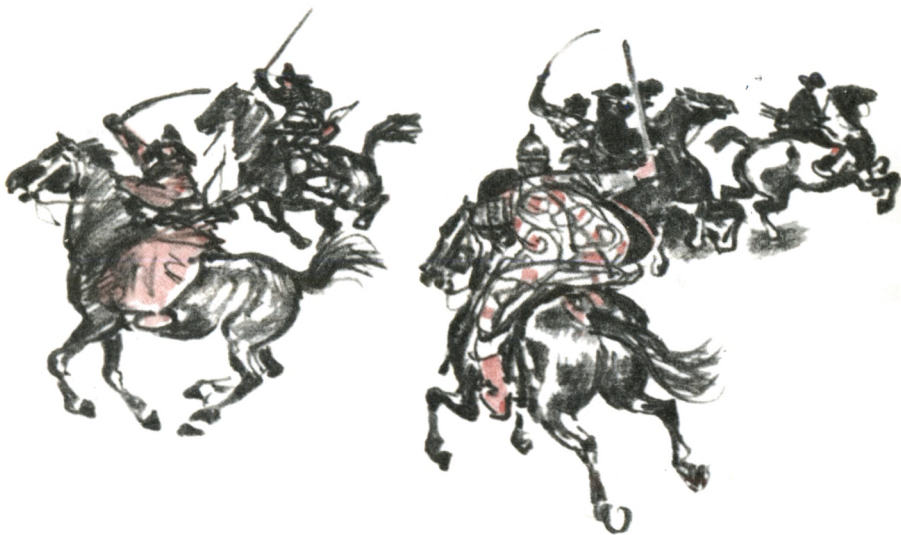
Столь неудачное начало внесло сумятицу и неорганизованность в ряды русских и половцев.

Мстислав Удалой приказал князю Даниилу перейти Калку, а следом перешел реку сам. Основной же лагерь русских находился на противоположном берегу реки. Скоро Мстислав увидел бесчисленные ряды ордынских воинов. Он не послал гонцов к остальным князьям, решив единолично получить все лавры победы.

Ордынцы напали на полк Даниила и окружили его. Восемнадцатилетний Даниил был тяжело ранен в грудь, но в запале боя даже не почувствовал боли. Половецкий хан Ярун двинул свои рати на помощь Даниилу, но скоро половцы, не выдержав дождя татарских стрел, неожиданно повернули назад, чем внесли беспорядок в ряды русских дружин.

Вслед за полками Даниила и Яруна в бой вступил Мстислав Удалой. Воинам его пришлось не только биться с татарами, но и спастись от лавины бегущих половцев, за которыми мчались вражеские конники. Как ни пытались Мстислав и его лучшие воеводы склонить исход сражения в свою пользу, ничего не получалось.

В жарких схватках гибли лучшие дружинники, и через несколько часов боя от войск Мстислава осталась только небольшая группа его телохранителей.

Силы таяли, и Мстислав уже решил прекратить бой, когда увидел израненного Даниила в сопровождении горстки дружинников. Он понял, что битва проиграна и выход остался один — отступить, соединиться с другими князьями, чтобы снова продолжать борьбу.

Так были разгромлены лучшие русские полки. Правда, оставалось еще большое киевское войско. Однако Мстислав Киевский, узнав о поражении галицких дружин, решил первым в бой не вступать, а укрепиться на высокой горе над рекой Калкой. Срочно начали строить укрепления — сооружали рвы, копали и прикрывали ветками волчьи ямы, чтобы остановить наступление ордынской конницы. Вся возвышенность была окружена частоколом, который для большей крепости был обложен камнями. Не одну неделю думал обороняться киевский князь, но врагу понадобилось всего три дня, чтобы перехитрить и разгромить защитников этого временного укрепления. В течение этих трех дней русские совершили несколько вылазок. Во время одного из таких рейдов удалось захватить в плен татаро-монгольского воина, от которого киевляне узнали подробности поражения своих соотечественников.

Сначала у укрепления находилось только два отряда во гла-

ве с воеводами Чигирханом и Тешуханом. Татаро-монголы могли бы штурмовать гору над Калкой всеми силами, но тогда они упустили бы время и дали собраться остальным русским полкам. Поэтому главные силы врага устроили облаву на разрозненные русские дружины и уничтожали их поодиночке. Лишь после этого начался первый штурм цитадели. Частокол был сожжен горячей смолой, рвы завалены трупами лошадей, волчьи ямы просто обойдены. Захватчики хорошо умели осаждать крепости — научились этому во время завоевания других земель.

Но этот яростный натиск был отбит. Отхлынули от холма татарские тумены. Скоро прискакало к русским татарское посольство. Субэдэй и Джебе предложили Мстиславу Киевскому сдаться, обещая за выкуп отпустить всех на Русь. Положение киевской дружины к этому времени было отчаянным: значительная часть войска уже погибла, отражая штурм, а помощи ждать было неоткуда. И Мстислав приказал сложить оружие, поверил врагу.

Расправа над безоружной массой киевского воинства была чудовищной. Все пленные были перебиты. А князья-пленники умерли мучительной смертью: их положили под доски, на которых, как на помосте, пировали, празднуя победу, Джебе и Субэдэй со своими приспешниками.

Не все киевские дружинники сдались врагу и покорно ожидали смерти. В их рядах, по преданию, воевал со своим отрядом легендарный русский богатырь Алеша Попович. Он был верным помощником ростовского князя Константина, а после смерти Константина ушел в Киев. Так попал он на Калку. «...А тогда нападали на нашу землю татары. Он и нарвался на татаров. Одного татарина за ноги схватил, да этим человеком двести тысяч татар перебил». Так рассказывали в народе о подвигах Алеши. Его небольшой отряд был окружен, и враги, видя, какой большой урон наносит горстка храбрецов, предлагали им сдаться и сулили отпустить всех живыми. Но воины уже знали цену обещаниям врагов и бились до конца. Таким бесстрашным и остался в народной памяти ростовский «храбр» Алеша Попович, не пожалевший жизни за свободу родины, павший далеко от родного города Ростова Великого.

Летописцы сообщают нам, что вместе с Алешей Поповичем бился на Калке и другой русский былинный богатырь Добрыня Рязанич — Златой Пояс.

Остатки разгромленных русских дружин пробирались к Днепру. Мстислав Удалой с небольшим числом уцелевших дружинников вышел к тому месту, где стояли ладьи русских. Все воины разместились на нескольких ладьях, а остальные Мстислав приказал сжечь или изрубить, чтобы не дать татарам настигнуть их за Днепром.

И в самом деле, татаро-монгольские войска кинулись было в погоню за отступавшими.

Но силы врага были основательно подорваны, и, дойдя только до Днепра, татаро-монголы повернули к Волге, а затем ушли в Монголию.

Так впервые столкнулись русские с новым грозным врагом. Несмотря на то что русские войска были лучше вооружены и могли бы уверенно противостоять врагу, первое столкновение закончилось поражением. Наступательная инициатива почти все время была в руках русских дружин, но, увлекшись преследованием, русские и половцы неожиданно попали в ловко расставленные ловушки и засады, а «татарская рать», как метко отметил арабский хронист Рашид-ад-Дин, «внезапно обернулась и ударила на них и до соединения их избила у них людей», применив один из излюбленных приемов военной стратегии монголо-татар.

Отсутствие единства, порожденное феодальной раздробленностью, губительно сказывалось на политической и военной

мощи Руси. Битва на Калке обнаружила это с предельной ясностью.

Татаро-монголы сразу поняли главную слабость Руси. Через десять с небольшим лет они будут по очереди громить русские княжества — Рязанское, Владимирское, Киевское...

А русские князья не придали нужного значения появлению такого противника: «...откуда пришли те татары, не знаем и неизвестно куда делись опять».

Битва на Калке оставила глубокий след в народной памяти: только каждый десятый ушедший в поход воин вернулся к родному очагу. И старый монах-летописец, сидя в убогой келье, записал при тусклом свете масляного светильника на листе пергамента: «Погибло людей без числа, и был плач и печаль по всем городам и землям».

«ТОЛЬКО ДЫМ, И ЗЕМЛЯ, И ПЕПЕЛ...»

Минуло четырнадцать лет. Стали забывать на Руси, как изрубили татаро-монголы русских и половцев на Калке. Да и завоеватели, получив отпор в земле волжских булгар, казались, растворились в бесконечных просторах азиатских степей.

Далеко Калка от Рязани, не участвовали в битве рязанские полки, и лишь по рассказам знали рязанцы о воинственных кочевниках. Но в середине 30-х годов XIII века стали они получать вести о том, что татаро-монгольские войска вторглись в соседнюю Мордовию. Начали в Рязани готовиться к защите родной земли.

Много столетий обживали люди берега реки Оки. На удобном месте — высоком береговом мысу — построили город, надежно защищенный крепостными валами десятиметровой высоты и глубокими рвами, наполненными водой. Издавна привлекала Ока путешественников и купцов: и сообщение с Волгой и южными реками удобное, и места богаты рыбой, зверем. Поэтому издавна селились здесь славяне, строили деревни и города. Занимались земледелием, разведением скота, промыслами, ремеслом и торговлей.

Арабские путешественники, часто бывавшие на Руси, называли Оку «славянской рекой». На ее берегах не раз находили клады арабских серебряных монет — дирхемов, имевших хождение на Руси в IX—XI веках. Много судов проплывало по Оке, много проезжало здесь купцов, русских и иноземных. Часто приходилось им прятать сокровища в землю при нападениях разбойников. Иногда за кладами по разным причинам не возвращались — теряли место или просто некому было приходиться.

Год от года богатели Рязань. В городе было множество жилых домов, ремесленных мастерских, торговых лавок, три каменных храма. Строить из камня было очень дорого, и поэтому даже княжеский дом был деревянным и имел лишь каменный фундамент. На гребне городского вала были устроены деревянные укрепления из бревенчатых клетей, заполненных камнями и глиной. Несколько деревянных башен возвышались над стеной. Был в городе и свой детинец — крепость в крепости, — огороженный валом

с башнями и воротами. В детинце прятались уцелевшие защитники, когда весь город попадал в руки врага. Здесь находились княжеские хоромы, дома его воевод и бояр. Простые рязанцы жили под прикрытием городского вала или в слободах за его пределами, на примыкавшей к городу равнине.

Глубокой осенью 1237 года у границ Рязанской земли появились первые вражеские разведчики. А как только мороз схватил реки и озера и дороги стали проезжими, в пределы рязанских владений вторглось огромное войско во главе с верховным правителем татаро-монголов Батыем.

Стала Рязань готовиться к обороне. Княживший в Рязани князь Юрий Игоревич срочно послал за помощью в Чернигов и Владимир.

Не сразу пошел Батый на штурм, когда увидел мощные укрепления и узнал о решимости жителей защищаться до конца. Хан не хотел терять воинов и решил пойти на обман. Он направил в город послов с предложением о мирной сдаче. Послы от имени хана потребовали откуп — десятую долю во всем: с урожая, с ремес-

ленных изделий, в охотничьей добыче, в товарах, в рабах и рабынях... Но не склонились рязанцы к позорному миру и стали собирать силы для генерального сражения. В это время вернулись гонцы из Чернигова и Владимира. Черниговский князь упрекал рязанцев за то, что те не приняли участия в сражении на Калке. А Юрий Владимирский ответил молчанием — хотел, видно, защищать только свои владения, а может, надеялся, что минует его землю злая судьба. Ослабление Рязани он считал для себя делом выгодным. Не извлекли князя уроков из поражения на Калке, каждый собирался воевать только за свой город, свою отчину. Остались рязанцы в одиночестве.

Князь Юрий, узнав об отказе, решил пойти на мировую и

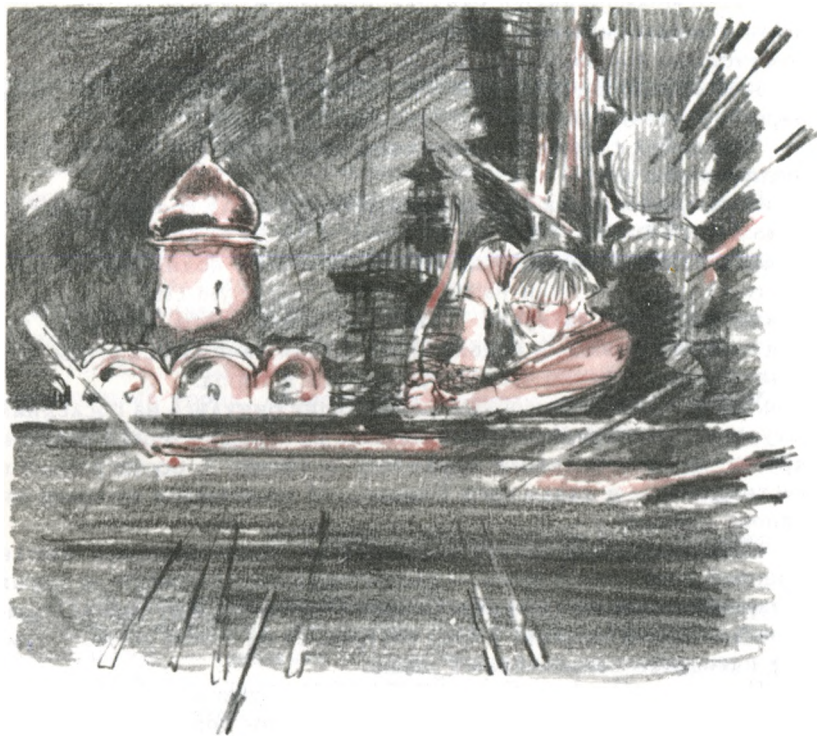

послал к Батыю посольство во главе со своим сыном Федором. Батый принял послов ласково, благодарил за подарки, обещал не ходить войной на Рязанскую землю и даже предлагал Федору перейти к нему на службу. Федор отверг предложение хана. Никто из большого посольства и дружины не перешел на сторону врага, и тогда на реке Воронеж, где стояло посольство и его охрана, произошло первое ордынское злодеяние — все князья, воеводы и рядовые дружинники были казнены.

Горе и печаль прилетели в Рязань вместе с вестью о гибели посольства. Не выдержала страданий жена князя Федора — бросилась на землю из высокого терема вместе с малолетним сыном.

Но некогда было горевать рязанским воинам — уже появились вблизи Рязани разведывательные разъезды монголо-татар. «Да будет путь им темен и скользок», — шептали дозорные на высоких башнях рязанского кремля.

«Лучше нам добыть смертью славу вечную, — решили рязанцы, — чем во власти поганых быть!» Собрав ополчение, Юрий двинулся к укрепленным оборонительным линиям своего княжества. В заснеженных полях «близ пределов рязанских» произошло столкновение. Точное место его неизвестно и поныне. Рязанцы, сообщает сказание, «начали биться крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Многие полки пали Батыевы. А ханская сила была велика — один рязанец бился с тысячей, а два — с тьмою... Все полки татарские дивились крепости, мужеству рязанскому. И едва одолели их сильные полки татарские».

Когда стал ясен трагический исход сражения, Юрий с остатками своих отрядов вырвался из кольца смертельных объятий Батыева войска и ускакал в Рязань. Даже сейчас, когда полегла, залив кровью истоптанное поле, его дружина, он не думал сдаваться. Оставалась надежда на крепкие рязанские стены и несломленное

мужество ее защитников. Рязанская крепость, с трех сторон окруженная валами и рвами, стояла на высоком берегу Оки. С четвертой стороны естественным защитным рубежом служил крутой береговой обрыв. В город, узнав о поражении, собралось население окрестных сел. Все, кто мог, взялись за оружие.

16 декабря с высоких крепостных стен увидели дозорные подошедшего врага.

Пять дней и ночей сдерживали натиск жители города. Каждый день Батый бросал в бой новые силы, а число защитников города таяло с каждым часом. Уже женщины и дети поднялись на крепостные стены — лили на захватчиков горящую смолу, бросали камни, стреляли из луков. В одну из ночей враги обложили город горами хвороста и подожгли их. Стали заниматься огнем стены и башни, а затем пламя прорвалось в город.

Утром шестого дня осады нападающие ринулись на последний штурм — «спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие со стенобитными орудиями, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань... И не осталось во граде ни одного живого».

Много столетий спустя археологи во время раскопок нашли мощный слой угля и золы — следы пожара, пылавшего во время татаро-монгольского штурма. Старая Рязань так и не смогла оправиться от этого погрома. Город отстроился на новом месте — там, где находится современная Рязань.

Рязанский воевода Евпатий Коловрат в это время находился в Чернигове. Когда вести о разгроме Рязани дошли туда, он собрал воинов и поспешил на помощь родной земле, но опоздал, застав на родине только дымящиеся развалины. Отряд устремился на север, куда ушли завоеватели. Истоптанные снега и черные пепелища указывали Коловрату путь, которым прошел враг. В один из дней рязанский воевода настиг расположившееся на отдых татаро-монгольское войско. Две тысячи воинов бросились в бой против десятков тысяч завоевателей. Лучший темник Батыя Хостоврул пытался остановить яростный натиск русской дружины. В поединке рассек его мечом Евпатий Коловрат.

Лишь к вечеру сумели татаро-монголы окружить дружину, но никто из воинов не сдался, и бой шел, пока не упал под ударом вражеской сабли последний русский воин. Тело убитого Евпатия Коловрата привезли в ставку к Батыю. Один из темников сказал верховному правителю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам о таких. Это люди крылатые, не знают

они смерти и так крепко и мужественно на конях бьются — один с тысячью, а два — с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». — «Если бы вот такой служил у меня, — ответил Батый, — держал бы его у самого сердца своего». Так даже не знавший жалости хан вынужден был признать величие и стойкость русских людей.

Долго ходили по Руси былины о гибели славного Коловрата, и рассказчики обычно заканчивали их словами: «Хорошо помнит Рязань своих героев, а что до князей, то пусть они сами себе дорогу выбирают, а народ решит по-своему. На народе все держится — и земля наша, и свобода наша».

В начале января 1238 года, через полмесяца после разгрома, пришел в Рязань из Чернигова племянник Юрия Рязанского — князь Ингвар. Страшная картина открылась ему, когда он въехал в сожженный город. «Множество мертвых лежали, и град разорен, земля пуста... Только дым, и земля, и пепел...».

ШТУРМ СТОЛЬНОГО ВЛАДИМИРА

Лютым запомнили владимирцы — те, кто уцелел, — февраль 1238 года. И не потому, что жесток был мороз, велики сугробы и сильны вьюги, — привычен русский человек к крепкому холоду. Та зима началась с тревожных вестей о разорении Рязани. Потом принесли гонцы известие о разгромах Москвы — пограничной крепости владимирского княжества. Стали думать об обороне.

Все лучше узнавали русские люди нравы и приемы новых завоевателей — татаро-монголов. «С ними очень опасно начинать бой, — писал один из историков того времени. — Так как даже в небольших стычках с ними так много убитых и раненых, как у других народов в больших сражениях. Это является следствием их ловкости и стрельбы из лука, так как их стрелы пробивают почти все виды защитных средств и панцири (они сами и их лошади носят таковые из кожи). В сражениях в случае неудачи отступают они в организованном порядке; преследовать, однако, их очень опасно, так как они поворачивают назад и умеют стрелять во время бегства и раят бойцов и лошадей. Как только видят они, что противник при преследовании рассеялся и его ряды пришли в беспорядок, поворачивают опять против него и таким образом достигают победы».

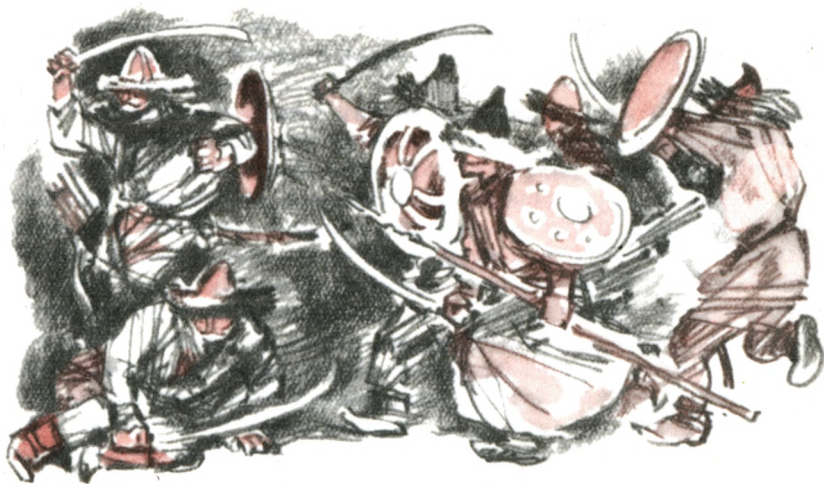
Несколько дней подряд княжеский совет Владимира обсуж-

дал, как отразить нападение. Единого мнения не было. Одни советовали вывезти княжескую семью и казну в глухие лесные места, а всем войском, укрепившись в городе, обороняться. Другие возражали: времени на это уже нет! Лучше княжескую семью с частью войска оставить в городе, а великому князю Юрию Всеволодовичу с основными силами стать в надежном месте и не давать Батыю штурмовать столицу.

Но и такой план не осуществился. Едва выйдя из города, Юрий получил известия о силах татаро-монгол и понял, что будет легко ими разгромлен. Поэтому, оставив родной город, князь вместе с небольшим войском устремился на север, к Ярославлю — собирать полки.

С трех сторон защищали Владимир обрывистые берега Клязьмы и Лыбеди, а с четвертой, западной, стороны за главными Золотыми воротами и мощной, оснащенной боевыми башнями крепостной стеной простиралось огромное Раменское поле. На нем 4 февраля увидели защитники передовой отряд татаро-монголов. Весь день, быстро прибывая, вражеское войско заполняло поле, расположилось лагерем, в глубине которого чернел ханский шатер.

В полдень отряд всадников подскочил к Золотым воротам. Татары вытолкнули вперед толмача-переводчика, и тот начал выкрикивать, обращаясь к владимирцам, то, что говорил ему ханский темник. Батый предлагал городу добровольно сдаться.

«Где князи рязанские? — кричал в морозный воздух толмач. — Не нашими ли руками взяты и смерти преданы?»

Стрелами ответили владимирцы на это позорное предложение. Тогда татары вытолкнули из середины отряда — ближе к воротам — пленника в изодранной одежде. Защитники столицы узнали в нем московского князя Владимира Юрьевича, захваченного врагом при разгроме Москвы. Со свистом резанули воздух сабли, и упал Владимир у главных ворот столицы. А враги, повернув коней, ускакали в поле, к далекому ханскому шатру.

Целый день 5 февраля завоеватели большими группами ездили вокруг города — изучали укрепления. Другие отряды сгоняли к Владимиру население пригородных сел. Прошли сутки, и началась активная подготовка к штурму. Щелкали ордынские плети, заставляя пленных рубить лес, таскать его к городу — строить вокруг Владимира тын, чтобы никто не вырвался, не ушел от сабли или стрелы. Против городских стен ставили завоеватели камнеметные машины — пороки — и уже к вечеру первые многопудовые глыбы обрушились на башни, полетели в деревянный город горшки с горящей нефтью, от которой там и здесь занялись пожары. А для полного устрашения осажденных пленников гоняли под стенами города, нещадно избивая.

С часу на час ждали горожане штурма, трещали под ударами камней крепостные стены, и тучи стрел осыпали город смертельным дождем. В это решающее время не выдержала испытания владимирская знать. С благословения епископа Митрофана князья и бояре постриглись в монахи и затеяли долгую службу в Успенском соборе, моля бога о спасении и вознесении в рай.

А городские укрепления уже были в нескольких местах пробиты, и Батыевы тумены бросились на первый приступ. В проломах завязались отчаянные рукопашные схватки. Враги отступили лишь поздно вечером, когда накрыла город февральская ночь. Но едва забрезжил рассвет, как вновь с деревянным стуком загрохали осадные машины — долбили стены. Треск боевых барабанов, привязанных к седлам сотников, сгонял под стены воинство Батыя, и оно, словно осинный рой, окружило город, ожидая, когда упадут расшатанные стены и башни.

И стены не выдержали. Первой рухнула, открыв участок города напротив церкви Спаса, стена южнее Золотых ворот. Затем проломы возникли еще в нескольких местах, и свежие ордынские тумены ринулись на штурм. Передовые отряды тащили бревна и огромные вязанки хвороста — засыпать рвы напротив проломов.

Скоро эта задача была выполнена, и по завалам-примётам завоеватели хлынули в город с разных сторон.

Полею сражения стали улицы пылающего Владимира. Группы защитников сшибались с толпами врагов, но, тесня и сминая владимирцев, по залитым кровью улицам враги приблизились ко второй линии укреплений — Среднему городу — и с ходу пересекли её. Организованного сопротивления здесь уже не было: слишком много воинов полегло на главной городской стене.

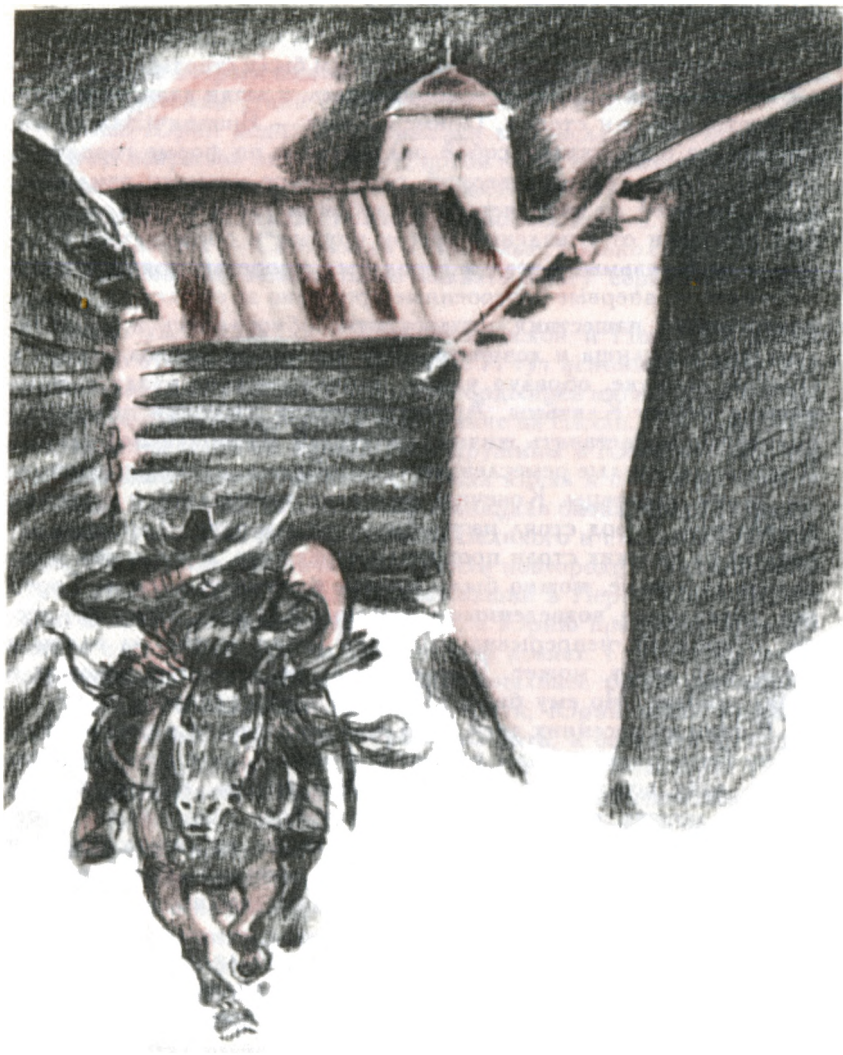
Затем захватчики ворвались во владимирский кремль-детинец, и здесь завершилась двухдневная битва.

Уцелевшие защитники укрылись в каменном Успенском соборе. Там же, пряча глаза от израненных воинов, жались в дальние углы храма владимирские бояре-монахи, сменившие меч на спасительный, как им казалось, крест.

Напрасно призывал толмач владимирцев открыть двери и сдаться. Так же, как несколько дней назад, они ответили твердым отказом. Злую смерть придумал им Батый. Татаро-монголы, сломав близлежащие дома, быстро обложили собор деревом и подожгли его со всех сторон.

В гигантском взметнувшемся к небу костре погибли последние защитники столицы.

Пепел пожарищ покрыл заснеженные поля и скованные льдом реки. Горький дым стался над ними. Орда, разграбив город, по частям двинулась в разных направлениях — жечь и разорять другие русские земли.

КОНЕЦ ЯРОПОЛЧА

Многие города северо-восточной Руси были стерты с лица земли, жизнь в них больше не возобновилась, и люди даже не помнили место, где они стояли. Пример этому — Ярополч-Залесский. Внешне он представлял собой полукруглое по форме городище, со всех сторон, кроме северной, окруженное мощным земляным валом высотой до пяти метров и глубоким рвом. С севера город был защищен от нападений врагов крутым и обрывистым берегом реки Клязьмы. Въезд в город был прорезан прямо в валу. Укрепления, впервые построенные примерно за сто лет до татаро-монгольского нашествия, неоднократно обновлялись и ремонтировались. Жилища и хозяйственные постройки располагались в строгом порядке, образуя улицу, тянувшуюся от входа в городище к берегу Клязьмы. Археологические раскопки позволили полностью представить жизнь обитателей Ярополча-Залесского. В нем жили умелые ремесленники: литейщики, кузнецы, косторезы, ткачи, торговцы. Конечно, горожане занимались и сельским хозяйством. Город стоял на удобном водном пути. Торговые караваны из далеких стран проходили через него, и все, в чем нуждались горожане, можно было купить у заезжих купцов. Город рос, укрепления, возведенные в середине XII века, стали ему тесны, обширный, непрерывно растущий посад возник за валом и рвом. Кто знает, может, Ярополч стал бы большим городом и стоял поныне. Но ему была уготована другая судьба.

В один из весенних дней 1238 года подступили к стенам Ярополча беспощадные орды татаро-монголов. Город отказался открыть хану ворота и сдаться. Начался штурм. Ярополч горел сразу во многих местах, но жители его упорно оборонялись. В отчаянных схватках на укреплениях, на улицах, во дворах усадеб и отдельных домах погибло большинство жителей. В развалинах сгоревших и разрушенных построек читаем мы ныне немую летопись страшной годины.

Разграбив город, татары ушли вниз по Клязьме. Никого не осталось на остывающем пепелище, никто не оплакивал павших — все равно испили чашу до дна. Никогда больше Ярополч не появился на карте русской земли.

А стольный град северо-восточной Руси Владимир возродился...

Мороз сковывал черные остовы сгоревших изб. Свежая поросль покрывала пепел и кровь. Из окрестных лесов возвращались немногочисленные, чудом спасшиеся женщины, дети и старики.

МЕСТО БИТВЫ НЕИЗВЕСТНО

Последней трагической страницей сопротивления владимирцев завоевателям стало сражение на реке Сити.

Князь Юрий недолго задержался в Ярославле и скоро двинулся по покрытой льдом Волге, потом — по ее притоку реке Мологе, затем — по совсем маленькой речке Сити, все дальше уходя от ринувшихся по следам княжеского войска врагов. Он ждал помощи от братьев — Святослава и Ярослава. Только соединившись с их дружинами, можно было оказать врагу серьезное сопротивление.

Давно уже ускакали в Юрьев-Польской и Новгород послы Юрия, но ответа до сих пор не было. И тут вспомнил Юрий, как сам отказался от участия в походе на ордынцев пятнадцать лет назад, когда русские потерпели поражение на Калке. Кто знает, может, если бы тогда он привел свои дружины в Киев, не было бы сегодняшнего горя и унижения. Думал князь и о расприх между русскими князьями. Вспомнилась Липицкая битва, когда столкнулись интересы купеческого Ростова Великого и стольного Владимира. На стороне ростовчан выступили новгородцы, а союзником Юрия стал его брат Ярослав, княживший в Переяславле-Залеском. В битве победили новгородцы, а Юрию пришлось позорно бежать с поля боя, бросив даже боевой доспех. Грустными были воспоминания о прошлом. Но еще печальнее было настоящее.

Двигаясь с войсками по берегу Сити, Юрий искал удобное место, где можно было бы и сражение дать, и оставить за собой пути к отступлению в сторону Новгорода или Белоозера. Такое место было найдено в среднем течении Сити, и на невысоких прибрежных холмах расположились станом дружинники и ополченцы владимирских войск.

На военном совете воеводы Юрия решили, что надо дожидаться подкреплений. Кроме того, была надежда, что мартовская оттепель не пустит конных воинов Батыя в эти глухие места. Но зима стояла морозная — лед на реках был крепок. Поэтому Юрий готовил дружины к сражению и мало надеялся на то, что татары уйдут из Владимирской земли и оставят их в покое.

Юрий ждал вестей от епископа Кирилла, который оставался во Владимире, когда княжеская дружина покинула город и стала отходить на Ярославль, но гонцов от него все не было и не было. В ожидании прошло несколько дней, когда наконец рано утром в деревенскую избу, где остановился великий князь, привели замерзшего и обмороженного воина. Юрий узнал его — это был

один из дружинников, оставленных во Владимире для охраны княжеской семьи. От него узнали, что и Владимир, и Ярославль, и Углич, и Ростов Великий разгромлены татарами, преданы огню, защитники перебиты, а жители увезены в рабство. Узнал Юрий и о гибели своей семьи.

Завоеватели взяли четырнадцать городов, сожгли множество сел и погостов, угнали в рабство тысячи людей. А Юрий с войском стоял на Сити, в самом дальнем углу своих владений, ждал на подмогу новгородцев, не зная, что близится кровавая развязка.

Настроение воинов было несколько поднято появлением нового отряда. Брат Юрия Святослав привел свои дружины из Юрьева-Польского. Только здесь узнал Святослав, что и его родной город взят и разорен завоевателями.

После прихода Святослава решили на большом военном совете наконец обсудить, что же все-таки делать. Первым был вопрос, откуда и как скоро ожидать врагов. Воеводы рассуждали так: войско Бурундая, которое идет за Юрием, в основном конное, и за ним тянутся большие обозы. Значит, они должны искать хорошие дороги. Уже взяты Углич и Ярославль, ближайшие к стану на Сити города. От Углича враги вряд ли пойдут на Сить — ведь они не знают места, где стоит Юрий с войском. Непроходимые леса между Волгой и Ситью не дадут пройти конным и протащить обозы. Самой удобной дорогой для конницы была скванная льдом широкая Волга. Ордынцы, по мнению воевод Юрия, должны были повторить путь великокняжеского войска. С этой стороны и следовало ожидать врагов. На совете решили с места не двигаться, готовиться к обороне, усилить дозоры, выслать вперед большой отряд сторожевой охраны. Юрий поручил командование отрядом своему лучшему воеводе боярину Дорофею Федоровичу — Дорожу, как его называет летописец. Три тысячи лучших воинов отправили с Дорофеем к Волге, откуда должен был, по расчетам, появиться враг. Действительно и активно готовил войско к сражению главный владимирский воевода Жирослав Михайлович, старый и опытный боец.

А князь все еще ждал помощи... И в самом деле, много небольших отрядов, прячась по лесам, двигались на Сить. Многие из них не успели подойти вовремя из-за вражеских облав. Очень спешил на помощь князь Иван с дружиной из Стародуба, но и он опоздал. А вот сильные новгородские полки так и не вышли из своего города. Не смог князь Ярослав убедить новгородских бояр в необходимости похода. Отсидеться за болотами и лесами решили отцы города.

Печальную строку впишет в летопись безвестный монах: «И жда брата своего Ярослава, и не было его...»

Недалеко от места впадения Сити в Мологу дозорный отряд Дорожа столкнулся с татаро-монгольским войском. Дорож повел воинов в бой, понимая, что времени уже нет и он не успеет предупредить Юрия о неожиданно появившемся враге. Поэтому Дорож решил хотя бы ненадолго задержать врагов. В жестокой схватке погибли почти все ратники передового отряда. Самому Дорожу с небольшой группой воинов удалось вырваться.

Рано утром 4 марта Дорож прискакал в лагерь и, не слезая с коня, крикнул князю: «А уже, княже, обошли нас окол!»

Полки русских начали спешно собираться для битвы, но войско не успело построиться в боевой порядок, как обрушились ордынцы. Враги рассчитывали на легкую победу и не ожидали организованного и сильного отпора. Целый день длилась битва. Бурндай бросал в бой все новые и новые отряды конницы и лучников. Казалось, что силы русских неисчерпаемы. Но численный перевес был на стороне противника. И к вечеру владимирские дружины были разбиты. Погиб и князь Юрий, татарская сабля снесла ему голову.

Немногим ратникам из войска Юрия удалось спастись. Лишь небольшая часть воинов сумела уйти за реку Мологу в Новгородскую землю и укрыться в труднодоступных лесах.

Ордынцы перебили всех пленников. Попал в плен и племянник великого князя Юрия князь Василько Ростовский. Летопись так характеризует этого князя: «Василько был красив лицом, имел ясный и грозный взор, был храбр на охоте...» Достоинство повел он себя и в битве на Сити и только из-за тяжелого ранения попал в плен. Ордынским военачальникам понравился гордый и храбрый воин, и они предложили ему в обмен на жизнь службу у хана. Василько ответил отказом и был убит в Шеренском лесу. О подвиге Василько Константиновича и сейчас помнят в городе. Про него рассказывают легенды, часто ростовские художники и умельцы изображают его на своих прекрасных миниатюрах на финифти — древнерусской эмали, искусство которой возродили в древнем городе.

Епископ Кирилл, вестей от которого так долго и напрасно ждал Юрий, спрятался в далеком Белоозере. Когда стихли бои, Кирилл решил вернуться во Владимир и по пути заехал на место, где погиб князь Юрий. Он переправил останки великого князя во Владимир, где они были захоронены в церкви Святой Богородицы.

Неясные, скудные известия дошли до нас об этой битве. Видно, мало кто остался жив и некому было рассказать о ней летописцу. Неизвестно даже место, где она произошла. Сить — река небольшая, длиной чуть больше ста пятидесяти километров. Но на каком из них произошло столкновение и погибла в жестоком бою русская рать?

Ответ на этот вопрос ученые пытаются найти уже более ста лет. В 1864 году решил установить место сражения подполковник русской армии Иванин. В верховьях Сити он отыскал небольшую деревеньку Могилицы. Откуда могло взяться такое название? Наверное, думал Иванин, именно здесь произошла знаменитая битва. После сражения похоронили павших в братских могилах, а позднее у этих могил-курганов появилась деревня, которую называли Могилицами.

Его догадки сразу вызвали возражения. Деревни, возникавшие недалеко от древних захоронений, часто назывались Могилицы, Могильники, Могилки, Могиличи. Поэтому существование такой деревни, конечно, не определяет места битвы.

На Сити много курганов. Может, в них похоронены русские воины? Тогда по расположению курганных групп можно точно определить место боя! Так рассуждал другой любитель старины, ярославский краевед Сабанеев, когда решил в 1866 году положить конец спору. Он выяснил, что однотипные курганы разбросаны вдоль всей реки на протяжении более ста километров. То есть одного определенного места, где бы они располагались, не было! Определить, кто похоронен в курганах, Сабанеев точно не мог, но решил, что это скорее всего воины. Итак, курганы разбросаны длинной цепочкой по реке и в них как будто похоронены павшие в бою. Что же это означает? А вот что, решил Сабанеев: битва была не в одном определенном месте, она растянулась на многие километры вдоль по реке! Отступающие отряды русских сопротивлялись захватчикам во многих местах. А князь Юрий, предполагал Сабанеев, погиб около деревни Юрьевской — нашлась на берегу Сити и такая. В честь князя ее, наверно, и назвали. Кроме этого, Сабанеев записал рассказы местных крестьян о том, что при обработке полей в этих местах часто выпаживали из земли древние железные топоры. Топор — оружие военное, рассудил Сабанеев

и счел эти рассказы еще одним доказательством того, что место битвы найдено правильно.

Как будто бы все было решено. Но сразу нашлись скептики. «Деревня названа в честь князя Юрия Всеволодовича? — спрашивали они. — Посмотрите древние документы, каких только названий сел и деревень, образованных от этого имени, вы не найдете! Юрьево, Юрово, Юрцы, Юрцыно, Юрятино, Юркино, Юрьевская, Юрьевец, Юрино, Юришкино, Юриново, Юрашкина, Юрцово... Почему Юрьевская названа в честь князя, а не безвестного крестьянина по имени Юрий, построившего ее? А если и в честь князя, а не крестьянина, то почему именно этого? Три князя Сицких, владевших здешней землей в шестнадцатом веке, звались Юриями. Может, в честь одного из них и названа деревня?»

Так стройная система Сабанеева дала первую трещину. Через десять лет она рухнула совсем. Это произошло, когда археолог Ивановский, раскопав на Сити большое количество курганов, доказал, что с битвой они ничего общего не имеют, а похоронены в них мирные жители обитавшего здесь племени весь.

Ну, а топоры, найденные на полях? «Да, — говорят современные археологи, — рассказы о находках топоров можно считать достоверными. Но нельзя определять по этим находкам место битвы. Топор — прежде всего орудие мирного труда, без него немыслимо выполнение многих работ в крестьянском хозяйстве. В суровый час топоры становились боевым оружием, которым вооружалась крестьянская посоха. Но на Сити топоры найдены рядом с древними поселениями. Скорее всего они принадлежали обитателям этих сел и к битве отношения не имеют».

В сочинениях краеведов говорится об укреплениях, сооруженных русским войском на месте своего стана, «валах» и «городках». Один из таких валов — просто естественная гряда, а другой — курган удлиненной формы. К тому же Юрию и его воинам было некогда строить укрепления из каменно крепкой, замороженной земли.

В конце концов, после всех споров сложились два предположения о месте битвы. Одни историки считают, что она произошла недалеко от Могилиц, в верховьях Сити. Другие говорят, что место ее нужно искать в среднем течении этой реки, недалеко от нынешнего села Покровского. Но прямых и точных доказательств ни у кого нет.

А могут ли они быть? Может быть, сегодня, спустя столетия после сражения, уже невозможно ничего найти? Нет, все-таки

надежда остается. Новые раскопки наверняка дополняют известия летописей и легенд. В 1972 году на Сити работала небольшая археологическая экспедиция, которой удалось найти два селища — так называют остатки древних поселений. Большая примесь золы и угля в земле говорит о том, что они погибли от пожара. Но ордены ли сожгли деревни? Когда случился пожар? На одном из селищ археологи нашли ключ от цилиндрического замка и крестик-подвеску. Такие вещи были распространены на Руси как раз в XIII веке, когда произошло нашествие. Значит, поселения могли погибнуть (точно пока сказать нельзя) во время разгрома Владимирского княжества!

Эта же экспедиция раскопала много курганов по берегам Сити. Ученые пришли к выводу, что под насыпями похоронены не воины, а мирные жители — славянское население, освоившее глухие места Залесья в IX—X веках нашей эры, за 300—400 лет до татаро-монгольского нашествия.

До сих пор среди местных жителей рассказывают о том, что князь Егорий, или Юрий, погибший давно в страшной битве, был похоронен на кладбище в деревне Игнатово. По другой версии, его могила находилась в деревне Юрьевское. В память о Юрии в XIX веке там была выстроена часовня. Рассказывают, будто рядом с ней лежала плита с полуистертыми старославянскими буквами. Летописец же сообщает нам, что тело Юрия было перевезено Кириллом во Владимир. Плита скорее всего имела отношение к другому захоронению. Так что доказательств в пользу того, что именно Юрий Всеволодович был погребен на Сити, у нас нет.

Однако историки и археологи продолжают свой поиск, и широкие исследования только начинаются. Постепенно накапливаются новые данные для разгадки тайны, которую хранят берега Сити. Решить ее помогут и современные методы археологического поиска, например использование похожих на миноискатели приборов, с помощью которых обнаруживают в земле металлические предметы. Трудно, правда, рассчитывать на находки крупного оружия — мечей, кольчуг, шлемов, — все это стало военной добычей и увезено с поля боя. Но татаро-монголы активно использовали в сражениях лук и стрелы. Они обычно начинали бой с того, что выпускали в войско противника десятки, а иногда и сотни тысяч стрел. А вдруг удастся чутким прибором обнаружить какое-то количество наконечников стрел, пущенных когда-то в русские полки? Тогда место столкновения будет точно определено. Такие поиски — задача будущих экспедиций. Кто знает, возможно, решить ее придется одному из тех, кто сейчас читает эту книгу.

ГИБЕЛЬ ТОРЖКА

А в двух сотнях верст от Сити еще одна ордынская армия вторую неделю безуспешно штурмовала вставший на ее пути «малый град» Торжок, прикрывавший южные границы обширной Новгородской феодальной республики. Враг подступил к нему 22 февраля и, не сумев взять с ходу или склонить к позорной сдаче на милость завоевателя, начал осаду по всем правилам. Город был обнесен высоким тыном-забором, а вокруг были расставлены в искусном порядке осадные орудия, сразу начавшие методичный круглосуточный обстрел «каменем тяжким», горшками с нефтью да огромными стрелами-пиками из дальнобойных самострелов.

Ни князя, ни обученной дружины в Торжке не было. Обороняло его мирное трудовое население — ремесленники да укрывшиеся за стенами крепости землепашцы из окрестных сел, а организовали оборону выборные городские посадники — Иван, Яким Влункович, Глеб Борисович.

Целая неделя настойчивых приступов, шедших один за другим, как тяжелые морские валы, не принесла успеха завоевателям. Упорство и мужество горожан брали верх над злыми стремлениями врага. Оборонявшихся поддерживала и укрепляла надежда на помощь могучего Новгорода — ведь это границы его владений защищала, жертвуя собой, маленькая крепость!

Но помощь не пришла. 5 марта, обессиленный двухнедельной яростной осадой, не получивший подкрепления Торжок пал. «Поганые взяли город Торжок, — сообщает древняя летопись, — иссекли всех мужчин и женщин, церковный чин и чернецов-монахов, и все поругано, насильной смерти предано!»

Наверстывая время, бросились ордынские тумены по незащищенному теперь — после падения Торжка — Селигерскому пути на Великий Новгород. Гроза нашествия двигалась в сторону северо-западного исполина-города, одного из истоков русской государственности, намереваясь навсегда уничтожить и этот древний град.

Но не достигла его, миновала! Не дойдя 100 верст до Новгорода, у знаменитого Игнач-креста завоеватели, взвесив все обстоятельства — свои потрепанные силы, время, потерянное на штурм малых городов, новгородскую мощь, о которой они были хорошо наслышаны, — резко повернули назад. Широким фронтом — облавой ордынцы устремились на юг — из лесных краев к знакомым степям, уже покрытым весенней зеленью.

Больше всего удивляло завоевателей на Руси то, что по мере того, как дымом развевался по белой земле город за городом, сила и упорство сопротивления не убывали, а возросли неимоверно! Шесть дней держалась ошеломленная внезапным, словно дикий смерч, штурмовым шквалом Рязань. Несколько дней продержался без ушедшего на север княжеского войска стольный Владимир... Но маленький Торжок бился две недели! И навсегда врезался в память завоевателей скромный город, который Орда штурмовала, уже отходя из русских земель в южные степи.

Повернув на юг, войско Батыя в конце марта 1238 года подкатилось к Козельску. Поскольку город отказывался сдаться, его быстро осадили по всем тогдашним правилам, надеясь взять за день-два, разграбить и следовать дальше. Но приступ следовал за приступом, уставший от штурма тумен сменялся свежим, неустанно — день за днем — грохотали осадные машины, а город держался! «Батый пришел к городу Козельску, — сдержанно сообщает в своей хронике Рашид-ад-Дин, — и, осаждая его два месяца, не мог овладеть им».

Пришлось повелителю Орды, хоть было это для него унижительно и позорно, посылать гонцов к грабившим другие русские земли ордынским полчищам — всех собирать под Козельск! Еще две армии прибыли под стены маленькой крепости! «Потом пришли Кадан и Бури, — продолжает Рашид-ад-Дин, — и, наконец, взяли его». Собрав под стены города сотни осадных орудий, завоеватели в конце концов «разбили стены города и взошли на вал». В широком проломе их встретили защитники города. И здесь завязался ошеломивший ордынцев невиданный рукопашный бой! Вытеснив врага из разрушенных укреплений, русские воины вышли из города и ринулись на боевые порядки осаждавшей город Орды, сокрушили чуть не все осадные орудия. Четыре тысячи завоевателей погибли только в этой яростной вылазке козельцев!

Но слишком неравны были силы: небольшой и к тому же измотанный двухмесячной осадой гарнизон защитников и чуть ли не вся армия Батыя! Город был взят. Батый приказал вырезать в нем всех жителей — вплоть до грудных младенцев. Хану казалось, что сама земля этих мест рождает таких мужественных, беззаветных в своей смелости людей, поэтому только полное уничтожение жителей дало успокоение ордынскому повелителю. Он дал Козельску имя «Злой город», выразив тем свою злобу к мужественной крепости, давшей ему хорошо запомнившийся урок.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Остановимся, читатель, на минуту. Оглянемся на черные пепелища больших и малых городов. Даже трубы печей не торчали на них — печи тогда устраивали иначе. Остались лишь раскиданные груды обгоревших бревен, перемешанный с золой грязный снег да замерзшая человеческая кровь...

Какая сила и какая любовь держали горожан в проломах обрушенных стен, заставляли выскакивать навстречу ворвавшейся коннице, выходить одному пешему против десяти конных?

Какой смысл был в этом отчаянном стоянии? Может, был другой путь — не сопротивляться, а принять условия, выдвинутые врагом? Условия эти были просты, и, не вдаваясь в подробности, их можно обрисовать одним-единственным словом. Оно коротко, старому и малому понятно — рабство.

Согласись Русь на это — и крови пролилось бы меньше. Правда, уже в первый момент после такого согласия и сама Русь перестала бы существовать, став безымянным улусом империи Чингисидов.

Но русские никогда не принимали таких условий. На протяжении веков, еще до нашествия ордынских завоевателей, зарились на русские земли шведы, печенеги, торки, половцы и другие воинственные племена. Никому и никогда не покорялась Русь, любовь к свободе издревле стала неотъемлемой гранью русского народного характера. Потому и сейчас страна не желала покориться, и каждый русский город был камнем, о который медленно, но верно крошились зубы завоевателя.

Потому и спустя века, уже после свержения ига, отражая иные нашествия и иных врагов изгоняя из своих земель, Россия никаких вражеских условий не обсуждала и не принимала, пока земля и честь Отечества не были защищены.

Ну, а был ли военный и политический смысл в этих отчаянных, но в конце концов проигранных сражениях?

Был, да еще какой! С великой ясностью высвечивает его, к примеру, героический подвиг Торжка. Выдержав полумесячную осаду, он заставил завоевателей упустить драгоценное время и фактически заслонил Великий Новгород от тяжелых военных испытаний. А то, что Новгородская земля не подверглась таранному удару Батыевых полчищ, имело громадное значение для всей последующей истории Русского государства.

Сохранив силы, Новгород через два года решительно остановил вторгшихся на Русь шведов — в знаменитой Невской битве князь Александр Ярославич разгромил войско шведского конун-

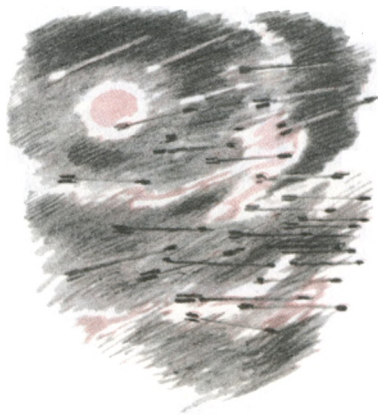
га Биргера, навсегда оставив след своего копья на лице этого вояки. А спустя две зимы, 5 апреля 1242 года, в еще более яростном Ледовом побоище новгородское войско, опрокинув выстроенные хваленой тевтонской «свиньей» полки псов-рыцарей, на долгие годы отбило у них охоту соваться в русские пределы.

А кто знает, как обернулось бы дело, если бы маленькие города покорно отворили ворота завоевателям?! Сдайся Торжок — и свежие тумены не топтались бы полмесяца, медленно теряя силы, у его стен, а на рысях по речным ледовым дорогам-зимникам достигли бы Новгорода! И если б даже не сокрушили, то наверняка так обескровили его силы, что и шведы, и немцы через год-другой взяли бы в землях умирающего исполина все, что хотели.

Между тем Новгород, спасенный жертвенностью малых городов, целые столетия — до конца XV века — сдерживал на северо-западе натиск Швеции, немецких рыцарских орденов и других завоевателей. А то, что неизбежно бы случилось, если б он подвергся нашествию, мы можем представить, взглянув на историю западных земель Руси. Опустошенные Ордой, они уже не могли противостоять возрастающему давлению агрессивных западных соседей и одна за другой, включая сильный Смоленск, были завоеваны ими.

Даже самые большие здания складываются из малых камней-кирпичей. Самые большие народные дела складываются из простых мужественных поступков, а великие победы приходят только к тому народу, который готов на любые жертвы и каждую пядь родной земли защищает до конца.

Русь всегда крепко это знала.

Тяжелые времена пришли на Русь. Второй год длилось кровавое татаро-монгольское нашествие.

Новый, 1239 год не принес облегчения, хотя надежды и были. После разгрома Булгарского царства, Рязанской и Владимир-Суздальской земель полчища Батия, разбив половцев, ушли за Волгу. Степнякам надо было восстановить силы, пополнить войска, отвести в Орду многочисленных пленников, увезти награбленные богатства.

Тягостная тишина, нависшая над Русью, только иногда прерывалась быстрыми и кровопролитными набегами небольших отрядов.

«Татарове взяли Переяславль Русский, и люди избили, а град пожгли огнем. Тогда же пал Чернигов».

Последней твердыней на юге оставался Киев — «глава всем землям русским». Помощи киевлянам ждать было неоткуда. Все дороги к Киеву были отрезаны, а лежавшие на этих путях города-крепости сожжены.

Стояло знойное лето 1239 года. Киев жил обычной будничной жизнью. Жители города хорошо знали о новом грозном враге, уже разорившем многие русские земли, но у всех теплилась в душе надежда, что кочевники, как бывало в старину, после первого набега ушли в степи и не скоро вернуться на Русь. Князья соберут дружины, и Киев будет спасен.

Никто не знал, что это напрасные надежды.

В один из дней город проснулся под звон колоколов Великой Софии — главного киевского собора. Ожили улицы и торговые площади. Послышались удары молотов, звон металла, шум мехов, нагнетающих воздух в горны, — начинался трудовой день ремесленников и торговцев.

Позже всех, как обычно, проснулись княжеские и боярские терема.

Встало солнце, лучи его озарили блистательную и богатую столицу, давно прельщавшую степняков своими сокровищами. Киев был защищен надежными по тому времени укреплениями. Город

состоял из двух основных частей — «горы» и «подола», которые были окружены валами и башнями. Чтобы составить общее представление об оборонительных сооружениях Киева, следует совершить путешествие в более древние времена.

Много легенд и сказаний связано с основанием одного из старейших русских городов. Согласно летописному преданию, князья славянского племени полян — три брата, Кий, Хорив и Щек — построили град и назвали его во имя старейшего Киев. По другой легенде, Кий был простым перевозчиком на Днепре. Как бы то ни было, имя этого человека осталось в названии города.

Первоначально Киев занимал небольшую площадь, которая со временем расширялась. Когда к концу X века Киев вошел в число богатейших городов Европы, тесно ему стало в пределах прежнего детинца. Киевский князь Владимир Святославич по прозвищу Красное Солнышко решил соорудить новую мощную оборонительную стену. Южные ворота получили название Софийских. Перед Софийскими воротами был сооружен глубокий ров, который наполнили водой. А через него перебросили каменный мост. Центральным сооружением «города Владимира» стала прекрасная Десятинная церковь, богато украшенная мраморными колоннами и плитами.

В первой половине XI века в Киеве вновь начинаются грандиозные строительные работы. «...Заложил Ярослав город великий, у него же града суть золотые врата...» Такое сообщение помещено в «Повести временных лет» под 1037 годом. Валы «города Ярослава» непосредственно примыкали к укреплениям «города Владимира» — так создавалась единая система оборонительных сооружений Киева.

«Город Ярослава» имел трое ворот. Основными являлись Золотые ворота — главный въезд в город, окруженный валами высотой в 14 и шириной в 25 метров. Золотые ворота и Софийский собор стали новыми символами столицы. Собор Софии Киевской, построенный в 1039 году, был самым величественным храмом Руси. София Киевская представляла собой огромное сооружение с тринадцатью куполами. Ярослав Мудрый ее «всякой красотой украсил, и золотом, и серебром, и камнем дорогим». В этом соборе находилась первая древнерусская библиотека.

Во второй половине XI — начале XII века шла интенсивная застройка восточной части «города Ярослава» — Михайловской горы. Расположенный здесь Михайловский монастырь был окружен земляными укреплениями. Эта часть Киева получила название «город Святополка».

Центральная укрепленная часть Киева — «гора» — занимала большую площадь и не знала себе равных во всей Европе.

«Гора» была со всех сторон окружена посадами. Наиболее крупным из них был Подол. На Подоле находилось Торговище — древнейшая и самая большая торговая площадь Киева. На «горе» жили богатые люди — князь с дружинниками, духовенство, бояре, купцы, а в слободах обитали ремесленники и мелкие торговцы.

Со всех сторон Киев был окружен кольцом монастырей и укрепленных поселков.

Таким и увидел Киев в памятный киевлянам летний день 1239 года хан Менгу, двоюродный брат Батыя. Он привел к Киеву один из передовых отрядов. Только Днепр отделял их от города.

Хан Менгу приказал войску стать лагерем на берегу Днепра против Киева, «удивился красоте его и величеству его». За рекой лежал богатейший город Руси — долгожданная добыча ордынских ханов. Но силы Менгу были недостаточны, взять такой город могли только объединенные войска завоевателей. Сразу поняв это, Менгу решил пойти на хитрость и отправил в Киев к князю Михаилу Всеволодовичу послов, попытался «прельстить» киевлян и взять город без боя.

...Князь Михаил проснулся от громких криков у крыльца княжеского терема. Он отстранил слугу, быстро оделся и вышел на крыльцо. Внизу в окружении княжеской стражи стояли ордынские послы. Через переводчика выяснили, что они посланы Менгу-ханом, предлагавшим мир и дружбу князю и повелителю киевлян и требовавшим впустить его отряд в город. За это Михаилу и его родственникам обещали сохранить жизнь и ханскую милость. Князь приказал взять послов под стражу, а сам собрал на совет старших дружинников. Было ясно: коль враги прислали послов, значит, сил у них мало.

Менгу-хан, начиная переговоры, надеялся выиграть время, отвлечь киевлян и неожиданно ворваться в город. Когда же он увидел, что дружинники и жители города настроены бороться до последней капли крови, то приказал своему отряду отступить и послал вестников к Батыю с подробным описанием города, его укреплений и происшедших событий.

С тревогой ждали киевляне нового появления врага у стен своего родного города. Воевода Дмитр, которому было поручено «обдержати противу иноплемennых языкъ безбожных татаров» Киев, готовился к решающей битве вместе с дружинниками и всеми, кто мог держать в руках оружие.

Все чаще дозоры доносили о появлении вблизи города ордынских отрядов. А однажды город проснулся, обложенный со всех сторон татаро-монгольским войском. «Приде Батый Киеву в силе тяжьце, многом множеством силы своей и окружи град» — так начинается повествование о взятии Киева татаро-монголами.

За этой строкой — тысячи и тысячи воинов, табуны боевых лошадей, стада верблюдов, нагруженных боевым снаряжением, осадные приспособления: катапульты, и камнеметы, и стенобитные машины... Лучшие татаро-монгольские полководцы — Субэдэй, прозванный цепным псом Чингисхана, Менгу-хан, Бурундай, разгромивший владимирского князя, — собрались на берегу Днепра.

Но Киев не думал сдаваться без боя. Все в городе были вооружены и готовы к борьбе. Главные силы были брошены на защиту укрепленных частей — «города Владимира» и «города Ярослава». Только здесь, за крепостными стенами, можно было устоять и спасти древнюю столицу от гибели.

Спустя много лет безвестный монах составил краткий рассказ о разгроме Киева. «В том же году взяли Киев татары. И святую Софию разграбили и монастыри все. И иконы, и кресты, и все украшения церковные взяли. И людей от мала до велика всех убили мечами».

Скупа летописная строка. Немного подробностей обороны Киева сохранили древние свитки. Долгие века, почти семьсот лет, эти записи были единственным источником, из которого поколения русских людей узнавали о времени тяжких испытаний,

о героизме и мужестве своих далеких предков. Но то, что не смог увидеть и описать летописец, что, казалось бы, навсегда ушло в невозвратные времена и уже никогда и никому не будет известно, — все это бережно укрывала и сохранила для нас родная земля.

Советскими археологами в Киеве были произведены большие раскопки. Метр за метром лопата и нож археологов расчищали пространство древнего города. И шаг за шагом раскрывалась потрясающая картина борьбы киевлян с захватчиками.

Борьба продолжалась восемь дней. Обложив город плотным кольцом, враги быстро разгромили и сожгли незащищенные пригороды. После этого начался штурм «Ярославова города». Тучи стрел обрушились на защитников смертельным дождем. Огромные камни, пущенные метательными машинами, проламывали крыши домов. Один за другим сменялись тумены воинов, пытавшихся влезть на городские стены.

Но первые приступы не принесли успеха. Со стен летели стрелы, дротики и камни, лилась горящая смола. План молниеносного захвата Киева с помощью лобового штурма провалился. Это заставило врага изменить тактику. К городской стене недалеко от Лядских ворот подвезли стенобитные орудия. В течение нескольких суток ночью и днем, раскачивая на цепях огромные, обитые железом бревна, ордынцы ломали стену. Киевляне всячески пытались помешать врагу. Во время раскопок на этом участке городских укреплений было найдено множество скелетов

защитников города и осаждавших Киев завоевателей. Здесь же был ранен стрелой возглавлявший киевлян воевода Дмитр.

Наконец стена не выдержала и рухнула. В образовавшийся пролом хлынули татаро-монголы. Первая линия обороны была прорвана. Начался погром и грабеж «города Ярослава». Запылали дома, полилась кровь тех, кто не успел укрыться в «городе Владимира». Вот как описывает археолог два жилища, открытые

в ходе раскопок: «На полу обоих жилищ под обвалом сгоревших стен и кровли был найден разнообразный бытовой инвентарь, находившийся в жилищах в момент катастрофы». Сломанные и обгоревшие предметы быта, украшения, оружие, куски одежды были частыми находками в разрушенных домах киевлян. Их надеждой стал «город Владимира». За его стенами укрылись оставшиеся в живых защитники.

Разорив «город Ярослава», враги начали штурм последней укрепленной части Киева. Легенды рассказывают нам о последних часах обороны, когда ордынцы ворвались в основную цитадель. Исследования археологов наполнили эти сообщения точным и ясным содержанием.

В одной из частей «города Владимира» раскопана мастерская ремесленника, погибшая во время татаро-монгольского штурма. Человек, работавший там, оставил мастерскую неожиданно. Горел горн, в сосудах была разведена краска, в порядке лежали инструменты. Дом сгорел так быстро, что из него не успел выбраться кот, обгоревший скелет которого нашли на полу.

Последним убежищем осажденных стала Десятинная церковь, в которой закрылись сотни киевлян. По словам летописца, она рухнула после того, как множество людей, спасаясь от врагов, забралось на крышу и своды. Однако современные специалисты считают, что от этого мощный храм не мог разрушиться. Видимо, татаро-монгольские стенобитные машины и здесь сделали свое дело.

В западной части церкви археологи обнаружили тайник. Здесь было найдено несколько скелетов, железные заступы, два деревянных ведра, веревки, а также множество драгоценностей и богатых украшений. В сторону от тайника был прорыт ход, через который пытались выбраться спрятавшиеся там люди. После того как рухнули стены и своды, они пробовали проложить ход к склону горы и через него выйти на свободу. Лопаты, ведра, веревки — это орудия, которые использовали погребенные под обломками.

Таков раскрытый археологами последний эпизод грандиозной катастрофы, превратившей самый богатый город Европы в руины.

Мужество русских воинов и простых граждан, самоотверженно боровшихся за свою свободу, восхитило и удивило даже такого бессердечного и жестокого человека, как Батый. Когда к нему привели израненного воеводу Дмитра, он велел не чинить ему никакого зла и отпустить.

Батый понимал, что такого человека невозможно склонить к измене, и не стал ему предлагать ни богатства, ни почестей за службу в своем войске. Он решил выказать великодушие, за которым скрывался хитрый политический расчет: пусть все непокорные русские князья узнают, что он ценит мужество и честность, и пойдут к нему на службу.

Через пять лет после погрома Киева через разоренную Русь пробирался в ханскую ставку посланец папы римского францисканский монах Плано Карпини. «...Татары произвели великое избиение в стране Руси, — отметил он в своих записках, — разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руси, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города... Этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве».

Не только мощный Киев с его многотысячным войском до конца боролся за свою свободу. Почти каждый русский город, даже самый маленький, упорно сопротивлялся завоевателям.

Тридцать лет назад было раскопано Райковецкое городище — остатки небольшого городка Райки, построенного на высоком мысу при слиянии двух рек. Со всех сторон город был обнесен валами и рвами.

Батый сжег город в 1241 году, и никогда больше жизнь здесь не возобновлялась. Поэтому все сохранилось так, как было в момент разгрома.

Многие жители города погибли под обломками сгоревших по-

строек. Раскопав городище, ученые открыли картину сражения. В руках погибших жителей были мечи и луки. На городском валу, укрепленном деревянными срубами, найдены останки дружинников с застрявшими в костях стрелами, с проломленными и рассеченными черепами. Рвы и валы, окружавшие город, усыпаны стрелами. Мирные жители гибли в жилищах, погребях, печах, где они пытались скрыться от неприятеля. Здесь же найдены обгоревшие бытовые вещи — ведра, миски, чаши, горшки.

Прямо в крепостных воротах был обнаружен скелет с засевшей в нем стрелой. Так погиб один из безымянных защитников города, ринувшийся навстречу проникшим в город врагам.

Маленький город был сожжен дотла. Все его жители погибли, некому было восстанавливать жилища и мастерские, и город навсегда исчез с лица земли.

Дымилась в развалинах обескровленная Русь... Наступали долгие времена иноземного ига, тяжелого гнета татаро-монгольских феодалов, грабительских облав, непосильных поборов и кровавых расправ. «Это иго не только давило, — писал К. Маркс, — оно оскорбляло и иссушало душу народа, ставшего его жертвой». Но орды завоевателей, истощенные непрерывным четырехлетним сражением, не смогли продвигаться дальше в глубь Европы. Ценою своей свободы, ценой жизни тысяч и тысяч русских людей Русь погасила гигантский вал нашествия и спасла европейские народы от порабощения. «Пока Россия слепла в дыму пожарищ, — писал Александр Сергеевич Пушкин, — Европа строила дворцы!..»

НЕПОКОРОЕННАЯ
СТРАНА

Нашествие нанесло Руси тяжелейший удар, резко остановило ее развитие. Десятки цветущих городов были обращены в обугленные развалины, а жители их убиты — «от старца до сущаго младенца!», как горестно восклицал летописец. «Нет сел целых!» — вторил ему автор другой хроники.

«Кровь отцов и братьев наших, как обильная вода, землю напоила, — с болью писал автор XIII века Серапион. — ...Многие братья и дети наши в плен уведены, села наши диким лесом поросли!» Эта картина не была преувеличением напуганного нашествия очевидца. Современная археология дала ей точное подтверждение. Вскрытые раскопками культурные слои послемонгольского времени отличаются резким обеднением — нет изделий из стекла, сердоликовых бус, поливной строительной керамики, ювелирных изделий с применением зерни или перегородчатой эмали, искусных кузнечных поделок. Многие ремесла — а ремесло было основой средневековой городской культуры — исчезли на полтора-два века, некоторые даже навсегда. Были разорваны торговые связи между русскими княжествами и другими странами.

Завоеватели всячески старались продлить существование раздробленности русских земель. «Натравливать русских князей друг на друга, поддерживать несогласие между ними, — отмечал Карл Маркс, — уравновешивать их силы, никому не давать усиливаться, — все это было традиционной политикой татар».

Ордынцы настойчиво стремились уничтожить русскую культуру — память народа, без которой он попросту перестает существовать. После нашествия редкостью стали княжеские и монастырские книжные собрания — все погибло в огне, заглохли многие центры летописания, обеднело зодчество, лишившееся мощной строительной основы, были уничтожены центры иконописи, ювелирного дела, самобытных художественных промыслов.

Русь была отброшена на несколько столетий назад! Многое обескровленной стране приходилось не просто начинать сначала, но титаническими усилиями возрождать из небытия.

НЕВРЮЕВА РАТЬ

Несколько лет после нашествия стояла тишина. Казалось, захватчикам удалось покорить Русь. Но затишье было недолгим. Там и здесь стали собираться ватаги непокорных удальцов. Они уходили в леса, нападали на вражеские отряды. Постоянно вспыхивали народные восстания в крупных городах.

Борьба активизировалась в середине XIII века, когда великокняжеский стол во Владимире занял энергичный князь Андрей Ярославич, брат Александра Невского. Отец их, Ярослав Всеволодович, был умерщвлен в Орде, и Андрей всем сердцем ненавидел завоевателей, мечтая в открытой борьбе избавиться от ига.

В ордынских улусах как раз началась длительная и кровавая усобица. Это давало Андрею надежду на успех. Но не все князья и духовная знать поддерживали Андрея. Одни считали, что с помощью татар легче брать свою долю поборов с трудового люда, — такие доносили на Андрея завоевателям и готовы были изменить в любой момент. Другие думали, что Русь не готова к отпору, а мятеж вызовет новую кровавую бойню и не принесет ничего, кроме горя и разорения. Так считал и Александр Невский, стремившийся получить для Руси передышку.

Узнав о намерениях Андрея, ордынцы напали на Суздальскую землю. Андрей собрал большое войско, основной силой которого стало народное ополчение. Перед походом он сказал воинам: «Хватит нам между собой браниться и наводить друг на друга татар, лучше нам бежать в чужую землю, чем дружить и служить татарам». Недалеко от Суздаля в чистом поле встретились ордынские конники и лучники с русским войском. Силы были слишком неравны: опять русский князь действовал в одиночку, иных сам не позвал на помощь, а другие не захотели помогать. Одолели враги русских, остатки дружины Андрея были обращены в бегство, бежал и князь в надежде собрать новые силы и опять ударить по неприятелю. В Переяславле-Залесском ждал Андрея его брат и союзник Ярослав Ярославич, в удел которого входила Тверь и переяславские земли. Оба они давно объединились против Александра — им не нравилась его политика примирения с Ордой. Нетерпеливые братья не понимали, что еще не пришло время открытой борьбы с захватчиками, слишком сильно была ослаблена Русь походами Батия.

Русские отряды отходили от наступавших по следам врагов по берегам небольшой реки Нерль, которая выходила к озеру Клеши-

но. Здесь на низменном берегу стоял Переяславль-Залесский. Этот русский город был известен своими неприступными укреплениями. С одной стороны прямо к городским слободам подступало озеро, топкие болотистые берега которого не давали врагам возможности напасть на город. Городские кварталы разрезала на две равные части голубая лента реки Трубеж.

Князь с дружиной отправился в расположенный неподалеку от Переяславля Клешин, где сохранилась хорошо защищенная валами, рвами и естественными оврагами крепость. Рядом с ней возвышался холм с крутыми склонами, окруженный оврагами и выходящий прямо на озеро. На холме стоял одинокий терем, где после ордынского погрома в 1238 году некоторое время жил Александр Ярославич Невский. Сейчас терем пустовал, и Андрей расположился в нем, а дружину разместил на городище.

Народная молва присвоила холму имя Александра. Раньше Александрова гора называлась Ярилиной Плешью в честь славянского бога солнца Ярилы. Когда-то здесь было его святилище, а у подножия горы лежал огромный валун, который весной и осенью во время разливов покрывался водами озера. Валун слыл священным среди местных язычников. Он имел синеватый оттенок, за что и был прозван «синим камнем».

В ближайших окрестностях Переяславля-Залесского не встречались большие валуны, и поэтому он вызывал у местных жителей страх и все поклонялись этой диковине. Тогда никто не догадывался, конечно, что камень заброшен сюда в давнее время ледником.

Князь, воеводы и дружинники поклонились на всякий случай всем богам: и старым — языческим, и новым — христианским, надеясь, что хоть какой-нибудь из них защитит русских от «поганных». Князь и воеводы полагали, что у врага есть только один путь на Переяславль — через Клешин, так как здесь лежала самая прямая и короткая дорога от реки Нерли к городу.

После долгих споров князь и воеводы решили встретить врагов в Клешине, чтобы здесь, а не в Переяславле дать первый бой, а затем, в случае неудачи, отойти за могучие укрепления Переяславля-Залесского. Место было выбрано на редкость удачное: здесь враги не могли развернуть свою конницу, да и лучники не имели необходимого обзора из-за многочисленных оврагов, разрезавших берега Клешина-озера. С Александровой горы хорошо просматривалась весь Переяславль. Украшением его был бело-снежный Спасо-Преображенский собор, увенчанный серебристой шлемовидной главой. Начиная его строить еще князь Юрий

Долгорукий, а украсил иконами и наполнил книгами его сын — Андрей Юрьевич Боголюбский. Рядом с собором стоял княжеский терем, к которому вел от храма крытый переход. Терем совсем недавно был подновлен и всем своим видом словно бросал вызов врагам, повредившим постройку во время последнего набега. Да и весь Переяславль уже оправился после татаро-монгольского погрома. Были отремонтированы укрепления, выровнены скапы валов, прочищены и углублены рвы, заново отстроены сожженные деревянные башни-костры, срублены новые избы и хозяйственные постройки.

Андрей смотрел на город с вершины Александровой горы и все больше склонялся к предложению переяславских воевод — дать бой за городом, чтобы сохранить его.

С этим решением и пришел князь на последний перед сражением военный совет.

Ордынцы не знали точно, где находится Андрей с войском. Поэтому Неврюй прибег к старому испытанному методу — разослал крупные разведывательные отряды по всей Суздальской земле. Однако основные силы пошли к Переяславлю-Залесскому, где, как думал Неврюй, скорее всего скрывались воины Андрея Ярославича.

Подойдя, враги обложили город со всех сторон, но увлекшись осадой Переяславля, поначалу не обратили внимания на Клещин, не предполагая, что Андрей с войсками находится именно там.

Русское войско быстро выступило из Клещина навстречу врагам, стремясь отвлечь их от Переяславля, разгромить передовые отряды и уйти в леса, так как борьба с большой Неврюевой ратью была бессмысленной. Княжеская дружина и ополченцы с ходу вступили в бой, сумели отвлечь на себя основные силы неприятеля, и враги на какое-то время позабыли о городе. Но численный перевес был на стороне татаро-монголов,

и русские дружины потерпели поражение. Князю с небольшим отрядом удалось вырваться из кольца неприятельских формирований и уйти в глухие леса. В передовом сражении пали лучшие русские воины.

Разгром войск Андрея Ярославича под Переяславлем-Залесским подтвердил еще раз, что русские пока не готовы противостоять в бою хорошо организованному, отлично вооруженному, имеющему большой боевой опыт противнику.

Андрей решил бежать в далекий Псков и оттуда, выждав время, вернуться в родные края.

Царевич Неврюй понял, что гнаться за Андреем бессмысленно: и добычи не возьмешь, и голову можно сложить в глубинных русских землях. Второму брату — Ярославу — удалось выбраться из города под покровом ночной темноты. Не зная, что отряды Андрея уже рассеяны, он думал добраться до Клещина и вместе с Андреем выволить из осады свою семью и казну. Ярослав так и не смог вернуться в город. Враги взяли все княжеские богатства. В плен попала княгиня с детьми и многие жители. Неврюй, взбешенный сопротивлением русских воинов и бегством князей, решил отомстить владельцу Переяславской вотчины — по его приказу были убиты княгиня и дети Ярослава. Вместе с ними погиб и лучший княжеский воевода Жирслав.

Город был предан разграблению, а уцелевшие жители его уведены в рабство.

Ярослав бежал на северо-запад, в новгородские земли, где укрылся в сильной крепости Ладоге, стоявшей на высоком берегу реки Волхов. Она издавна славилась своей неприступностью. Ладога когда-то играла ключевую роль в торговле Руси со Скандинавией, находясь на скрещении Великого Волжского — «из варяг в арабы» и Днепровского — «из варяг в греки» водных путей, а сейчас она стала убежищем для многих русских людей, бежавших от ига на дальний север.

Ордынцы, взяв Переяславль-Залесский, который достался им почти без боя, повернули коней на Ярославль. С большим трудом они добрались до Ростова Великого, стоявшего на берегу озера Неро. Разведка выяснила, что в городе почти никого нет: небольшая дружина ушла оборонять Ярославль, а старики, женщины и дети попрятались в окрестных лесах. Неврюй приказал не задерживаться в Ростове и скорее двигаться к Ярославлю. Ордынские отряды пошли берегом реки Которосль, которая соединяла озеро Неро с Волгой. На месте слияния этой извилистой и богатой рыбой реки с Волгой и стоял Ярославль. Здесь, на высоком бере-

говом мысу, были построены храмы, княжеские и боярские терема, избы простых горожан. Место было очень удобное: с двух сторон Волга и Которосль, а с третьей — в глубоком овраге протекала речка Медведица. Когда-то находящееся здесь поселение называлось Медвежий угол. Местные жители издавна обожествляли медведя. Медведь, тогдашний хозяин непроходимых лесов верхней Волги, считался всесильным. Медведя запрещалось убивать, и только во время медвежьих праздников в жертву богам приносили специально выкормленных в неволе животных. Медвежьи зубы и клыки были амулетами, их носили в ожерельях, чтобы обезопасить себя от бед, невзгод и болезней. В могилы клали специально вылепленные из глины слепки медвежьих лап для защиты покойников от злых духов и грабителей могил. Изображения медведей были в каждом жилище, про «хозяина» слагали песни, частушки, предания, легенды и былины. И в самом поселке на площади, где устраивали сходы и праздники, где собирались на совет старейшины, стояла деревянная статуя медведя, которая, по мнению жителей, должна была оберегать их жилища от пожаров и ураганов, а самих обитателей — от болезней.

К началу XI века здесь уже было большое поселение, где жили и местные обитатели — меряне и пришлые — новгородские славяне. Со стороны суши мыс кроме оврагов был укреплен валом с деревянным тыном поверху и несколькими башнями. Но это было сооружено уже при Ярославе Мудром, основателе города. Когда он появился здесь с небольшой дружиной, то местные жители выпустили на князя священного медведя, но Ярослав, не растерявшись, зарубил зверя боевым топором — секирой.

Скоро на месте небольшого поселка возникла княжеская крепость, охранявшая путь в глубины Ростово-Суздальской земли, — Ярославль.

Ярославль был сожжен дотла во время татаро-монгольской облавы в 1238 году, когда на город в погоне за войском Юрия Всеволодовича, уходившего на Сить, обрушилась армия Бурундая. Но жители возродили город и вновь готовы были встретить врага. Однако на этот раз враги перехитрили русских дозорных и неожиданно вышли к городу с другой стороны. Жители не успели даже закрыть ворота, как ордынские конники ворвались в город. Натиск был стремительным и сильным. Многих жителей увели в рабство. Но город тронут не был. Орда на сей раз разгромила только Суздаль, отчину Андрея, и окрестности Переяславля-Залесского, не захотев разорять до конца русские земли, чтобы и в будущем извлекать доходы.

Так закончилась Неврюева рать, одна из многих за долгие годы тяжелого татаро-монгольского ига. Попытка Андрея Ярославича избавиться от угнетения оказалась неудачной.

ОРДЫНСКИЕ ТЯГОСТИ

Снова на некоторое время пришла на Русь тишина. Обескровленный народ не в силах был сопротивляться угнетателям. Да и татаро-монголы действовали теперь заодно с местными князьями, боярами и священниками, видя в них один из рычагов порабощения народных масс.

В эти годы складывалась система сбора дани с Руси. В 1257 году началась ордынская перепись. Пересчитывалось все: люди, дома, пашни, скот, угодья. Орда освободила от переписи только священников и монахов, надеясь на их помощь в угнетении народа, и не ошиблась в своих расчетах. Князья и бояре тоже помогали ордынским чиновникам. Против переписи выступил простой народ, но не везде удалось оказать серьезное сопротивление новой форме угнетения. Там, где сильна была княжеская власть, недовольство было быстро подавлено. Однако в некоторых городах народ взял в руки оружие и вышел на новый бой с поработителями.

В Ярославле народ, узнав о переписи, возмутился, перебил всех ордынских чиновников. Тут же ярославцы стали собирать войско. Во главе народного ополчения вынужден был стать князь, иначе его просто изгнали бы из города. Многие бояре в панике бежали в соседние княжества. Народ открыл княжеские и боярские арсеналы и разобрал лежавшие там мечи, сабли, копья и рогатины, кольчуги и щиты, луки и стрелы. Ремесленники вооружа-

лись сами и другим давали оружие. Врагов решили встретить за городом; для этого выбрали возвышенность на окраине, от центральной части она отсекалась рекой Которослью, с другой стороны примыкала к Волге. Отступить было некуда, здесь, на горе, поросшей орешником, решили ярославцы либо победить лютого врага, либо умереть, но не покориться. Ополчение расположилось лагерем на горе, в центре стоял княжеский шатер и палатки дружинников.

Вскоре дозорные увидели первых вражеских лазутчиков. Одного из них удалось захватить. От пленного князь и воеводы узнали, что к городу идет большой отряд карателей, который призван следить за ходом переписи и поддерживать порядок.

Когда к горе подступили основные силы противника, началась схватка. Ни один из соперников не хотел уступить, и с утра до сумерек шел упорный бой. Долго противостояла огромной ордынской рати кучка дружинников и неопытных горожан, долго не мог враг войти в город. И лишь когда пал последний русский воин, завоеватели вошли в Ярославль. После ухода врагов на горе собрались жены и дети убитых воинов, схоронили погибших в одной братской могиле.

В северо-восточной Руси большую помощь ханским численникам оказали князья, и вскоре перепись была закончена и окончательно организована система сбора даней с русских земель. Тяжелое ярмо легло на простых людей.

Как ни хотел остаться в стороне от всего Господин Великий Новгород, но дошли и до него ханские численники. Новгород был одним из богатейших и сильных русских городов. Но и он жил в постоянном напряжении. Если до нападения на Русь Орды летописи то и дело сообщают нам о новых постройках внутри города, то в XIII веке лишь изредка проводились перестройки церквей, да и то деревянных. Зато дважды в течение короткого времени обновлялись и перестраивались укрепления как самого Новгорода, так и его пограничных крепостей — Порхова, Копорья и других.

Раскопки археологов в Новгороде восстанавливают облик города XIII века. Застроен он был деревянными домами, самые богатые горожане — бояре, купцы, ремесленники — владели целыми усадьбами. Некоторые дома имели каменные фундаменты. Полностью каменными были только отдельные церкви. Улицы были вымощены деревом. Берестяные грамоты дают возможность говорить о широкой грамотности среди горожан и интенсивной деловой переписке между различными людьми. В одних грамотах

изложены торговые сделки, в других — распоряжения, в третьих — завещания, жалобы, споры. В XIII веке в Новгороде наивысшего подъема достигают многочисленные ремесла. Причем товары, изготовленные новгородскими ремесленниками, продавались не только в городе, но и далеко за пределами Руси.

Новгородские богатства неодолимо влекли Орду, и она хотела получать с него не отдельные дани, собираемые от случая к случаю, но стремилась создать строгую систему обложения, получать «выход» — серебро, меха, хлеб — постоянно.

Затем и пришли ордынские численники в Новгород.

Как только новгородцы узнали о надвигающейся беде, сразу же в городе зазвонил вечевой колокол. Много часов гудело вече, пока под давлением богатой верхушки постановило: не оказывать сопротивления, но на перепись не соглашаться, а попробовать откупиться от татарских чинов и своих князей богатыми дарами.

Под удары боевых барабанов вошло в Новгород ордынское посольство.

Новгородские богатеи встретили незваных гостей хлебом и солью. Начались переговоры о проведении переписи. Однако представители Новгорода имели строгий наказ веча — предлагать любые дары и подарки, а на перепись не соглашаться и «числа» не давать. Долго спорили ордынцы с новгородцами.

Много дорогих подарков пришлось поднести жадным ордынским послам. В городе росло возмущение, и по требованию народа вновь было собрано вече. Посадник Михаил Степанович пытался убедить новгородцев в необходимости и неизбежности проведения переписи. Но за свои изменнические речи он был убит разъяренной толпой. Новгородцы отказались допустить ханских чиновников проводить перепись. Ордынским послам пришлось в спешке и страхе убраться из города восвояси.

Через год вновь услышали новгородцы о намерении Орды все-таки провести перепись в Новгороде и Пскове. Тогда они послали

своего посла во Владимир к Александру Ярославичу. Новгородский посол Михайло Пинячин, вернувшись в Новгород, рассказал на вече, что если не согласиться на перепись и не дать «числа» царю ордынскому, то сразу же придет вражеская рать — сначала на Низовскую землю, а потом и на Новгород.

Долго думали новгородцы, долго шли горячие споры, доходило до рукопашных схваток и кулачных боев. Вече раскололось на два лагеря. Богатые новгородцы, боясь за свое добро, считали, что надо согласиться с требованием Орды, а народ требовал не пускать численников в город и продолжать вооруженную борьбу. Но пересилили уговоры, подкуп и обман богатеев. Были посланы в Орду гонцы — сказать от имени веча, что новгородцы согласны на перепись.

И в том же году пришли из Орды в Новгород численники. Ненасытность и жадность главных ханских чиновников Беркая и Касачика вызвали новое недовольство простых людей Новгородской и Псковской земель. И опять вспыхнуло народное восстание, основными силами которого была городская беднота и смерды. «И был мятеж велик в Новгороде и по волости», — лаконично, но емко записал летописец, подразумевая под этими несколькими словами бурные и кровавые события в Новгороде в 1259 году.

Город был расколот на два враждебных лагеря. На Торговой стороне собрались «меньшие» люди и стали готовиться к нападению на усадьбы богатеев и ордынское посольство. А на Софийской стороне феодалы собирали силы для подавления возмущения народа.

Вскоре боярская верхушка подавила восстание и в Новгороде началась перепись. «Творили бояре себе легко, а меньшим — зло», — описывает те далекие события Новгородская летопись.

Так завершилась еще одна печальная страница порабощения татаро-монголами Древней Руси: Великий Новгород также подпал под экономическое иго завоевателей.

ХАНСКИЕ РАСПРИ И КНЯЖЕСКИЕ УСОБИЦЫ

Не все спокойно было в Орде, менялись правители, менялись порядки. Одна кровавая резня сменяла другую. Сын убивал отца, для того чтобы стать ханом. Именно так был убит грозный Батый, и верховным правителем Золотой орды стал его сын Сартак.

Власть в Орде на какое-то время ослабла, и этим решили воспользоваться русские люди. По всем крупным городам прокатились волны недовольства постоянными поборами, вымогательствами и притеснениями со стороны ханских баскаков. В одних городах их изгнали за городские стены, в других — просто убили, в третьих — ханские чиновники, спасаясь от верной смерти, покаялись и приняли православную веру. Особой жадностью отличались сборщики дани, имевшие право собирать доходы не только для Орды, но и для себя. Народ прозвал их басурманами, и это слово стало символом алчности и жестокости.

Главным царским послом и сборщиком дани в северо-восточной Руси был в то время назначен один из приближенных царя, крупный вельможа Титяк. Он разъезжал по городам Залесья с небольшим отрядом охраны, встречался с князьями и боярами, требовал увеличения даней и богатых даров для себя. Повсюду Титяк оставлял своих наместников. Среди них были не только ордынцы, но и русские изменники — бояре или церковники. Так, в Ярославле на службу к Титяку пошел пьяница и грубиян монах Зосима, отличавшийся поразительной жадностью и жестокостью. В слепом желании выслужиться перед угнетателями Зосима до-

шел до того, что принял мусульманство. Этот шаг не вызывал одобрения не только у простых людей, но даже у бояр и служителей церкви.

В это время между Ордой и императорской ставкой в Каракоруме возник конфликт. В столице Золотой орды Сарае были недовольны тем, что император вмешивается в дела Орды и хану достается меньшая доля награбленного в землях Руси, которая, по мнению хана и его окружения, полностью им принадлежала. Этот конфликт вскоре стал известен на Руси. В городах зрело вооруженное народное выступление. Возглавил движение

старинный русский город Ростов Великий. Он меньше пострадал от нашествия, поэтому здесь были силы, способные оказать сопротивление угнетателям. Поначалу князья были в стороне и руководство подготовкой восстания взяли на себя городские общины, пославшие гонцов в Новгород и Псков. Однако центры боярских республик отказались выступить: слишком свежи были воспоминания о кровавой расправе.

Но все равно зазвучали колокола в городах Залесья и поднялись по их сигналу отряды народных мстителей. Расправа с угнетателями была коротка.

В Ярославле вооруженные горожане поймали Зосиму и убили предателя, а тело его бросили на съедение псам и воронам — до того велика была ненависть людей к этому отступнику.

Восставшие победили во всей Ростово-Суздальской земле. Отряды врагов были изгнаны из Владимира-на-Клязьме, Ростова Великого, Ярославля, Переяславля-Залесского, Углича, Костромы, Суздаля! Враг был изгнан, но его ожидали вновь. В городах и деревнях ждали набега татаро-монгольских ратей в отместку за уничтожение сборщиков даней и их охраны.

Александр Ярославич решил предпринять дипломатический шаг и попробовать договориться с золотоордынским ханом Беркаем. Это была уже четвертая поездка князя в Орду, поэтому он ехал без особых опасений. Беркай радушно встретил его: он не собирался мстить за гибель чиновников императора, а надеялся

с помощью мира получать даже больше, чем давала Русь раньше. В Александре он видел союзника, с помощью которого можно спокойно получать дани и противостоять императорскому давлению. Но так считали не все вельможи хана. Некоторые из них тайне были на стороне владыки из Каракорума: одни — из страха за будущее, другие — в надежде получить богатство и почет.

Долгое время провел Александр в ставке хана, а с первыми заморозками отправился на Русь. Недоезжая Городца на Волге князь занемог. То ли враги подмешали ему в пищу медленно действующий яд, то ли сказались многолетние лишения и неоднократное участие в битвах и схватках с врагами. После смерти Александра Невского великим князем стал его брат Ярослав, которому удалось объединить Тверской удел с Владимирским княжеством и Новгородской республикой.

В Орде тоже произошли изменения: умер Беркай, и опять начались неразбериха и кровавая усабица. Это дало некоторое облегчение Руси и позволило Ярославу заняться обеспечением безопасности северо-западных рубежей. Тонкая политика Александра и его преемника Ярослава привела к тому, что ордынские мурзы вместе со своими отрядами участвовали в походах русских войск против немецких феодалов, пытавшихся в очередной раз осуществить пресловутый «drang nach Osten» — натиск на Восток.

Но ни тяжкое лихолетье, ни тишина и спокойствие не останавливали княжеских распр и усобиц. В 1280 году началась длительная борьба между двумя братьями — князьями Андреем и Дмитрием Александровичами. Причина была прежняя — соперничество за великокняжеский стол во Владимире. Андрей вместе со своим воеводой Семеном Тонильевичем привел татар на Русь. Были опустошены Муром, Владимир, Юрьев-Польской, Суздаль, Переяславль-Залесский, Ростов Великий, Тверь, Торжок, часть Новгородской земли. Уже по перечислению городов можно представить, какие огромные территории были вновь разорены татаро-монголами. Долго продолжалась кровавая распря братьев.

ВОЕННОЕ ДЕЛО

За период татаро-монгольского завоевания Руси пришлось участвовать в трехстах войнах и битвах с Ордой, литовцами, ливонцами и шведами. Это постоянное напряжение, конечно, не могло не повлиять на развитие русского военного дела. «Военное дело в середине и второй половине XIII века, — утверждает известный советский археолог-оружиевед А. Н. Кирпичников, — развивается на Руси с поразительной для обескровленной и разрезанной на части страны интенсивностью».

А в следующем веке, уже в условиях сковавшего Русь ордынского ига, развитие оружейного дела не только не замедлилось, но, напротив, убыстрилось. Настойчиво трудились в обедневших городах уцелевшие ремесленники. Русские купцы везли из дальних стран разные военные новинки — то необычный меч, то крепкую саблю, то диковинное копьё. Показывали дружинникам и князьям. Те, опробовав клинок, делали заказы купцам и ремесленникам. Совершенствование вооружения становится важной стороной княжеской деятельности во всех русских землях. О князьях-правителях в XIV веке все чаще судят уже не по личной удали и лихости, а по тому, насколько князь «ратное искусство» всюду выискивает и как в нем искусен, и мужествен, и крепок, и страшен супостатам».

В это время традиционная русская кольчуга начинает дополняться разными пластинчатыми прикрытиями груди, плеч, рук и ног. Постепенно в составе русских дружин появились целые отряды «кованой рати». «От глав их и до ног — все железно!» — восхищенно восклицал очевидец XIV века.

В русском войске бережно сохранялось все лучшее из военного наследия Киевской Руси. Листовидные копья и крепкие рогатины, длинные мечи, легкие боевые топоры, шеломы с высоким шпилем для опознавательного (что было очень важно в бою!) флажка-еловца, красные круглые щиты и многое другое.

Но наряду с этим, пополняя оружейные арсеналы, появляются на Руси восточные сабли, короткие немецкие копья-сулицы, похожие на шпаги фряжские кончары, длинные польские ножи-корды.

Русские военачальники, князья и воеводы да и широкие дружинные массы прекрасно понимали, что бороться с игом можно, лишь неустанно совершенствуя вооружение, постоянно изучая новые приемы боя. В конце концов эта кропотливая и целеустремленная работа дала свои плоды в борьбе с завоевателями.

Тяжесть положения Руси усугублялась тем, что приходилось вести борьбу на два фронта, — на востоке против Орды, а с запада наступали в надежде на легкую добычу немецкие рыцари-крестоносцы. В лихую годину татаро-монгольского ига новгородцы дважды вышли победителями в сражениях с опасным врагом: в 1240 году в Невской битве разгромлены шведы, а в 1242-м на льду Чудского озера потерпели сокрушительное поражение немецкие рыцари. Здесь, на просторах Новгородской земли, шел процесс укрепления мощи Руси — строились каменные крепости, совершенствовалось военное дело и вооружение.

Основными центрами северо-западной Руси были Новгород и Псков. Эти древние твердыни были хорошо укреплены, имели высокоразвитые ремесла, активно торговали с заморскими странами. Татаро-монгольское нашествие, конечно, затормозило и их развитие. Оно угрожало поставкам хлеба, который привозился в Новгородскую и Псковскую земли из Ростово-Суздальской Руси, лишило новгородских и псковских ремесленников и купцов многих покупателей, живших в Киеве, Владимире, Рязани, Ростове, Ярославле и других городах, разоренных во время Батыева нашествия. Находившимся на северо-западной границе Руси Новгороду и Пскову приходилось постоянно сдерживать напор немецких рыцарей и шведских феодалов и одновременно стремиться не давать Орде повода для нападения. Но в борьбе со шведами и немцами у русских выработались новые тактические приемы, как, например, окружение хваленной немецкой «свиньи» во время Ледового побоища, когда бронированный рыцарский клин не только не рассек русское войско, но сам попал в затянувшееся кольцо. Основным ядром русских войск по-прежнему

выступает конная дружина. Правда, учитывая уроки борьбы с татаро-монголами, в войско широко привлекают легкую пехоту, состоящую из «черных людей» — ремесленников, купцов. На вооружении русской армии появляются разнообразные образцы и западного и восточного оружия, используется осадная техника, совершенствуются боевые доспехи. Нашествие заставило военное дело на Руси развиваться еще быстрее, чем ранее. Это развитие, как и строительство городов-крепостей, шло быстрее всего на Новгородчине и в юго-западных землях, то есть там, где ордынцы были остановлены и не учинили такого жестокого погрома, как в северо-восточной Руси или в Киевской земле. Строительство крепостей на северо-западе связано с именем Александра Невского, который в 1240 году, изгнав шведов из пределов русской земли, построил деревянный замок Копорье, оберегавший подступы к Новгороду.

Сын Александра Невского Дмитрий в 1279 году на том же

месте взамен пришедшего в ветхость замка отца строит новый, деревянный, а через год здесь же появляется каменная крепость, сооруженная по последнему слову инженерного искусства того времени. «Князь великий Дмитрий, с посадником Михаилом с большими мужи, ехавши обложи город камен Копорию».

Благодаря раскопкам археологов можно восстановить многие черты быта жителей Копорья эпохи татаро-монгольского завоевания. Крепость опоясывала могучая каменная стена, сложенная из известняковых плит, с наружной стороны был вырыт ров. Приземистые четырехугольные башни дополняли это могучее укрепление. Внутри крепости были найдены стрелы и копья, украшения и бытовые вещи. Многочисленные находки говорят о хорошо развитом ремесле и торговых связях Копорья.

Через сорок лет после сооружения Копорья внук Александра Невского — великий московский князь Юрий Данилович — поставил город на Ореховом острове — там, где берет свое начало

река Нева, вытекая из Ладожского озера. Первоначально крепость, как и в Копорье, была деревянной. А в 1352 году новгородский владыка Василий «ехал и устроил башни в Орехове», то есть заложил там каменную крепость, которая также недавно раскопана археологами.

Так в период жесточайшего татаро-монгольского ига укрепляли свои северо-западные рубежи русские люди. Но не далекому Северо-Западу суждено было стать центром борьбы с татаро-монголами, не мятежная и горделивая Тверь объединила вокруг себя русские земли. Москва — вот город, который стал столицей Русского государства и внес решающий вклад в полное освобождение от тяжкого и позорного бремени.

СЕРДЦЕ ВОЗРОЖДЕННОЙ РУСИ

Москва берет свое начало в далекой и седой старине. Впервые город упомянут в русских летописях под 1147 годом, когда князь Юрий Долгорукий устроил здесь военный совет со своими союзниками. «Приди ко мне брате в Москов» — так написал Юрий своему родственнику князю Святославу Олеговичу. Ясно, что Москва существовала и раньше и была хорошо укрепленным городом, иначе князь Юрий не стал бы собирать там своих соратников.

Археологические раскопки показали, что укрепленное поселение на 20-метровом Боровицком холме, венчавшем остроконечный мыс в месте впадения речки Неглинной в Москву-реку, возникло еще в XI веке. Холм, разбитый естественными складками на отдельные участки, был удобен и для заселения, и для обороны. Супесчаные и суглинистые почвы способствовали тому, что дождевые воды с обширной вершины холма сразу скатывались в реки, земля была сухой, пригодной для разного строительства.

Крутые 15-метровые обрывы защищали поселок с севера и юга — со стороны Неглинной и Москвы-реки, а на востоке его отгораживали от прилегающих пространств вал и ров.

Но место, выбранное древними основателями города, было исключительно удачным не только с военной и строительной точек зрения. Прямо от городских укреплений к Москве-реке спускался широкий Подол, где располагались торговые ряды, а на самом берегу — постоянно расширявшиеся причалы для судов. Издалека приметный шедшим по Москве-реке ладьям городок быстро стал излюбленным местом торговли для многих купцов.

Постепенно оседали в нем ремесленники, обзаводились мастерскими — кузнечными, ткацкими, красильными, сапожными, ювелирными. Быстро росло число строителей-древоделов: и крепость надо было устраивать, и тын городить, причалы сооружать, улицы мостить деревянными плахами, дома, торговые ряды, княжеские терема да храмы божьи отстраивать.

Первая крепость Москвы была деревянной и давно исчезла с лица земли. Археологам удалось найти ее остатки — бревенчатые укрепления, рвы и валы с частоколом. Эта крепость занимала лишь небольшой кусочек современного московского Кремля. Сюда и приехал Юрий Долгорукий в 1147 году: княжеский двор находился внутри крепости. А за валами и рвом жили ремесленники и купцы.

Татаро-монгольское нашествие фактически разрушило Москву — городок был неоднократно ограблен и сожжен поработителями. В январе 1247 года «взяли татарове Москву и воеводу убили, и людей убили и много имения взяв ушли». Но каждый раз жители, скрывавшиеся в окрестных лесах, возвращались на родное пепелище и заново строили землянки, рубленые дома, укрепления. Вновь начинали трудиться ремесленники, торговать купцы.

Расцвет Москвы связан с периодом правления великого князя Ивана Даниловича, которого в народе прозвали Калитой. Этот князь прославился своей хитростью и скупостью. Он был отличным дипломатом и умел ладить с угнетателями, играя на противоречиях в Орде. Он неоднократно участвовал в походах ордынских войск и таким образом отводил удары от Москвы. Калита был человеком дальновидным и все делал для возвышения и укрепления Москвы, приближая тем самым день мщенья за долгие и мрачные годы ига, день полного освобождения от гнета татаро-монгольских захватчиков.

Соперником Москвы в это время выступило Тверское княжество, тоже издавна стремившееся стать центром Руси. Оно входило когда-то в состав Переяславль-Залесской земли. Трудно было управлять Тверью из далекого Владимира, поэтому владимирский князь Ярослав Всеволодович в начале XIII века выделил ее в самостоятельный удел. Первым удельным тверским князем стал сын Ярослава Александр Невский, заслуживший славу заступника Руси и победителя ее многочисленных врагов.

Тверь и окружающие ее земли находились в глубине Руси. Большими пространствами лесов и полей, реками и болотами они были отделены от опасных мест, куда с востока часто набегали ордынские тумыни, а с запада вторгались литовские феодалы.

Издавна был известен Тверской край своими богатствами, но особенно ценились здешние меха. Добывалась и болотная руда, которая шла на приготовление железа. Но громадные пространства были почти не заселены. Лишь в отдельных местах еще со времен каменного века были поселения охотников и рыболовов. Экономическое и социальное развитие этого района шло медленно. Так, например, скотоводства и земледелия, то есть активных производящих отраслей хозяйства, местные жители почти не знали. Так продолжалось до IX столетия, когда из новгородских земель сюда стали продвигаться новые жители — началось освоение края славянами. Славяне принесли с собой новую культуру, как материальную, так и духовную. Заселение было мирным; прошло время — стерлись различия между бывшими местными жителями и пришлыми, все стали говорить на одном языке, стали представителями одного общества, одной культуры — древнерусской. Быстро развивалось скотоводство и земледелие. В тяжелой ежедневной работе крестьянин растил хлеб, чтобы прокормить себя, свою семью и многочисленных феодалов-угнетателей — князей, бояр, церковников.

Простые русские люди, стремясь к спокойной и безопасной жизни, переселялись в тверские земли целыми деревнями, семьями; привозили с собой имущество, пригоняли скот. Богатела Тверь, наполнялась земледельцами, ремесленниками и другим трудовым людом. На всю Русь славились богатые и хорошо укрепленные города-крепости Тверской земли: Кашин, Кснятин, Зубцов, Старица, Дорогобуж, Клин, Калязин. Они окружали столицу — Тверь — надежным кольцом, первыми принимали удар в случае нападения врагов.

В период татаро-монгольского нашествия Тверская земля сильно пострадала.

Но к началу XIV века Тверь оправилась от разгрома, восстановила былые силы. Тверские князья стали свысока поглядывать на соседей; теперь они стремились завоевать главенствующее положение на Руси и надеялись занять княжеский стол во Владимире, чтобы оттуда управлять страной, объединять разоренные земли и бороться за освобождение от ненавистного ига. Общерусские интересы тверские правители совмещали со своими

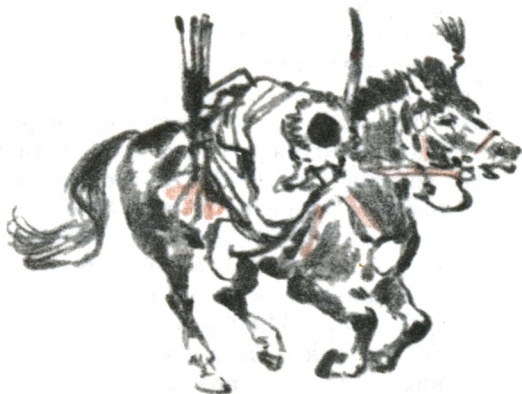
феодалными выгодами, стремясь к обогащению и возвышению своего княжества. На этом пути они столкнулись с московской знатью. Так два центра — старая Тверь и молодая Москва — начали долгое соперничество. История отдала предпочтение Москве, которая в большей степени выражала стремления и чаяния всех русских людей.

Борьба между Тверью и Москвой началась в 1305 году, когда в Орду приехали два князя — Михаил Тверской и Юрий Московский. Каждый хотел получить ярлык на великое княжение во Владимире. Ордынцы подогревали вражду, думая о своих выгодах. Они сказали, что дадут ярлык тому, чья дань будет щедрее. Большую сумму предложил Михаил. Он и стал великим князем. С этого времени берет начало ожесточенная борьба московских и тверских князей-соперников, которая не раз приводила к битвам, походам и столкновениям дружин.

Новые времена пришли и в Орду. Хан Узбек еще больше увеличил размеры дани и стал требовать выплаты их в короткие сроки. Это скоро поставило тверского князя в тяжелое положение. Он хотел во что бы то ни стало сохранить титул великого,

а для этого надо было платить все больше и больше. Тверской край был обобран до нитки. И тогда Михаил повел войска в новгородские земли, надеясь военной добычей заплатить за политическое господство. Победы сменялись поражениями, несколько раз новгородцы вынуждены были платить выкупы тверскому князю. Но в 1316 году тверское войско потерпело решительное поражение.

Платить хану теперь было нечем.

И тотчас же в Тверь устремился посол хана Кавгадый. Его сопровождали московские полки. Михаил, чувствуя шаткость своего положения, решил идти на мировую с московским князем. В Москву из Твери были отправлены посольство. Послы тверского князя были приняты в Москве с недоверием: москвичи хорошо знали вероломство тверских князей и бояр. Послам заявили, что мир будет только тогда, когда Тверь полностью подчинится Москве и признает в ней главу всех русских земель. Вражда продолжалась.

Ничего не добившись в Москве, Михаил решил искать защиты и покровительства у хана Узбека. Следом за Михаилом в ставку хана сразу приехал и московский князь. Вскоре по приказу ордынского правителя Михаил был убит, а ярлык на великое княжение перешел к московскому князю.

Прошло несколько лет — и в Орде был убит Юрий Московский. Ярлык на великое княжение вновь перешел к тверским князьям.

...Стоял знойный и пыльный август 1327 года. Тревожно было в Твери. Тяжело жилось «черни», одолели поборами свои князья и татарские феодалы, да и беспокойно было на пограничных рубежах — московском и новгородском. В один из таких тревожных дней в Тверь пришло большое посольство великого хана. Ни князь, ни бояре, ни простые тверичи сначала не придали большого значения появлению нового баскака. Сколько их перебывало в городе! Чол-хан, двоюродный брат Узбека, и его охрана

распожались в лучших покоях княжеской резиденции, изгнав князя и его семью из отцовского дома, словно последнего холопа. Ханский вельможа требовал: беспрекословного повиновения, богатых даров себе и больших даней хану. Застонала Тверь от таких притеснений, и возмущение народа не заставило себя долго ждать. В один из дней зазвонили набатные колокола тверских соборов и церквей. Быстро собрался вооруженный люд, всегда готовый к борьбе с ненавистными захватчиками. С раннего утра до темноты шли на улицах города схватки. Ордынцы упорно сопротивлялись, но натиск был беспощаден, и вскоре уцелевшие остатки ханских отрядов во главе с Чол-ханом укрылись на князем дворе. Им было предложено сдать оружие.

Но Чол-хан и не думал сдаваться. Он надеялся на помощь ханских отрядов, умиривших в это время Тверскую землю. Тогда тверичи решили поджечь княжескую усадьбу, чтобы и духа не осталось от проклятого и ненавистного баскака и его своры. Деревянный княжеский двор сгорел дотла.

Долго на улицах и во дворах Твери вылавливали ордынских притеснителей. Ни один не ушел от справедливого возмездия. В живых осталось только несколько конюхов, которые пасли лошадей на заливных лугах у Волги за городскими стенами. В суматохе забыли об этих конюхах, а они, услышав набат, крики, звон оружия, увидев языки пламени и дымы пожаров, решили не возвращаться в город, а бежать в Орду, чтобы сообщить хану о случившемся. Окольными дорогами им удалось добраться до ставки хана и сообщить ему печальную весть о гибели его родственника и лучших воинов. Узбек понимал, что трудно будет усмирить Тверь. Поэтому он решил привлечь к своему походу некоторых русских князей, стремившихся к ослаблению Твери. По приказу хана был вызван в Сарай князь Иван Данилович Московский, где ему было заявлено, что если он не согласится идти на Тверь, то разорению будет предана вся Русь. Калита согласился принять участие в походе, надеясь ослабить соперника Москвы. Во время похода были взяты Кашин, Торжок, Тверь и многие другие города. Тверь была покорена. Ценой разорения этой древней земли была спасена от нашествия Русь.

Передышка позволила московским князьям укрепить Русь, создать сильное войско.

Тверь не стала главным центром Руси и не смогла конкурировать с Москвой. Хотя еще не раз ходили походами московские дружины на непокорный Тверской край, главные силы его были разгромлены в первой половине XIV столетия.

В 1339 году Иван Калита сооружает «град дубовый, замыслив и заложив град Москву», — то есть строит новую могучую крепость. Она была сооружена всего за пять месяцев, а по тем временам это очень небольшой срок.

Неоднократно ханские послы требовали сровнять с землей все московские укрепления, но хитрый князь и его бояре отвечали, что если не будет надежной защиты у города, то разбойники, которых много было в лесах, будут грабить жителей и тогда нечем будет брать дань баскакам, а князь не сможет порадовать хана и его мурз роскошными подарками. На этом разговоры и кончались.

Кремль Калиты был в несколько раз больше первоначальных укреплений. За внешним частоколом располагались могучие башни, ров был глубоким и широким, на дне его были ряды заостренных кольев. Русские строители учли уроки прежних штурмов и подготовились к обороне от осадных орудий. Внутри кремля находился княжеский дворец, богатые дома бояр, каменные храмы. Так кремль стал резиденцией средневекового государя, центром большого города. К площади перед кремлем подходили две мощенные бревнами дороги — одна из них вела в резиденцию ханских послов и получила название Ордынка, которое сохранилось до наших дней.

Деревянный город имел много недостатков, и прежде всего он сильно страдал от пожаров — несколько раз Москва выгорала дотла, но снова и снова люди отстраивали все заново.

Двигалась вперед и военная техника, а потому необходимо было строить новые укрепления, способные выдержать любую осаду. Русские люди готовились к решающей борьбе с татаро-монгольскими захватчиками.

Москва стала символом единения русских земель, вокруг нее сплачивались все, кто хотел скорейшего освобождения своей отчины.

В 1366 году молодой московский князь Дмитрий Иванович со своим двоюродным братом и союзником князем Владимиром Андреевичем Серпуховским начинают строить каменный кремль. Всю зиму тысячи подвод возили в город камень из ближайших карьеров. Ни стужа, ни полуголодная жизнь не остановили русских людей. Новая крепость достигла почти современных размеров кремля. Всего за год были сооружены могучие белокаменные стены.

С тех пор и стали называть Москву белокаменной.

Археологам удалось выяснить, что стены крепости Дмитрия

Ивановича тянулись на два километра. Девять неприступных могучих башен не позволяли врагу подойти к стенам вплотную. В некоторых башнях были устроены проездные ворота, а через реку Неглинную был переброшен мост, первый каменный в Москве. Неприступно стояла белокаменная крепость. Мощь укреплений, хорошее вооружение, стойкость и героизм защитников не давали врагу возможности взять кремль штурмом. А это пытались сделать и ордынцы и литовский князь Ольгерд. Лишь после Куликовской битвы, в 1382 году, во время страшного погрома, учиненного на Руси ханом Тохтамышем, ценой обмана врагам удалось ворваться внутрь кремля.

При раскопках на посаде Москвы найдены жилища и мастерские ремесленников, горны, орудия труда и инструменты, сырье, заготовки, бракованные изделия. Обнаружены целые склады готовой продукции, по каким-то причинам не попавшей в руки купцов на шумные московские рынки. Как правило, обнаружить такие находки нам помогают древние пожары, часто случавшиеся в деревянных городах. Дом, сгорая, обваливался, и жители строили другой на новом месте. И постепенно остатки старого дома зарастали, засыпались землей, чтобы потом открыться взорам археологов.

Что же производили московские ремесленники? Они делали все, что нужно было для жизни средневекового горожанина и крестьянина. Это и глиняная посуда, ножи, топоры, сохи, серпы, лопаты, ножницы, пояса и всевозможные украшения из золота, серебра, бронзы, стеклянные браслеты, бусы, пуговицы, кожаная обувь, игрушки как для взрослых (например, шахматы), так и для детей (фигурки зверей, свистульки, куклы). Многообразны изделия из дерева и кости.

Особым вниманием ремесленников пользовались предметы вооружения — в то тревожное время практически все мужчины были воинами.

В лавках московских рынков можно было купить меч русского образца и татарскую саблю, тоже сделанную в мастерских Москвы. Здесь же висели колчаны стрел с острыми железными наконечниками, прочные луки с тугой тетивой, лежали острые копья, боевые ножи и топоры, надежные защитные доспехи — шлемы, кольчуги, щиты, обувь. На торгу можно было встретить иноземных купцов, которые, рискуя быть ограбленными, пробирались в Москву со своими обозами. Уж слишком велик был соблазн получить в Москве хорошие барыши и, выгодно продав свои товары, приобрести дорогие меха, лен, мед, воск и другие

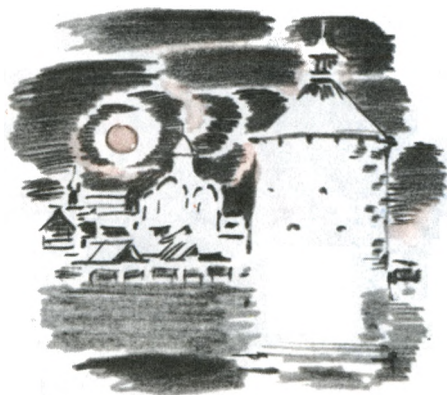
изделия московских мастеров. Так в тяжелое время Москва крепла и готовилась к решающим битвам с врагами.

Вся Русь восстанавливалась из пепла — вырастали города и деревни, возобновлялись старинные промыслы и ремесла, возрождалось культурное наследие.

Летописи почти ничего не рассказывают нам о том, как жили русские люди в тяжелое лихолетье. Мы знаем только о походах, о разорении земель и городов, об усобицах князей и их поездках в Орду, о борьбе русских людей против захватчиков.

Другие источники — археологические — стали летописью жизни, быта и труда русского народа. Земля сохранила остатки каменных крепостей и замков, земляных укреплений, белокаменных храмов, жилищ и мастерских. Археологические материалы рассказывают, как шла торговля с заморскими странами, работали искусные ремесленники, трудились хлеборобы, рыболовы, охотники. Без всего этого Русь не смогла бы пережить трудные годы татаро-монгольского ига, пересилить врагов и победить. А восстановление экономики и возрождение культурных традиций создавали основу для централизации власти.

Много зла принесло татаро-монгольское иго русскому народу, но не сломило его. Уверенность в своем правом деле и добродолие привели русских на Куликово поле, где поработителям был нанесен решающий удар.

РАЗМЫШЛЕНИЯ «ВТОРОГО БАТЫЯ»

С о времени убийства Джанибека-хана в 1357 году начались в Золотой орде усобицы и беспорядки. И продолжались они двадцать четыре года. За это время на ханском престоле умудрились побывать двадцать пять ханов! Сначала Бердибек, потом Кульна-хан, после него Кидырь, затем Темир-Ходжа — всех не перечислишь. В 1362 году удалось вскарабкаться на трон Абдуле-хану, ставленнику хитрого ордынского темника Мамай. Мамай чувствовал себя в обстановке постоянных распрей и стычек как рыба в воде. Однако и Абдуле не удалось, как ни старался Мамай, овладеть Ордой. Одновременно с ним правил еще один хан — Мюрид, выдавший ярлык на великое княжение малолетнему московскому князю Дмитрию Ивановичу. Продолжались и выступления других «правителей»: Булат-Темира, Хаджи, Джанибека Второго...

Но постепенно «старейшинство» в государстве перешло к Мамаю. К 1373 году ему удалось усмирить противников внутри Орды. С этого времени все чаще стал Мамай вспоминать Батыя.

Призвал кормившихся при ханском дворе ученых арабов — те притащили из дальних подвалов старую хронику Рашид-ад-Дина и «Сокровенное сказание о поколении монголов». Приказал зачитывать места, где говорилось о разорении Руси. Слушал внимательно. Огонь жировых светильников плавал в ханских глазах отблесками давнего великого пожара, зажженного в русских землях Батыем. Мамай представлял себе Русь после нашествия — жизни в ней было на один вздох. Отсюда, рассуждал он, покорность, отсюда послушание, согласие на любую дань.

Потом правитель стал выстраивать в голове, словно нанизывал на цепочку — одно к другому, события последних лет.

Сначала пришлось согласиться на меньшую дань. Это первое. Потом вспомнил Мамай 1373 год. Тяжелый год, когда пришлось выдержать натиск и сокрушить соперников внутри Орды. Что сделал Дмитрий, когда трудно стало хану? Тут же порвал с Мамаем.

Следующий год пришел — опять дурные вести из русского улуса. В Нижнем Новгороде перебили русские ханское посольство во главе с верным Сарайкой. Полторы тысячи лучших слуг погибли на улицах города, сопротивляясь ярости нижегородцев.

Конечно, смерть их была отомщена: посланное Мамаем войско разгромило несколько нижегородских волостей, вернулось с добром и полоном. Но не об этом сейчас речь, рассуждал Мамай. Вспомним, что было дальше. Через три года, в 1377 году, московский князь послал войско Дмитрия Волынского на волжских болгар. А ведь это верные союзники Орды! Не помогли бесерменам, как прозвали болгар на Руси, ни крепкие стены, ни пушечная пальба, ни отчаянные вылазки. Правившие в булгарах Мамай-Салтан и князь Асан сдались. Да еще согласились Москве выкуп заплатить! Совсем непослушен стал Дмитрий. Если и дальше так пойдет, скоро с Орды дань будет требовать!

Мамай сквитался за этот позор и поругание союзников серией стремительных набегов на окраины Руси. А потом, знойным летом семьдесят седьмого года, послал в русские пределы, к Нижнему Новгороду, войско хитрого и опытного Арапши. Навстречу Арапше выступила великокняжеская рать, к которой примкнуло нижегородское ополчение. Трудно сказать, как бы все кончилось, если бы случилось правильное сражение.

Русская дружина переправилась через реку Пьяну, и здесь получили известие: Арапша далеко, на Волчьей воде, и подойдет нескоро.

Нескоро так нескоро. Русское войско расплзлось по окрестным селам и деревням, загуляло. Тяжелые доспехи свалили в обозные телеги. Сбросили с плеч толстые военные рубахи-тегиляи. Отстегнули от поясов мечи и кинжалы. Некоторые развезжали, впрочем, с луками — гоняли зверя в ближних лесах. Другие по селам охотились за медовухой и пивом. Знойное стояло лето, гудели головы от жары. Беспечно веселилось войско день, второй, неделю...

Не знали русские, что глухими дорогами, не разводя костров ночами, не оставляя живых свидетелей, тайно и быстро крадется к войску Арапша.

2 августа в шесть часов вечера пять ордынских туменов согласованно ударили по отдыхающим русским дружинам.

Мало кто из ратников успел добраться до оружия.

Бросилось войско бежать назад, за Пьяну-реку. Один из

командующих — нижегородский князь Семен Михайлович — бесславно погиб, убегая. Второй — князь Иван Дмитриевич — бросился на коне в Пьяну и утонул. В панике кидаясь в воду, погибли те, кого не настигла вражеская сабля или стрела.

После победы Арапша оставил небольшой отряд охранять пленных и добычу, а сам с основными силами бросился к Нижнему Новгороду, надеясь достичь его раньше, чем придут туда вести о разгроме и город успеет приготовиться к осаде.

Но весть о событиях на Пьяне на день опередила ордынцев.

Старый нижегородский князь Дмитрий Константинович ринулся в Суздаль за помощью. Бегство князя породило панику. Сотни горожан с семьями и скарбом грузились в ладьи и лодки и устремлялись, кто под парусом, кто на веслах, вверх по реке — в Городец.

В среду 5 августа Арапша на взмыленных лошадях примчался к городу, с ходу бросился на штурм и взял Нижний. Оставшиеся в городе жители были перебиты, а сам он во многих местах подожжен.

Одних церквей было сожжено тридцать две! А домов — бесчисленно.

В Нижнем царевич задержался недолго: дым пожаров разъедал глаза, а еще, как он считал, ждали-ждали его неразграбленные волости Нижегородской земли. Уже в пятницу 7 августа Арапша покинул дымящиеся развалины и остаток лета грабил Нижегородский уезд и Засурье.

В середине августа приехал в сожженный город суздальский князь Василий Дмитриевич, брат утонувшего в Пьяне Ивана. Врага не застал, сражаться было не с кем. Похоронил останки брата в уцелевшем каменном соборе...

Возвращались в город разбежавшиеся жители. Во многих концах дружно отбивали нехитрый ритм топоры — это строились заново погорельцы. Горожане спешили — начинали работу за светло, уходили со строек затемно.

Наступала осень.

Тяжело Нижнему Новгороду. Ставят погорельцы дома и не знают, надолго ли. Пройдет зима — и, глядишь, снова враги обрушатся.

И точно!

Едва приспело лето красное — приспели и ордынцы. Князя с дружиной в городе не было — взяли Нижний легко и расположились как дома. Подошел из Городца Дмитрий Нижегородский. Видит — враги в городе. Предложил выкуп.

Отказались ордынцы. Подожгли едва отстроившиеся улицы. Напоследок разгромили уцелевший в прошлый их приход храм святого Спаса — выломали иконы и в воротах храма, отделанных дивной золоченой медью, сложили из них огромный костер...

И умчались грабить уезд.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Успешные рейды Арапши подняли Мамаю настроение. Полоса лютых, как февральский холод, неудач как будто сменялась оттепелью новых побед. Однако ясно было, что и грандиозные пожары в Нижнем Новгороде, и рязанские погромы, ослабляя расположенные на русской окраине княжества, мало влияют на

центр Руси, на час от часу растущее, набирающее силы Московское княжество. А разорение земель Олега Рязанского, давнего соперника Москвы, в политическом смысле вообще играло на руку великому князю, позволяя не тратить силы на борьбу с рязанским правителем.

Именно поэтому Мамай решил: в новом, 1378 году рубец от татарской сабли должен появиться на сердце Руси. И будет этим рубцом сожженная Москва!

Долго думал хан, кому поручить ответственное предприятие. Кто может крепкой рукой взять за горло непокорную страну? Сжать так, чтобы подкосились ноги у великого князя, чтобы рухнул он на колени перед Золотой ордой?

Выбор Мамай пал на неукротимого мурзу Бегича.

Всю зиму, всю весну мурза формировал войско. Утро, день и вечер проводил в неутомимой работе. Казалось иногда, что он

знает и своими руками проверил каждую стрелу в колчанах, каждую подпругу, любую саблю в войске. Армия была сколочена большая — уже много лет не собиралось подобного воинства против Руси. Лучшие темники Орды возглавили легкие в походе, тяжелые в боевом ударе тумены. Удалая собралась конница! Диким воплем устрашала врага, оглушала слитным гулом копыт, вселяла ужас свистом сизых клинков.

В июле выступили в поход.

Без затруднений и потерь проторенными путями въехали в Рязанскую землю. Поживиться, правда, особенно нечем было: в предыдущие годы вытряхнули ордынцы из Рязани серебро, скот из сел угнали, деревни сожгли и ограбили церкви.

Москва с весны знала о готовящемся походе, и Дмитрий не сидел сложа руки, а энергично собирал войско для отпора. В июле под стяги великого князя сошлась военная «тяжкая сила» из многих земель. И впервые за последние годы борьбы против татаро-монголов русскую рать возглавил сам великий князь Московский.

Двинулся Бегич на Русь — и почти в тот же день тронулось из Москвы войско Дмитрия. Он намеревался встретить врага

как можно дальше от столицы, чтобы сохранить от разорения окружающие ее земли — опору московского могущества.

Началось неотвратимое встречное движение.

Впереди армий сновали стремительные сторожевые отряды, каждый день донося о маневрах противника.

Каков будет итог неизбежного столкновения? Где оно случится?

Течет в Рязанской земле маленькая неспешная речка Вожа, приток полноводной Оки. На левый берег Вожи вышло в начале августа русское войско. И почти одновременно на правом берегу объявился Бегич. Дмитрий изготовил полки к сражению и замер, выжидая. Вперед не шел, зная изощренную тактику противника. Пропустят и вдруг ударят с флангов, а потом вынырнут невесть откуда на рысах свежие тумыны и довершат дело. В этом сила врага. Зачем давать ей раскрыться?

И другое знал Дмитрий: знал, сколь стоек русский воин во встречном бою. Можно разгромить русскую рать, расчленив ее на части, зайдя с тыла, охватив с флангов, заморочив передвижениями, но прорваться через частокол русских рогатин напрямую, опрокинуть дружину, стоящую лицом к неприятелю, — это для любого врага задача стократной тяжести. И решить ее можно только тогда, когда падет на поле брани последний русский воин.

Ждал и Бегич. День ждал, второй, — не идут русские на правый берег. Раз не идут, рассудил мурза, значит, боятся. С занятого Ордой берега хорошо просматривались построенные в боевом порядке русские полки: левый, большой и правый. Щетинились копьями. Прикидывал Бегич, велико ли русское войско. Большое. Да у них не меньше! Несколько дней раздумывал мурза. Советовался с темниками: наступать, не наступать?

Изменились времена! Куда исчезла бывшая нахрапистая стремительность ордынских тумынов?

В какую воду канула безоглядная уверенность в силе туменского конного удара?!

А если, рассуждал Бегич, не наступать, то с чем в Орду вернуться? Как предстать пред темные очи правителя? И получалось, что хочешь не хочешь, а путь у мурзы один — через Вожу, на московские полки. Коль послан — иди! Отступлений Мамай не прощает.

10 августа Бегич решил.

11 августа бросились ордынские тумены в теплые, как парное молоко, августовские воды Вожи. Переправились через реку, и без остановки и перестроения, настегивая коней, ринулась вражеская лавина на выстроенные полукружьем русские полки. Бое-

вые вопли огласили берег. С разбегу ткнулось войско Бегича в русскую рать.

Кремень!!

Устоял полк правой руки под командой великокняжеского окольничего Тимофея. Выдержал на левом фланге Данила Пронский. Выстоял ведомый Дмитрием большой полк, куда пришелся главный удар врага.

Стремительная атака Бегича столь же стремительно — в одночасье — захлебнулась. Напоровшись на русские копыта, передние ряды наступавших отпрянули и, теснимые, обратились в бег-

ство. На берегу Вожи возникла костоломная мешанина: отступавшие сталкивались с переправлявшимися, падали с коней или вместе с ними в кипящую под множеством конских ног грязную воду. А двинувшееся вперед полуколыцо русского войска неумолимо теснило в воду утратившее последнее подобие боевого порядка скопище.

Скоро опрокинутые в реку, откуда они только что выбрались, ордынцы ударились в безоглядное бегство. Напрасно бесновались темники, пытавшиеся повернуть воинов. Их отчаянные попытки остановить бегущих, лично возглавить наступление (а к этому ханские военачальники прибегали исключительно редко) провалились, и многие — Хазибей, Коверга, Карабулук—

сложили головы на пологом берегу. Бесславно пал (в воде или на берегу — неведомо) и сам знаменитый Бегич.

Кипела вода в теплой реке. Опрокинув врага в реку, Дмитрий не остановился. Догоняя бегущего врага, бросилась в Вожу русская конница. Переправилась и на рысях пошла за убегающим разрозненным войском мурзы-неудачника.

Пришел вечер. Солнце зашло, и померк свет. Остановилась ставшая слепой погоня. Спешились усталые конники. Разгоряченные битвой, не могли заснуть, а ранним утром вновь запела боевая труба: Дмитрий приказал продолжать погоню. Солнце взошло — а русское войско уже скачет, догоняет врага.

Но не настигли убегающих. Те, оказывается, на ночь не останавливались, а бежали, бежали, бежали... Многочисленные следы этой панической (в кромешной тьме!) гонки нашли русские на дорогах и полях. Телеги сломанные и исправные, полные награбленного добра, грязные шелка втоптаных в грязь шатров, сложенные по-походному мышиного цвета войлочные юрты, шапки, оружие, загнанные мертвые лошади...

А остатки ордынского войска пылили по степным дорогам далеко за горизонтом. Скорей из русских пределов, поближе к спасительной Орде!

В середине августа галдящая оборванная толпа достигла Сарая, и оставшиеся в живых тысячники и сотники, пряча глаза, рассказали Мамаю о неудачной битве на Воже-реке, о непокорности Дмитрия Московского.

Почти через пятьсот лет, изучая историю России, Карл Маркс записал об этой битве: «Дмитрий Донской совершенно разбил монголов на реке Воже (в Рязанской области). Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими».

КЛЕЩИ ВРАЖЕСКОГО СОЮЗА

Разгром мурзы Бегича на Воже раскалил Мамаю до предела. В ответ он — какой раз! — совершил нападение на Рязань. Заслышав о приближении ордынцев, Олег Рязанский не стал думать об обороне. Сопровождаемый обозом, под защитой верной дружины он бросился за Оку — подальше от Мамаева воинства, оставив совершенно беззащитной столицу княжества Переяславль-Рязанский. Татары легко взяли город, разграбили окрестные деревни и села.

Нагрузив обозы, навязав длинными цепочками пленных, тумены возвратились в Орду, творя по дороге обычное военное зло — саблей, стрелой и огнем.

Лютно опалился Мамай на Дмитрия! Злился за своих погибших любимцев, за отборную конницу, побитую на Воже. Злился и за то, что дань с русских земель была теперь невелика. Предыдущий хан — Джанибек — получал гораздо больше. Когда удалось Мамаю вскарабкаться на ханский трон, он согласился, чтобы признали его русские правителем на меньший «выход». Однако теперь, когда он набрал силу и привел в повиновение ордынских противников, можно было потребовать с русского улуса

побольше серебра. Но все намеки и заявления ханских послов у Дмитрия словно мимо ушей пролетали. Московские дипломаты говорили о «великой христианской истоме», о том, что дань платить следует по крестьянской силе. Говорили витиевато, но твердо, а заканчивали в конце концов примерно так: как платила Русь по новому уговору, так и платить будет. В то же время «христианская истома» не помешала Дмитрию выстроить новый огромный — каменный! — кремль, вокруг которого не раз безуспешно топтался, пытаясь взять штурмом, искусный полководец Ольгерд Литовский. Есть у Дмитрия возможность выстроить огромную крепость, есть на что содержать большое войско! На все есть у русского царя серебро. Только для Орды серебра нет.

И создавалось у Мамай впечатление, что Русь уже не отдает себе отчета в том, с кем имеет дело. Словно не помнит, как лежала перед всесильной Ордой растерзанная, согласная на все — только не наноси последнего удара.

Обычная неблагодарность раба! Чуть зажили раны — он уже смотрит, как расквитаться с господином.

Но и хозяин не прост! Застонет Москва от нашествия, какого не видела!

Большой войне, решил Мамай, должна предшествовать большая дипломатия. Не чувствуя себя способной в одиночку расправиться с Русью, Золотая орда занялась активным поиском союзников.

На кого мог рассчитывать золотоордынский правитель?

Прежде всего, конечно, на лютого врага Дмитрия — литовского князя Ягайло. В 1377 году, умирая, великий князь литовский Ольгерд завещал Ягайло, одному из двенадцати своих сыновей, великокняжеский престол. Это было нарушением феодальных традиций — престол обычно переходил к старшему сыну. Поэтому старшие братья новоиспеченного великого князя литовского — Андрей и Дмитрий Ольгердовичи — сочли себя обиженными и начали борьбу с братом. В том же году Андрей, не желая подчиняться Ягайло, бежал из Полоцка во Псков, где стал князем. Псковская земля была в то время самостоятельным государством, и Андрей стал независимым правителем. Второй брат, Дмитрий, получив от Ягайло во владение города Брянск и Трубчевск, захваченные у Руси Ольгердом, на время смирился со своим положением.

Неизвестно, сколь долго сохранилась бы его вынужденная верность Ягайло, если бы не Дмитрий Московский. Он не собирался уступать Литве захваченных земель, и в 1379 году русское

войско вторглось в Северскую землю, где находились владения Дмитрия Ольгердовича. Вместе с русскими участвовал в этом походе и Андрей Ольгердович. Московское войско овладело Стародубом и Трубчевском — таков был военный итог похода. А политический его результат состоял в том, что Дмитрий Ольгердович тоже перешел на сторону Москвы, заключив с ней договор. Таким образом, два старших Ольгердовича — Андрей и Дмитрий — за год до Куликовской битвы стали союзниками московского князя.

Ясно, что военные и политические успехи Дмитрия Ивановича на западных границах московских земель заставили Ягайло искать союза с Золотой ордой. Такой союз сулил ему большие выгоды: в случае разгрома Москвы он закрепил бы за собой все земли, захваченные у Руси отцом, а также мог существенно расширить владения на востоке, присоединив еще ряд земель, включая, возможно, и саму Москву!

Такая игра стоила свеч. Поэтому в первой половине 1380 года Ягайло направил к Мамаю посольство с грамотой, в которой предлагал правителю союз против Москвы. Точный текст этого документа неизвестен, но дух его вполне передает пересказ, помещенный в одном из сказаний:

«Восточному великому царю Мамаю!

Князь Ягайло литовский, присяжник твой, много тебя умоляет. Слышал я, что ты хочешь наказать свой удел, своего служебника, Московского князя Дмитрия. И потому пишу тебе, вольный царь, раб твой, что великую обиду делает князь Дмитрий московский слуге твоему, князю Олегу рязанскому, да и мне также делает великие неприятности.

Господин, царь вольный Мамай!

Пусть теперь придет держава твоего царства к нашим пределам, пусть ты сам, царь, обратишь внимание на злые обиды московского князя Дмитрия Ивановича, причиненные нам».

Мамай прекрасно понял, чего домогается и к чему стремится Ягайло. Понял и то, что собственных сил для борьбы с Москвой литовскому князю явно не хватает. Поэтому он обошелся с литовскими послами надменно, заявив, что помощь ему не очень и нужна: он сам в одиночку вполне может расправиться с Москвой. Но, сказал Мамай дальше, желая чести не одному себе, но и Ягайло тоже, он согласен принять его войска в свои ряды и вместе идти на Москву.

С тем и поспешили литовские послы к своему князю.

Итак, один союзник объявился!

Вторым приспешником Орды стал рязанский князь Олег. Положение Рязанского княжества в это время было сложным. Оно располагалось между Ордой и Москвой, поэтому каждый поход ордынцев в московские земли сопровождался грабежом Рязанского края. Олег пытался сохранить с Ордой хорошие отношения, а это, естественно, вызывало гнев Дмитрия Ивановича. А любая попытка помириться с Дмитрием рождала злобу в Орде. Так и жила Рязань между двух огней.

В 1380 году в обстановке складывающейся коалиции Золотой орды и Литвы Олег склонился к союзу с Мамаем. Расчет его был прост. Решительное ослабление или даже полный разгром Москвы в результате совместного нападения Мамай и Ягайло круто изменит политическое положение. И если вовремя не прикнудить к победителям, захватчики на обратном пути разорят и Рязань. А если войти в антимосковский союз, то можно будет не только сохранить то, что есть у Рязани, но и еще кое-что присоединить. А коль раздобьется хан, то, может, даст Олегу и ярлык на великое княжение! Тогда станет Олег великим князем всея Руси!

Но хотя и кружилась голова от таких радужных перспектив, подумал Олег и о другом. Опыт последних лет показывал, что может случиться всякое. Разве стоит до конца полагаться на Ягайло? Этот трусливый хитрец может предать в любой момент, когда угодно отказаться от союза, а то и направиться совсем не туда, куда обещал. А разве можно быть до конца преданным Мамаю? Сколько рязанских сел и деревень дымом развеялись от его набегов? Сколько жителей погублено ордынскими стрелами и саблями?

Вдруг развалится задуманный союз? Не жди тогда, Олег, пощады от Москвы за предательство. Мучительно искал рязанский князь такого пути, чтоб выгадать в любом случае. Подобно Ольгерду, он направил к Мамаю посольство во главе со своим боярином Епифаном Кореевым. Епифан передал хану Олегову грамоту.

«К восточному царю, сильному среди царей Мамаю.

Ставленник твой и присяжник Олег, князь рязанский, тебя умоляет. Слышал, господин, что ты хочешь идти на русскую землю на своего слугу, на великого князя Дмитрия Ивановича московского и хочешь его страшить. Всесветлый царь царей, пришло твое время: золотом и серебром, и всяким богатством наполнилась земля Московская. А князь Дмитрий — человек христианский, когда услышит о твоей ярости, то убежит в дальние земли

или в Великий Новгород, или на Двину к морю, а многое богатство в руки твои попадет и твоему великому войску.

Меня же, раба твоего Олега Рязанского, да пощадит, царь, твоя держава. Я рад твоему, царь, приходу и устрашу Русскую землю. А князь великий Дмитрий Иванович и все князья русские сильно устрашаются твоей угрозой.

Еще, царь, молю тебя, оба мы, твои рабы Олег рязанский и князь Ягайло литовский, о своем великом бедствии. О том много тебя умоляем. Князь великий Дмитрий Иванович сделал зло и наши города захватил силою. Но не только это одно. Когда мы за свои обиды погрозим царским твоим именем, он не только не уступит, но еще хуже делает: держит град Москву за собою, сильному царю царей много злословит. Князь Дмитрий Иванович хочет идти на тебя, а ведет с собой полчище немцев, и много у него русских людей. И они все сказали ему подробно. А мы оба, царь, идем к тебе на помощь».

Епифан Кореев получил от Мамаю тот же приказ, что ранее был дан Ягайло: 1 сентября 1380 года все войска — ордынские, литовские и рязанские — должны сойтись на Оке, чтобы с этой линии нанести удар по Москве.

Третьим союзником Орды стала расположенная на берегу Черного моря купеческая Кафа. Обосновавшиеся здесь генуэзские купцы, получившие от Мамаю большие обещания, дали ему серебро, на которое он на вербовал и вооружил громадное число наемников. Союз с Кафой был нужен Мамаю не только для усиления общих антимосковских сил. Шальная разбойничья братия наемников должна была усилить Мамаю и в глазах союзников. Он понимал, что и после разгрома Дмитрия должен иметь достаточно войск, чтобы продиктовать условия нового порядка Ягайло и Олегу.

Зловещий союз воплощался в четкий военный план.

Приказ, полученный от Мамаю, поверг Олега Рязанского в новые раздумья. А ну как известно Дмитрию Ивановичу о готовящемся нашествии? И, не дожидаясь нападения — а решительность Дмитрия рязанский князь хорошо знал, — Москва сама начнет военные действия? Мамаю далеко — до него Москве не дотянуться. Ягайло тоже не близко, а Рязань — вот она, под боком! Ринется Дмитрий на Рязань — и нет спасения! Даже если потом он будет разгромлен союзниками, Олегу-то в этом какой прок?

Как избежать такого поворота?

И надумал Олег. Тайком от многих своих бояр снарядил

посольство в Москву. Не везли послы подарков, была с ними только короткая, хорошо спрятанная (вдруг на врага посольство наткнется) грамотка.

«Мамай идет со всем своим войском в мою землю Рязанскую, — писал Олег Дмитрию, — на меня и на тебя, и о том знай. И князь литовский Ягайло идет на тебя же со всюю силою своею».

«МЕСЯЦА АВГУСТА В ПЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ...»

Олегова грамота подтвердила худшие предположения Дмитрия. Еще раньше узнал он о движении Мамаея от сбежавшего из ордынского плена Андрея Семенова. Чуть позднее вести об этом же принесли ограбленные ордынцами, но уцелевшие купцы. А теперь вот Олег...

Огромной подковой охватил Русь союз сильных и на все готовых врагов. Положение стало критическим.

Первое, что решил Дмитрий, — попытаться расколоть возникшую коалицию. Эта труднейшая дипломатическая задача была поручена совсем еще молодому дипломату Захарию Тютчеву. Зная Мамаеву жадность, большое посольство Тютчева повезло в Орду чуть не телегу золота — задаривать хана, заставить его хоть ненадолго поверить в покорность русских. А коль получится передышка, рассчитывал Дмитрий, и выйдет из игры Мамай, много легче станет положение страны.

Захарий добрался с посольством до рязанских земель и здесь проведал о сговоре Олега с Мамаем. Он знал о послании рязанского князя к Дмитрию и первым разгадал двурушничество рязанского князя. Дмитрий Иванович, видимо, еще надеялся если не на союз, то, по крайней мере, на нейтралитет Олега. Тютчев сразу понял, какую роковую ошибку может совершить московский князь, полагаясь на честность рязанского правителя.

Тайком послал Захарий самого надежного человека из своей свиты с письмом об измене Олега. Значение этого известия, вовремя полученного Москвой, трудно переоценить: после него расстановка вражеских сил стала ясна окончательно. Перестала быть тайной и предательская позиция Олега. Тютчев, хотя и не смог впоследствии выполнить главной задачи — отговорить Мамаея от нападения, сделал для общего дела очень много.

После этого сообщения Дмитрий немедленно разослал гонцов к союзным и подручным князьям. Те сразу откликнулись на при-

звиз великого князя — вот когда дали плоды столетние усилия Москвы по сплочению русских земель.

Военно-политический совет съехавшихся князей принял решение о сборе общерусского ополчения. Вновь во все города поскакали гонцы с великокняжескими грамотами, смысл которых одинаково отражен в большинстве сказаний.

«Чтобы все были готовы, — писал Дмитрий, — иди на мою службу, на войну против безбожного царя Мамай. Соединитесь все в Коломне на успеньев пост...» (15 августа.)

Совет принял еще одно решение: поставить в степи твердый сторожевой отряд. В первую «сторожу» включили семьдесят человек. Все это были опытные и проверенные воины, великокняжеские оружники: Родион Ржевский, Андрей Волосатый, Василий Тупик, Яков Ослебятев... Отряду было приказано достичь реки Быстрой Сосны, стеречь этот рубеж и, кроме того (главное!), попытаться добыть «языка», узнать «Мамаево хотение».

«Сторожа» ушла в назначенный район степи и как в воду канула — не подавала вестей. А времени на промедление не было. Поняв, что отряд Ржевского «замедлился» и не может по каким-то причинам справиться с заданием, Дмитрий послал в разведку дополнительную группу. Вторую «сторожу» возглавил опытный страж Климент. Вместе с ним ушли в степь Григорий Судаков, Фома Гацабесов и еще тридцать три человека. Отправляя их, Дмитрий приказал: не медлить! Как можно скорее взять пленного! Как можно скорее узнать планы Мамай!

Однако второй «стороже» не пришлось вступить в дело. Едва отъехав от Москвы, отряд встретил Василия Тупика, который вез в столицу пленного ордынца. «Язык» был знатный — из Мамаева окружения.

Пленник еще раз подтвердил все, что было известно Дмитрию: намерение Мамай расправиться с Русью, союз Ягайло с Олегом. Кроме того, от него удалось получить важную информацию о сроках нападения: Мамай собирался соединиться с союзниками в начале осени и поэтому начал продвижение в сторону Руси.

Все подтверждало правильность предыдущих расчетов Дмитрия: он приказал войскам сойтись в Коломну 15 августа.

Русское войско, таким образом, будет готово к походу раньше, чем объединятся его противники.

Во вторую неделю августа Москва провожала великокняжеские полки. Множество людей сошлось к Кремлю, заполнило ближние улицы. Войско вышло из Кремля.

Дмитрий простился с княгиней Евдокией. Матери благослов-

ляли сыновей. Сестры провожали братьев. Жены навсегда прощались с мужьями, идущими на верную смерть...

По нескольким дорогам стекались в Коломну войска русских княжеств.

С далекого севера пришли князья белозерские — Семен Михайлович, Федор Семенович. С ними — крепкая дружина.

Прибыли андомские князья — Андрей Кемский, Глеб Каргопольский.

Подожли князья ярославские со своими силами.

Прискакал с дружиной Дмитрий Ростовский.

Пришел Глеб Брянский.

В Коломне собрал ополчение воевода Микула Васильевич.

С костромичами пришел воевода Иван Родионович Квашня.

С переяславцами — воевода Андрей Серкизович.

Явилась дружина князя Юрия Мещерского.

Подъехал с отрядом князь Андрей Муромский.

Следом прибыл со своим полком князь Федор Елецкий. Владимирцев привел Тимофей Валуевич, тот самый, что отличился на Воже.

Десятки тысяч вооруженных людей — большие конные полки, пешие отряды, маленькие группы из небольших сел — спешили к назначенному дню в Коломну. Войско заполнило город, потом выплеснулось за его пределы. Окрестная равнина запестрела походными шатрами князей. Большие и малые станы подходивших ратей сначала казались островками на окружавшей Коломну равнине, но, быстро сливаясь, превратились в огромное море. Его тяжелый шум нарастал, переплескивался через городские укрепления и долетал до хором, в которых остановился Дмитрий. Вслушиваясь в нараставший от вечера к вечеру гул, всматриваясь в от-

блески множества походных костров, Дмитрий думал о предстоящем столкновении.

Полтора века готовилась Русь к этой схватке! Князь вспоминал рассказы покойного митрополита Алексея, троицкого старца Сергия и других монахов, которые слушал в юности долгими осенними вечерами во время поездок по монастырям. Тогда казалось ему, что сам он видел, как залечивала после нашествия свои раны страна. Как медленно — десятилетиями — набирало новую силу ее гигантское тело.

Русский крестьянин приходил на пустоши, заново поднимал пашню на поросших лесом — в кол, в жердь, а то и в бревно толщиной — полях. Ставил на пепелищах новые постройки. Рядом с избой вырастала клеть, появлялся загон для скота, банька у ближнего ручья. И возникала деревня. Подрастет сын — строит рядом свой двор. А то уйдет жить на новое место, поставит двор за отцовским полем, расчистит под пашню новый участок. Река близко — лодку смастерит, дед научит сети вязать, корчаги плести. Если дичи много в лесу, перевесье сделает, петли и силки поставит. Помогай, охота, крестьянину!

Созреют хлеба — тут как тут боярский ключник. Каждый третий сноп — боярину, монастырю или великому князю. Чья земля — тому и оброк.

Ключник зерно своей мерой отсыплет, лен большими горстями отсчитает, выбеленный холст собственным аршином отмерит, баранов пожирней в сторону отгонит, бочку соленой рыбы присмотрит. Вези, крестьянин, на своей телеге в боярские погреба и ледники. Да гривну серебра не забудь поднести владельцу! Если нет — иди да наторгуй, есть серебро на большой Руси! Феодал оброки сосчитает, что продаст, что себе оставит. Часть серебра — в отдельный кожаный мешочек. Княжеская дань! Скоро прискачет отряд сборщиков, серебро получит — и в Москву. Богатеет казна. Но медленно: львиную долю серебра приходится в Орду направлять, хану «выход» платить. Тяжело время! И позорно!

Чавкают лаптями по глухим болотам рудознатцы, ищут болотную руду. Качают мехи плавильных печей подмастерья. Рдеют в глиняных формах остывающие железные крицы. В задымленных кузницах стучат молоты по раскаленным заготовкам. В углу аккуратно сложены готовые сошники, топоры, подковы, наконечники стрел, копыя и мечи. Торговец появится, купит все вместе, и заскрипит его воз в сторону Москвы — великий князь за хорошее оружие хорошо заплатит.

Вспоминались и рассказы про деда — Ивана Калиту. Старательно собирал Калита (за то и прозвище такое получил) земли вокруг Москвы. Волостью можно завладеть — давай волость, село хозяина лишилось — великому князю, деревня новая появилась — подавай и деревню! Серебряная деньга завелась у крестьянина — отобрать — и в казну, в дальний угол, чтобы не высмотрели ханские послы.

С ханом Калита не ссорился: мало сил у Руси. Ездил в Орду, кланялся, многочисленных ханских жен и приспешников подарками задабривал, жаловался на соперников, кланчил ярлыки на право владения то одним городом, то другим. Но за покорностью своей ни на час не забывал о поставленной цели — всячески укреплять Московское княжество, оберегать русские земли от набегов, копить силы. И была при Калите, как записал в одной из летописей безвестный монах, «тишина великая, перестали поганые воевать Русскую землю и отдохнули христиане от великой истомы и многой тягости, от насилия татарского».

Коль не доведется самому, полагал Калита, набрав сил, схватиться с Ордой, то сын сбросит его. У сына не получится — внук выйдет на бой! И Дмитрий понимал, что меч, лежавший сегодня в его изголовье, закалился пламенем того горна, угли в котором тайно и старательно раздувал дед.

Сорок лет назад, в 1340 году, похоронили Ивана Калиту в Успенском соборе, а московский престол занял его сын Семен Гордый. Характер у него был круче и надменнее отцовского, потому и прозвище такое. Дело отца он выполнял неукоснительно. Княжество росло, и скоро стал Семен называть себя великим князем в с е я Руси, подчеркнув этим свое превосходство над тверским, рязанским, нижегородским и всеми прочими князьями.

В 1353 году унесла его черная смерть — чума, выморившая чуть не половину Руси.

Отца Дмитрия, Ивана Ивановича, народ прозвал Красным. Его шестилетнее княжение было бесцветным, хотя прозвище он получил яркое. Таким могла гордиться деревенская красавица, но великому князю в нем особого почета не было.

А какое прозвище по давней традиции заслужит у русских людей он, Дмитрий?

Сложный узел военно-политической обстановки затянулся настолько туго, что развязать его с помощью дипломатических крючков уже было нельзя. Лишь отточенный меч безупречной военной стратегии мог его разрубить.

Думая об угрозе, нависшей в том памятном году над Русью, чаще всего вспоминают только Мамай. Да, Мамай был главной фигурой возникшей антирусской коалиции. Но войском Мамай, кочевавшим в донских степях, угроза не исчерпывалась. С запада двинулся на Русь Ягайло. У берегов далекого южного моря fryжские купцы нанимали пехоту в помощь новому Батыю. И совсем рядом заставил дружину точить мечи против Москвы Олег Рязанский.

Сегодня, исходя из знаний, которыми мы располагаем, можно уверенно сказать: в тот год речь шла об исторической судьбе русского народа.

Если бы удалось задуманное его врагами, то судьба эта могла бы попросту закончиться, как за полтора века до этого прекратилась оборванная вражескими саблями историческая судьба некогда могущественных половцев.

Дмитрий смотрел на запад — и чудился ему за тысячу верст перезвон мечей, в темной ночи шла-поспешала пехота Ягайло, стремясь в назначенный день и час соединиться с Мамаем.

С юга из степных глубин катилась окутанная клубами пыли ордынская волна, скрипела обозами. Колчаны набиты стрелами, сабли отточены, кони откормлены. С юга же от моря ташилась наемная fryжская пехота — черные шапки, черные кафтаны, лес копий.

А на юго-востоке от Коломны, в Рязанской земле, сосредоточивалась дружина Олега. Два-три дневных перехода отделяли ее от войск Дмитрия Ивановича.

Три злых, несущих смерть реки текли к одному заранее обусловленному месту, чтобы, соединясь, взломать плотину собранного Москвой войска и потопить Русь в крови нашествия.

Отсюда, из Коломны, начинался сложнейший стратегический маневр, без осуществления которого нельзя было рассчитывать на успех.

Следовало обезопасить войско от внезапного нападения любой из этих сил. Кровавый урок, полученный русскими дружинами на Пьяне, вновь и вновь вспоминался Дмитрию. Ему ясно было, что противники объединились в злобном порыве не из любви друг к другу. Никто из них — ни Мамай, ни Ягайло, ни тем более Олег — не рассчитывал справиться с Москвой в одиночку. Будь иначе, любой из них уже рвал бы Русь на части. Из осознания этого факта и родилась антирусская троица, исполненная, как оказалось позднее, внутренней подлости и предательства.

Как нужно поступать, каким путем идти, чтобы не допустить их соединения в единый кулак? Обычно при рассмотрении Куликовской битвы вспоминают о двух главных моментах — собирании общерусского войска и самом сражении. При этом движение русского войска от Коломны к Куликову полю выступает как само собой разумеющееся и малопримечательное звено, соединяющее эти кульминационные события.

Но если приглядеться, то двухнедельный поход был не менее важен для победы, чем само сражение.

Кратчайший путь навстречу главному врагу — Мамаю — лежал через рязанские земли. Но пойти так — значит оказаться в угрожающей близости от рязанской дружины, подтолкнуть Олега в объятия Мамаю. Вряд ли, конечно, решится Олег на открытое нападение. А если решится? Схватка с ним хотя и будет наверняка победной, но ослабит войско и на день, два, три, неделю (кто знает?) задержит московское войско в рязанских землях.

Что это значит? Ничего хорошего для Руси. А Ягайло, трусоватый, но хитрый политик, получает свободу действий. В этом случае он может спокойно идти, как обещал, на соединение с Мамаем или даже повернуть в сторону незащищенной Москвы и разгромить ее. Еще выгоднее Мамаю, который, чуть повернув на запад со степных дорог Придонья, быстро соединится с Ягайло, а затем, неспешно маневрируя, они будут искать встречи с Дмитрием в нужном месте и в нужное время. И еще одно удерживало московского князя. Обещали присоединиться к нему Дмитрий и Андрей Ольгердовичи. В Коломну они не успевали. И если двинуться кратчайшей дорогой, их войска, чтобы соединиться с московскими, должны пройти в непосредственной близости от армии Ягайло, пересекавшей русские земли почти строго с запада на восток. Тогда могла возникнуть ситуация совсем уже критическая. Олег Рязанский свяжет действия Дмитриевой рати, Ягайло скует маневры Ольгердовичей, а Мамай, получивший стратегическую инициативу, сможет делать все что угодно. Все усилия пойдут прахом.

Таким образом, кратчайший путь навстречу Мамаю победы Дмитрию не сулил.

За день до отхода из Коломны была послана в степь третья русская «сторожа». Девяносто бойцов, отличавшихся в прошлых сражениях, бывалых «поляников», как называли знавших Дикое поле, были отобраны в отряд. Имена некоторых из них сохранились в сказаниях и летописях: Игнатий Кренев, Фома Тынина,

Петруша Чураков, два неразлучных друга — Петр Горский и Карп Олексин... Возглавил «сторожу» отважный и опытный Семен Мелик. Ему была поставлена ясная и тяжелая задача: встретиться в степи с ордынскими сторожевыми отрядами, идущими впереди основных сил, и, обнаружив их, любой ценой и любым способом дать знать об этом войску.

Переправившись через Оку, отряд усккал в южную сторону.

Прошла последняя ночь, и ранним утром русские полки в строгом, заранее установленном порядке вышли из Коломны. Путь, избранный в результате долгих расчетов и раздумий, на первый взгляд выглядел странно. Вместо того чтобы ринуться навстречу Мамаю — на юг, огромное войско двинулось вверх по Оке — на запад и через четыре дня подошло к месту, где в нее впадала река Лапсая. Предпринятое Дмитрием движение — в сторону от рязанских земель и одновременно навстречу Ягайло — имело громадное значение для общего успеха. Этим маневром Дмитрий, во-первых, достиг соединения с дружиной своего двоюродного брата, серпуховского князя Владимира Андреевича, которая в назначенный день прибыла к месту переправы через Оку. Во-вторых, московский князь дал понять Олегу Рязанскому, что не желает нападать на него. Олег, сконцентрировавший силы на правом берегу Вожи — для прикрытия Рязани, занял после этого выжидательную позицию. Наконец, движение общерусского войска поставило в тупик и взволновало Ягайло.

Дмитрий шел в его сторону! Не с ним ли ищет встречи московский князь, двинувшийся к пределам Великого княжества Литовского? Мамай еще далеко, чуть не двести верст отделяло его от русского войска. А от литовского войска до русского едва сотня наберется — три-четыре дневных перехода! Задумался Ягайло. Перспектива оказаться лицом к лицу с громадным и мощным войском его ни в коей мере не устраивала. Одно дело — идти крушить Москву сообща с бесчисленным воинством Мамаю, и совсем другое — сойтись с русскими один на один. Угрожающее движение русского ополчения деморализовало Ягайло, заставило из осторожности существенно замедлить продвижение на соединение с Мамаем и ждать, как развернутся события. В конечном итоге это привело к тому, что на Куликово поле он не успел подойти.

Проследивая движение русских ратей, не перестаешь удивляться продуманности и высокой точности этого первого этапа похода к Куликово полю. Сразу несколько целей — военных и по-

литических — были достигнуты простым трехдневным переходом армии. Подошла серпуховская дружина — умножились силы Руси. Значительно приблизилось время соединения с Ольгердовичами. Призадумался Олег Рязанский, увидевший, что в грозный для родины час Дмитрий отрешился от внутрирусских споров, хотя одним ударом мог решить судьбу Рязани. Заметался Ягайло, перед которым во весь рост встала угроза прямого столкновения с московским войском. А когда опомнился и получил известие о скором продвижении Дмитрия на юг, навстречу Мамаю, оказалось поздно.

Вот маневр! Талантливый, логичный, стремительный...

Началась последняя неделя августа. Достигнув устья Лопасни, Дмитрий приказал строить переправы. 24—25 августа русское войско перешло через Оку и устремилось на юг, навстречу Мамаю.

Последующее движение русского войска позволило Дмитрию Ивановичу держать на равном расстоянии, примерно в ста километрах, и Олега и Ягайло. Один замер на востоке, второй маневрировал на западе.

За Окой начиналось Дикое поле — так называли в те времена почти нетронутую, опасную степь, где на каждом шагу грозили нападением быстролетные, как степной ветер, ордынские отряды.

Осень еще не тронула лесов, учились летать подрастающие птенцы, созревали хлеба на полях. По широкой дороге мимо знаковых сел двигалась общерусская рать. Впереди — княжеская дружина, снаряженная в дальний поход. У каждого в обозной телеге уложен тяжелый боевой доспех, до времени ослаблена тетива на крепком луке, покоится в ножнах отточенный меч.

Впереди двигались конники, а следом, с трудом поспевая за дружиной, шла пешая рать. Здесь не слышался металлический шелест дорогих кольчуг, на каждом колечке которых мастер выбил свое клеймо, не блистала сталь заморских доспехов. Неказистый меч, выкованный сельским кузнецом, лук из орешины, срезанной на краю родной деревни, шлем из бычьей кожи, сшитый зимним вечером, да самодельный щит — вот оружие крестьянской посохи.

Шли сорокалетние бывалые мужики, вспоминали свирепые ордынские набеги, родных, убитых или увезенных в плен. Рядом легко шагали юноши на первый бой, для многих — последний. Вспоминали слышанные в детстве рассказы прадедов о разорении родной земли...

На седьмой день похода увидели ратники, как далеко на западе запылила дорога.

Скоро прискакал с далекого горизонта передовой отряд подходившего войска. Кто такие?

Оказалось — дружины братьев Ольгердовичей, Андрея и Дмитрия, набранные в брянских и псковских землях.

Подошедшие полки встроились в ряды общерусского ополчения. Еще больше растянулась по извилистым разбитым дорогам русская рать. Скрипели телеги, нагруженные доспехами и припасами. Мерным шагом шли неустойчивые кони. Тяжело ступала крестьянская посоха.

Ночами, во время привалов, когда загоралось вдоль дорог множество убегающих к горизонту костров, неслись от костра к костру и улетали в ночную непроглядную даль — к темным лесам и высоким звездам — протяжные песни. И тогда казалось, что вся русская земля,

оставив очаги, заколотив двери родных домов, двинулась в этот поход.

Никогда не собиралось на Руси такого войска!

СОВЕТ НА БЕРЕГУ ДОНА

Четвертого сентября в урочище Березае, в двадцати трех верстах от Дона, два сторожевых — Петр Горский и Карп Олексин — взяли в плен крупного ханского военачальника. Его привели к Дмитрию. Пленный показал, что татаро-монголы находятся недалеко за Доном, медленно движутся в сторону русских земель.

Медлительность врага была понятна: Мамай ждал подхода литовских войск и отрядов Олега. Те обещали явиться к первому сентября, но наступило второе, пришло третье, а союзники не подходили, и это начинало все больше злить раздражительного Мамая.

Шестого сентября русские полки вышли к Дону и двинулись по левому берегу вниз по течению.

На следующий день войско остановилось.

Седьмого сентября, после того как был разбит лагерь и воины впервые за время двухнедельного похода смогли отдохнуть, Дмитрий созвал совет. В княжеский шатер собрались предводители дружин. Пришел Владимир Серпуховский, следом за ним появились братья Ольгердовичи, опытный брянский воевода Дмитрий Боброк, князя из других русских земель, московские воеводы.

Было ясно, что гроза, которая собиралась долгие годы, должна грянуть в один из ближайших дней. Сейчас на совете Дмитрий снова вспомнил допрос сановитого «языка».

«Не спешит царь. Ожидает Ягайло Литовского и Олега Рязанского, — говорил пленный. — А о твоем войске и вести у него нет. Не ждет царь встречи против себя...»

«Не ждет царь встречи против себя!» Значит, 4 сентября, когда был взят пленник, Мамай не знал о том, что русское войско подходит к Дону. Пленный, наверное, сказал правду. Иначе он не стал бы носиться по степи с небольшим отрядом.

Вспомнил Дмитрий Иванович, как спросил пленного о силах Мамая.

«Не счесть сил его никому, — надменно ответил ордынец. — Такое множество!»

«Такое множество!» Если ждать, то сил у него будет еще больше — Ягайло совсем рядом, со дня на день должен подойти.

Что же делать сейчас? До сих пор все как будто бы совершалось правильно. Доказательство тому — огромное войско, отдыхающее на берегу Дона. Ведь никогда еще не собиралась такая могучая русская рать! Никогда не объединялось для отпора врагу столько земель и городов, никогда не был таким единодушным порыв русских людей!

Как поступать теперь, чтобы не пропало зря столь крепкое и твердое дерзание мужества тысяч воинов? Оставаться ли на левом берегу Дона, ждать, пока приблизится Мамай, и сражаться с ним на своей стороне? Или перейти Дон и заставить неприятеля вступить в сражение? Но если оно сложится неудачно, тогда прижатая к берегу русская рать будет загнана в реку и целиком уничтожена. А остаться на левом берегу — при поражении можно и отступить.

Сомнений было много. Потому Дмитрий и собрал совет, чтобы вместе с опытными воинами наметить план действий. Первыми выступили воеводы, считавшие, что лучше не переходить Дон. Им возражали порывистые Ольгердовичи: «Хочешь, князь, стойкого войска, вели перевозиться через Дон-реку!» Долго и обстоя-

тельно говорил о возможном сражении, о построении полков воевода Боброк. Сказал слово серпуховский князь, затем другие воеводы... Дмитрий вслушивался в эту разноголосицу, оценивал предложения, и все яснее становился план сражения...

Дон нужно переходить!

Этот решительный шаг укрепит боевой дух войска, никто не будет помышлять об отступлении. Но это не все. Топтаться на левом берегу, ждать врага — значит отдать инициативу Мамаю. А он перейдет Дон, во-первых, только дождавшись Ягайло, а во-вторых, навяжет Дмитрию бой на равнине, где особенно сильна и быстра ордынская конница. Между тем прямо за Доном напротив русского лагеря лежит холмистое, изрезанное оврагами Куликово поле. Со всех сторон сжато оно большими и малыми реками. Вражеская конница здесь не разгуляется и не сможет применить своего излюбленного приема — ударить по флангам и в тыл, со всех сторон охватить противника и потом изрубить окруженные полки, как уже не раз бывало.

Дон нужно переходить!

Войско построить так, чтобы края его прикрывались реками, — это не позволит неприятелю зайти сбоку. Кроме того, Дмитрий объявил на совете, что решил направить Владимира Серпуховского и Дмитрия Боброка во главе большого засадного полка в Зеленую Дубраву — большой лес, отделявший Куликово поле от Дона. В нужный момент этот полк, состоящий из самых удалых

и крепких витязей, должен вступить в бой и помочь основным силам. Войскам был дан приказ готовиться к переправе, наводить мосты, искать и проверять броды.

Когда день склонился к вечеру, в лагерь прискакал сторожевой отряд Семена Мелика. За ним гнались ордынцы, которые, вдруг увидев громадный русский лагерь, повернули коней и скрылись. Семен рассказал, что Мамай находится совсем рядом и к утру подойдет к Куликову полю. Теперь медлить было нельзя. Завтра переправа станет невозможной.

В СТАНЕ ЯГАЙЛО

Один день пути оставался войску Ягайло до Куликова поля. Но чем ближе подвигался литовский князь к месту генеральной битвы, тем больше смешанных со страхом сомнений его одолевало.

Ясно, рассуждал Ягайло, что случится, если победит Мамай: правитель ворвется в русский улус и, учинив разгром, обложит его земли непосильной данью. А что получит он, Ягайло? Жалкие объедки от кровавого ханского пира? Не этого хотелось князю. Смоленские земли, Новгород, Псков — богатые зверем и птицей, железом и солью, полные крестьян и мастеров края — вот на что он рассчитывал. Но отступится ли Мамай от огромного куска великолепного русского пирога?

Впрочем, это были не новые мысли. Гораздо больше тревожило его другое. Дмитрий Иванович, князь Московский, и его дела все чаще лезли в голову, отодвигали мысли о хитром Мамае.

Гигантскими клещами охватил Русь направленный против Москвы союз. Огромная сила! Что оставалось Дмитрию, как не упасть на колени и молить о пощаде, откупаясь от нашествия хлебом, серебром, пушшиной и изделиями русских мастеров.

Так нет же! Дмитрию и мысль об этом не пришла. Выступая в поход, Ягайло считал, что происходит такое безрассудство от небольшого ума Дмитрия Ивановича. Воин он, конечно, неплохой и доказал это. Но давно известно, что война — это не бесшабашный бой.

Прежде чем сойтись в полевом сражении, все нужно рассчитать, взвесить свои возможности и силу противника. Для этого нужен тонкий политический ум, которого Дмитрию, видно, не хватало. Себя погубит и княжество свое, которое предки с таким трудом собирали, по ветру пустит! Кто на всей земле сможет

устоять, если соединятся Мамаева конница, рыцари Ягайло, рязанская дружина и генуэзская пехота? Какие границы не затрепшат, какие города не рухнут после удара этого страшного кулака? Ягайло полагал, что, едва узнав о таком союзе, многие русские города своих дружин к Дмитрию не пошлют — испугаются.

Но совсем другие вести стали приходить от верных людей, посланных в московские пределы. Со всех концов русской земли шли к Дмитрию боевые дружины! Больше того, решительные сыновья Ольгерда, от которого принял престол Ягайло, Андрей и Дмитрий, тоже пришли к нему со своими полками. Не прост оказался князь Московский, все продумал, знал, на кого опирается. И судя по всему, силы врага тоже ему известны.

И уже в походе появилась у Ягайло третья причина беспокойства. За ржанием лошадей, звоном доспехов и скрипом обозных телег не слышно было, о чем говорили простые ратники, набранные в подвластных Ягайло русских землях. Но верные люди были у него везде, а в этих полках — тем более. Сообщения о глухом брожении в войске беспокоили с каждым днем все больше.

А вдруг? Вдруг произойдет такое, о чем и думать не хотелось, хотя упорно твердили об этом доносчики. Слишком много в войске сторонников Дмитрия и Андрея Ольгердовичей. Слишком много русских, которые вынуждены шагать в полках Ягайло, но победы желают Дмитрию Московскому. А вдруг? Вдруг на поле боя повернутся копыя, стрелы полетят в другую сторону и не тех, кого нужно, начнут разить длинные прямые мечи? И в один миг Ягайло превратится из главнокомандующего огромным войском в бойца-одиночку, который будет смят собственной ратью, перешедшей на сторону Дмитрия.

Может, пока не поздно, изменить планы?

Пусть схлестнутся две гигантские волны — русская и ордынская — и в скрежете невиданной битвы погасят друг друга. Победит Мамай, и Ягайло со свежим войском добьет Москву и возьмет себе все, что пожелает, несмотря на возражения Мамаю.

Ну, а если победит Дмитрий, хотя в это плохо верится? Что ж, тогда у Ягайло останется его главный козырь — армия и он продиктует обескровленной Москве свои условия.

Такие мысли бродили в голове Ягайло во время похода. 8 сентября — в день сражения — утренняя заря застала его войско в тридцати верстах от Куликова поля.

Разные мнения высказывают на этот счет историки. Одни говорят, что Ягайло просто не успел к месту битвы, хотя и спешил. Другие утверждают, что он не хотел успевать.

ПЕРЕПРАВА

Ранним утром, когда еще не рассеялась мгла и только первые проблески рассвета появились в туманном воздухе, боевые трубы возвестили о начале переправы. По мостам и бродам московское войско начало переходить через Дон. Все шло организованно и быстро, каждый воин шел со своим отрядом, под своим стягом.

Перешедшие на правый берег дружины строились в полки. Полки занимали места, определенные на вчерашнем совете. Ушел в Зеленую Дубраву засадный полк. Полк правой руки встал у крутого берега реки Нижний Дубяк. В центре войска строился большой полк, перед ним занимал свои позиции передовой. На левом фланге укрепился полк левой руки, прикрытый рекой Смолкой. В тылу войска сосредоточился небольшой резерв под командой Дмитрия Ольгердовича.

Когда отряды были расставлены, Дмитрий вместе с воеводами объехал войско. На правом фланге блистала доспехами кованая рать Андрея Ольгердовича. У многих всадников были тяжелые копья, предназначенные для таранного удара во встречном бою. Пехотинцы вооружились мощными рогатинами — оружием первого сосупа в любом сражении. У ополченцев-крестьян были сулицы — небольшие копья, удобные в рукопашной схватке, годные для метания в наступающего врага. В крепких руках многих воинов видел Дмитрий боевые топоры: у знатных — дорогие секиры-чеканы, отделанные серебром, у простых ратников — обыкновенные, с клиновидным лезвием. В северных полках преобладали длинные прямые мечи с рукоятью в полторы, а то и в две руки. Много было и сабель. Еще больше булав, кистеней, шестоперов, простых дубин с железными нашлапками — ослопов.

Тела воинов защищали кольчуги или сложные доспехи — «бехтерцы». Это «дошчатые», то есть собранные из похожих на дощечки металлических пластин, брони блистали как серебро. Правда, и самый крепкий доспех не спасал воина от прямого удара копья или меча. Только надежный щит мог его отразить или отвести в сторону. Щитов было много, и самых разных. Попадались круглые, как в древние времена Святослава. В дружине Ольгердовичей больше всего было треугольных двускатных щитов — по их скатам соскальзывали вражеские копья и сабли. В московских и ярославских дружинах преобладали большие щиты, закрывавшие воина от шеи до колен. Такой щит можно было выставить против копья во время сшибки, он закрывал лицо и плечи от сабли, спасал от стрел, останавливал удары шестоперов.

Но дорогие кованые брони, шлемы с наносниками и наушами, прикрывавшие шею кольчужные бармицы, крепкие топоры-булавы, стальные мечи, купленные у европейских купцов и искусных московских ремесленников, умные боевые лошади — все это было лишь у знатных воинов. А главной силой выстроившегося войска была неисчислимая крестьянская посоха — ратники, набранные в деревнях, от сохи по человеку. Грубые толстые рубахи, самодельные щиты, кожаные шапки — вот все, что их защищало. Крепкое простое копье, топор, кистень или прочная дубина были их оружием. Но именно на крутые плечи посохи должна была упасть основная тяжесть страшной битвы.

Дмитрий ехал вдоль войска, растянувшегося на несколько верст, слушал тяжелый гул. Когда всадники въехали на небольшой холм, войско показалось им огромным, протянувшимся до горизонта морем, по которому шли, словно от сильного ветра, тяжелые волны. От непрерывного движения гудела земля, шумело множество знамен, слышалось конское ржание, звон доспехов...

Объехав все отряды, Дмитрий прискакал к передовому полку. Здесь он сошел с коня, снял золоченый великокняжеский доспех. Любимый боярин князя Михаил Бренк надел доспехи Дмитрия, сел на коня и встал под великокняжеским знаменем. Все произошло на глазах у тысяч воинов, и скоро весть эта, передаваемая из уст в уста, стала известна во всех концах громадного войска. И когда позднее в ходе сражения фряжское копье пробilo золоченый доспех и убитый Бренк рухнул с коня, когда, пробившись к знамени великого князя, ордынцы подрубили его и оно, упав, скрылось в шквале бушующей битвы, это не вызвало смуты и отчаяния у воинов: все знали, что одетый в простой и крепкий доспех Дмитрий сражается в большом полку, а под великокняжеским стягом сражается один из его бояр.

Дмитрий сел на боевого коня, ему подали копье и железную палицу. Несколько князей, с которыми он объезжал полки, подъехали к Дмитрию, стали уговаривать его не вставать впереди войска. Лучше встать в стороне, наблюдать за боем, отдавать нужные распоряжения.

«Княже! — сказал один из них. — Не становись впереди, не стань сзади, или на крыле, или где-нибудь в другом месте...» — «Да как я скажу: «Братья, станем крепко на врага!» — а сам стану сзади и лицо свое скрою?» — спросил великий князь. — Не могу я так сделать, чтобы таиться и скрыть себя, но хочу как словом, так и делом прежде всех начать...»

Как ни пытались убедить его, он остался непреклонен.

Теперь все было готово к сражению.

Из-за Дона окнами темных изб смотрела на выстроенные полки русская земля. Замерли белые города, смолк колокольный звон. Не кричали в торговых рядах купцы-зазывалы, молча сидели у домов старики, и дети бросили игры.

Что там, за Доном?

Прилетит ли оттуда белым облаком победная весть, или, как полтора века назад, новой бурей, сметая села и города, обрушится на русские земли ордынская облава?

Взошло солнце, рассеяло покрывавший землю мгlistый туман и осветило Куликово поле.

СРАЖЕНИЕ

Со стороны Красного холма сплошной лавиной шло ордынское войско. В центре его сосредоточилось огромное количество пехоты, набранной в зависимых от Золотой орды землях: ясы, бесермены, фряги, бургасы... Впереди войска — большое конное формирование, предназначенное для первого, дезорганизующего ряды противника удара. А по бокам — две конные тучи — лучшие тумены Мамаю.

Намерения неприятеля ясно выступали из такого построения. Вязкая масса пехоты должна связать мощный центр русских — большой полк. А затем ханская конница, сломав фланги Дмитриевой рати — полки левой и правой руки, окружит этот пыльный кровавый клубок и упьется победой.

Вдалеке за войском, на Красном холме, торчал огромный ханский шатер. Здесь расположилась ставка Мамаю, отсюда он намеревался командовать сражением.

Мамаю не надевал доспехов и не проверял, отточена ли сабля. Ордынские ханы никогда не участвовали в битвах, а выбирали высокое место у поля, чтобы видеть, как развивается сражение, когда бросить в бой свежие тумены, где ослабить натиск, а где удесятить его. Эта черта — управление боем на всем его протяжении — выгодно отличала татаро-монгольскую военную тактику от европейской.

Впереди дружин неслись в бой русские князья.

Взгромоздившись на коней, устремлялись навстречу противнику бронированные по макушку западно-европейские короли.

Отчаянно бились мечами магистры и гроссмейстеры католических орденов. А ханы смотрели на битвы с высоких холмов, высчитывали, когда зажечь сигнальный костер, черный дым которого заставлял устремляться в сражение новые толпы воинов, или дать сигнал трубачу — и наблюдать, как, услышав дикий рев боевой трубы, совершает нужный маневр, вплетается в канву четкого плана послушный тумен.

Поле с Красного холма — как на ладони. Место, полагал Мамай, было не очень удачным. Посреди болота, везде овраги и овражки, островки кустов. С трех сторон реки, большие и малые... Смотрел Мамай на место будущей битвы и злился на строптивого улусника, на Дмитрия. Уж коль задумал драться, так хоть место выбери подходящее! Ну да ладно. Будет твоё войско лаптями в болоте чавкать, гнилую воду кровью разбавлять. Построятся русские, конечно, как обычно. Главную силу в центр собьют — большой полк называется. С боков к этой толпе две поменьше приставят — левая рука да правая рука. Вот и вся недолга. Как крушить такие порядки, хану хорошо известно. Пехотным топором врубиться в большой полк, а отборной конницей ударить по крыльям — и по левому и по правому. Какое затрешит, — срочно туда подмогу из свежего резерва. Быстро доломать, прорвать и окружить неверных. А там — пиши, Дмитрий, как русские говорят, пропало! Обойдутся ордынцы без помощников — без Ягайло трусливого и без рязанского Олега. Добыча и слава любят быстрых, а кто не успел, тот ещё и сам приплатит хану.

Когда, сблизившись на расстояние полета стрелы, армии остановились, из вражеского войска выехал огромного роста всадник и проскакал по широкому коридору вдоль русского войска. Он вызывал себе противника. По тому, как ордынец держался на коне, как хорошо был вооружен, было видно, что это умелый полевой боец, взявший верх во многих схватках. Ордынец осадил лошадь, остановился, уверенно взмахнул копьём, приглашая на поединок возможного соперника и одновременно угрожая ему.

И тогда тронул своего коня и выехал из передового полка на встречу ордынскому поединщику Александр Пересвет.

Немногое известно об этом герое Куликовской битвы. Пересвет происходил из знатного брянского рода. В молодости отличался удалью и отвагой, хорошо владел мечом, крепко держался в седле. Одно из сказаний говорит, что он «в ратные времена, как великий наездник, двести человек гнал», когда сражался.

Потом ушел в монастырь. Причины такого поворота в его судьбе неизвестны. Но толстые стены Троице-Сергиева мона-

стыря не отделили Пересвета от судьбы народа. И когда пришел грозный час, он не стал, подобно остальной монастырской братии, усердно класть земные поклоны, вести долгие службы, прося господу ниспослать победу своим и поражение неприятелю. Пересвет выбрал в монастырских конюшнях крепкого коня, раздобыл вооружение и вместе с верным другом Ослябей-монахом присоединился к московскому войску. Военного искусства он не забыл, и руки, хотя и немолодые, все еще были крепкими. Основатель монастыря, старец Сергей Радонежский, благословил его у ворот.

Пересвет не надел перед боем доспехов и сейчас, держа в руке тяжелое копье, выехал навстречу татарину одетый в черную, расшитую красными крестами мантию и островерхую монашескую шапку-куколь.

Ордынец заметил, что вызов его принят, развернулся и, выставив копье, подхлестнул коня.

Покрепче перехватив свое оружие, ринулся ему навстречу Пересвет.

Замерли оба войска. Слушали топот коней, смотрели, как, привстав в стременах, неудержимо сближаются, начинают битву два человека.

Всадники сшиблись, и столкновение было настолько яростным, что не помогли ни щиты, ни доспехи. Пробив друг друга копьями, оба замертво упали с коней. Конец неистовой схватки Пересвета с Темир-Мурзой явился сигналом к началу сражения.

Сразу вслед за этим содрогнулась земля от топота тысяч боевых коней. Шелест пробежал по деревьям ближних и дальних рощ — так заревели боевые трубы. Мгновенно сузившись, исчезла полоса, разделявшая войска.

Сошлись!

Дадим слово современнику-летописцу:

«Вступились обе силы великие на бой, и была брань и сеча зла зело, и лилась кровь, как вода, и пало мертвых бесчисленно от обеих сил, от татарской и русской. Всюду мертвые лежали, и не могли кони ступать по мертвым. Не только от оружия умирали, но и под конскими копытами, от великой тесноты задыхались, потому что не могло вместить поле Куликово такое множество».

Первым съехался с золотоордынцами передовой полк во главе с Семеном Оболенским и Иваном Тарусским. Около часа бился он с врагом, пока не полегли все до единого человека, смертью доказав, что недаром славилась воины «сторожи» как самые мужественные бойцы.

После этого мощным клином врубилась в оглушенный нале-

том ордынской конницы русский центр наемная пехота. В первом соступе с ней, изрядно затупив этот клин, полегли, где стояли, не сойдя с позиций, передовые отряды большого полка. Положение в центре на какое-то время стало критическим. Пешая рать большого полка уже лежала скошенным сеном. Сокрушив первые ряды, татары вступили в бой с владимирскими, суздальскими и московскими дружинами. И здесь их страшный натиск был остановлен. Выдержал большой полк! Несколько раз пробивались ордынцы к великокняжескому стягу, не раз исчезал он в волнах разбушевавшейся битвы. В одной из схваток пал сражавшийся под ним Михаил Бренк. Но вновь и вновь знамя появлялось над войском, возникало как символ несломленной стойкости.

На правом фланге дело обстояло лучше. Полк Андрея Ольгердовича стоял крепко, отразив все атаки. Больше того — Андрей мог сам перейти в наступление и смять наседавшую конницу, но не делал этого, учитывая общую обстановку. Продвижение вперед могло оголить стык между большим и правым полками. И в этом случае, если бы последовал удар в стык между полками, русское войско могло оказаться расчлененным, а тактический успех полка правой руки обернулся бы общим поражением.

Один за другим на разных участках врубались в битву ханские тумены — искали уязвимое место в многоверстном фронте русских войск.

И нашли.

Дрогнула пешая рать, составлявшая полк левой руки!

Едва уловив это, Мамай стал посылать сюда отряд за отрядом. Дмитрий Ольгердович со своим полком пытался подпереть начавшие отход к Непрядве дружины. Не помогло! Не принесли успеха и перестроения, предпринятые воеводами полка левой руки Василем Ярославским и Федором Моложским.

Ханская ставка бросала на левый фланг последние резервы. Ордынская конница навалилась на русских, и скоро весь фронт на этом участке стал прогибаться, как гигантская стальная пластина.

Вот-вот она не выдержит напряжения и сломается!

То-то радовался Мамай!

Много раз, бросив орду в сражение, упивался он кровавым торжеством победы. Но нынешнее чувство было ни с чем не сравнимо. Грандиозная, какой не видывало средневековые, битва во-рочалась на Куликовом поле, гудела слитным гулом, звенела слитным звоном, ревела единым хором. Никогда не было таких битв, а значит, никто не одерживал таких великих побед!

И на момент почудилось Мамаю, что два солнца сияют над полем, ближними лесами и недалёкими реками. Одно меркло и опускалось, а второе, разгораясь, устремлялось к зениту. Блекла и падала к горизонту древняя легендарная слава Чингиса и Батая, и все ярче разгоралась, по мере того как гибло и теряло боевой порядок русское войско, слава нового повелителя Вселенной. Его, Мамаева слава!

Уже не имело значения то, что выдержал удар и выровнял положение в центре большой полк русских. Неважно было и то, что крепко стояла на правом фланге кованая рать Ольгердовичей. Ещё одно усилие — и, сокрушив левый фланг, неудержимая лавина выйдет в тыл Дмитриеву войску. И тогда...

Полной и великой будет победа. Имя Мамая потомки поставят рядом с именами Чингиса и Батая!

Щурил глаза на Красном холме золотоордынский правитель. Слышал за ревом битвы, как трещит мощный скелет русского войска, радовался и предвкушал.

А в Зеленой Дубраве горевал Владимир Андреевич.

Не мог смотреть Владимир Андреевич, как, продвигаясь вперед, устилает поле телами русских конный ордынский таран.

«Какая польза в стоянии нашем?! — кричал он Боброку. — Какой будет у нас успех? Кому будем пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны жестоко погибают... Как трава клонятся».

Сердце Боброка тоже было там, где кончалась в последних отчаянных схватках жизнь сотен и тысяч его товарищей. Но не сердце выбрал он советчиком, а долгий свой, горький военный опыт.

«Беда, князь, велика, — отвечал он Владимиру, — но еще не пришел наш час: начинающий не вовремя получает для себя вред... Потерпим немного до подходящего времени и в тот час воздадим своим противникам».

Роптала дружина в Зеленой Дубраве, видя на поле поражение. Ропот сливался с шумом столетних деревьев. Самые горячие уже готовы были, послушавшись приказа, пришпорить коней и устремиться в битву — если не победить, то погибнуть вместе со всеми.

Но запрет волынца был неколебим.

«Подождите немного, — останавливал он воинов, — будет ваше время».

И только спустя примерно час после того, как дрогнул и стал отходить, а затем почти побежал сломанный и разрозненный полк левой руки и увлеченное кажушейся победой татарское войско по-

вернулось флангом к Зеленой Дубраве, когда наконец истомились сердца воинов, раздался боевой клич воеводы Боброка: «Князь Владимир, наше время пришло и час подходящий пришел!»

Словно каленая стрела из натянутого до мыслимого предела лука вылетел на Куликово поле засадный полк. Удар из Зеленой Дубравы был ошеломляющим и роковым. Он пришелся во фланг и тыл победно наступавшему ордынскому войску.

Что-либо предпринять в стремительно изменившейся обстановке, перестроиться и противодействовать фланговому удару ордынцы уже не смогли. Не было ни резервов, ни, главное, времени.

Смятая конница заматалась в тисках между белозерцами и витязями Боброка, пыталась вырваться, но наткнулась на боевые порядки большого полка. Вслед за этим паника, как огонь по соломенной крыше, перекинулась на сражавшихся в центре наемников. Победный монолит ордынского войска зазмеился паническими трещинами и стал рассыпаться на глазах.

Увидев такой поворот, двинулась вперед рать Ольгердовичей, сокрушая второй фланг ордынского войска. Некоторое время по инерции еще длился встречный бой, но скоро отступление врага превратилось в бегство. Конники, пытаясь спастись, давили хватавшихся за стремена друзей-наемников, натыкались на их длинные копья, а сзади на эту беспорядочную, пришедшую в ужас массу Мамаева воинства накатывался сокрушающий вал.

Скоро после вступления в битву засадного полка Мамай понял, что воздвигнутый им в мечтах дворец славы и величия никогда не будет построен. С небольшой группой телохранителей и ближайших приспешников, бросив шатер и обоз с награбленным добром, на свежих лошадях ринулся несостоявшийся победитель с Красного холма, подальше от злосчастного Куликова поля.

«ИЗОЧТИТЕ, БРАТЬЯ, СКОЛЬКО ОСТАЛОСЬ ВСЕХ НАС!...»

На закате солнца, когда длинные траурные тени легли на Куликово поле, Владимир Андреевич встал под великокняжеским стягом и приказал трубить сбор.

С разных сторон стали сходитья воины на звуки боевой трубы. Один за другим возвращались большие и маленькие отряды, преследовавшие разбитого врага. Пришли, собрав свой поредевший полк, Ольгердовичи. Сходились к Владимиру уцелевшие воеводы.

Прошел час. Звякало в сумерках затупившееся, избитое оружие. Устало ржали лошади. Загорались многочисленные костры, у которых перевязывали раненых, прикладывали к ранам целебные травы.

Все больше беспокоился Владимир: не было Дмитрия. Разослал гонцов по полкам. Гонцы вернулись — князя нигде нет! Сам вскочил на коня, поскакал от полка к полку, от костра к костру, задавая один вопрос: «Кто видел или кто слышал вождя нашего и начальника?»

Разное рассказывали те, к кому он обращался. Один из бойцов сказал, что видел князя в седьмом часу крепко бьющимся палицей. Другой сообщил, что видел Дмитрия позже этого времени, когда великий князь сражался с четырьмя напавшими на него ордынцами. Подъехал Степан Новосильский и сказал Владимиру: «Я видел его перед самым твоим нападением идущего пешим с побоища, тяжело раненным. Но я не мог ему помочь, потому что преследовали меня три татарина...»

Время шло, и скоро почти все уцелевшие собрались, лишь одиночки подъезжали еще на свет костров.

Дмитрия не было.

Тогда Владимир Андреевич приказал искать его среди убитых.

Рассыпались воины по великому, страшному и грозному побоищу. Скоро кликнули Владимира: нашли! Прискакал он — лежит на земле убитый воин в иссеченном великокняжеском доспехе. Владимир узнал в нем любимца Дмитрия Михаила Бренка, которому перед битвой передал свой доспех великий князь. Скоро позвали в другое место. И снова ошибка. Здесь лежал очень похожий на Дмитрия белозерский князь Федор Семенович.

Вместе со всеми участвовали в поисках два костромича — Федор Сабур и Григорий Холопищев. Обыскав окраину поля, они уклонились вправо, в дубраву и здесь неожиданно наткнулись на Дмитрия Ивановича. Князь лежал без памяти под сломанным деревом, в помятых, изрубленных доспехах. Сабур поскакал сообщить об этом, и скоро подоспел Владимир со многими князьями, воеводами и простыми воинами.

Дмитрий пришел в себя и спросил: «Скажите мне, как теперь?»

«Враги наши побеждены!» — ответил Владимир и рассказал князю об исходе битвы.

Дмитрий встал, ему подвели коня, и вместе с князьями и воеводами двинулся он по Куликову полю.

Ломаные копья, куски закаленных клинков, зазубренные топоры, сорванные подковы, затупившиеся рогатины, конская упряжь, стрелы, наручи, ослопы, секиры, кистени, поножи, сабли, шестоперы, панцири, чеканы, бармицы, кинжалы, сулицы, шпоры, русские шлемы, ордынские шапки, черные колпаки наемников...

Все иссечено, помято, окровавлено. И среди военного металла, на изрытой, напитанной кровью земле, на бурой траве — невероятное число убитых.

Проехали немного и остановились. Рядом друг с другом, сжимая в руках оружие, лежали несколько белозерских князей. Вместе бились, один умирал за другого. Потом кто-то указал Дмитрию место, где пал Михаил Бренк. Князь подъехал, склонил голову над убитым другом. Недалеко от Бренка лежал стойкий страж, отчаянной смелости разведчик Семен Мелик. Здесь же — воевода Тимофей Валуевич.

Проехали дальше, туда, где лежал, раскидав полы черного монашеского одеяния, начавший битву Александр Пересвет.

Рядом громоздился сраженный им в поединке ордынец. Дмитрий глянул на врага — от такого многие испили бы смертную чашу.

Князь ехал по полю и многих узнавал среди убитых. Федор Белозерский, а рядом Иван, сын его... Знаменитый богатырь Григорий Капустин. Князь Дмитрий Монастырев, Андрей Серкизов, Лев Мозырев, Михаил Акинфович... Бесстрашные бойцы, верные соратники многих битв.

Ночь накрывала поле крупнейшей битвы средневековья. Огромными светляками плавали над полем факелы — это продолжали искать раненых уцелевшие бойцы.

Объехав поле, Дмитрий остановился у стяга и приказал: «Считайте, братья, скольких воевод и скольких служилых людей нет!» Через некоторое время искусный в счете московский боярин Михаил Александрович доложил князю: «Нет у нас, государь, сорока бояринов московских, да двенадцати князей белозерских, двадцати бояринов коломенских, сорока бояринов владимирских, пятидесяти бояринов суздальских, сорока бояринов муромских, двадцати трех бояринов дмитриевских, шестидесяти бояринов можайских, тридцати бояринов звенигородских, семидесяти бояринов ярославских, ста бояринов нижегородских, ста четырнадцать бояринов тверских. А убито, государь, от безбожного Мамая двести тысяч без четырех человек!»

Число погибших в сказании преувеличено. Но потери были огромными — несколько десятков тысяч русских воинов полегло на Куликовом поле. Восемь дней стояло войско у Дона — «на костях» — хоронили павших в братских могилах.

После этой битвы прозвал народ Дмитрия Донским.

А Владимира Андреевича — Храбрым.

Огромно и неопределимо значение Куликовской битвы. Исход затяжной Мамаевой войны был решен одним сражением, до основания потрясшим Орду. В ходе «Мамаева побоища» было разгромлено стотысячное войско завоевателей. Ни до этой битвы, ни после нее не было на полях средневекового мира таких схваток. Спустя много столетий историки называли Куликовское сражение генеральной битвой средневековья. Это был первый удар — удар страшной силы, нанесенный Русью поработителям. И хотя от полного освобождения страну отделяло еще целое столетие тяжелейшей борьбы и уже вызревала в недрах Орды злоба нового хана — Тохтамыша, никогда отношения Руси и Золотой орды не были такими, как до Куликовской битвы. Москва навсегда и бесповоротно изменила эти отношения.

Мгновенно развалился и антирусский союз. Получив известие об исходе битвы, без промедления повернуло коней и «побежало назад с великой скоростью» войско Ягайло. Олег Рязанский, узнав о разгроме Мамаева, заметался на своих землях, словно в горящем доме. Оставив пешее ополчение, бросив незащищенную столицу княжества, правитель устремился на литовский рубеж, чтобы в случае чего укрыться от московского гнева в литовских владениях. «Хочу здесь ждать вести, — говорил Олег, — как князь великий пройдет мою землю и придет в свою отчину. И тогда я возвращусь». Но возвратился он не скоро, так как Дмитрий посадил в Рязани своих наместников.

Слава о русской победе разнеслась по всему миру. О ней услышали в Риме и Крыму, в византийском Константинополе и в болгарской столице Тырнове, в польских, чешских и германских землях. От купцов и путешественников узнавала Европа о подробностях самого «страшного сражения, какое только известно было на памяти людей».

Но никто не осознавал значения произошедшего так глубоко, как сам русский народ. Великой ценой, огромными потерями заплатил он за свою победу. Ликование и горе соседствовали в сердцах людей. «Была на Руси радость великая, но печаль еще оставалась об убитых Мамаем на Дону князьях и боярах и воеводах и многом воинстве.

Оскудела вся земля Русская воеводами и воинами...»

Давно уже отжив свой век, упали и истлели дубы Зеленой Дубравы, но уже шесть веков живет в сердце народа нетленная память о героях, ставивших свободу родины выше жизни.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

Остатки разгромленного войска разными путями стекались в Орду, шли в Сарай, где пуще прежнего ярился прискакавший первым Мамай. Уцелевшим темникам был дан приказ — набирать тумены и снова готовиться к походу на Русь — брать немедленный реванш за тяжелое и позорное поражение.

Однако новой авантюре не суждено было осуществиться. Скоро узнал Мамай, что на него двинулся предводитель Белой орды Тохтамыш. Пришлось думать не о разгроме Руси, а о собственном спасении.

Снова, как семь лет назад, все закачалось в Орде. Ханский трон шатался, словно стоял на полированных костяных шарах, — того и гляди вытряхнут Мамай из дворца. Тогда, в 1373 году, ему удалось совладать со своими противниками. Но теперь их стало гораздо больше. Слишком много недовольных появилось после рокового сентябрьского дня! Всюду вопили они о позоре Мамай. А верные тумены, которые были сейчас очень нужны, погибли у Дона.

Ох Куликово поле, Куликово поле!

Наспех собранные войска были двинуты навстречу новому претенденту на золотоордынский престол. Противники встретились на реке Калке, той самой, где 157 лет назад в первый раз

разгромила Орда русские рати. Мамай готовился к сражению, но произошло неожиданное. Почти все его «верные» сподвижники, сговорившись, ускакали в лагерь Тохтамыша, где, едва сойдя с коней, присягнули ему на верность. Войско Мамаю стало таять, как утренний туман под лучами солнца, и скоро превратилось в кучу испуганных, растерявшихся приспешников. Мамаевой армии не стало, а сила Тохтамыша удвоилась.

Выход был один — бежать!

И Мамай побежал, да так быстро, что спустя несколько дней достиг Кафы.

Разбитый Тохтамышем, проклятый теми, кому он принес поражение, преданный ближайшими мурзами, тайком проник в купеческий город вчерашний властелин половины Вселенной.

В голове его еще продолжали возникать фантастические планы мести всему миру. Тохтамышу — за свержение, Дмитрию — за разгром, Кафе — за презрение, каким она его встретила, Ягайло — за трусливое предательство... Ему, навсегда уже сброшенному с политической сцены в пыльный вонючий переулок приморского города, все еще казалось, что возможен и близок какой-то невероятный поворот судьбы — и вновь станет Мамай гребнем Великой Ордынской Волны. И он искренне не понимал, почему не спешат к нему со своим серебром генуэзские купцы, почему те, кто вчера был счастлив, если ловил его случайный взгляд, сегодня не внемлют его мольбам, почему рычаги, с помощью которых он вчера заставлял двигаться целые народы, превратились в тонкие никчемные прутья...

Мамай так и не успел до конца прочувствовать свое новое положение, вжиться в новую — до конца дней — роль свергнутого и оставленного всеми господина. Темной южной ночью ищейки Тохтамыша выследили и убили свергнутого правителя. Горькой издевательской насмешкой оказалась для Мамаю случайно прочитанная при въезде надпись на воротах гостеприимного купеческого города: «Будьте здоровы и пребывайте с богом, гости Кафы!»

НОВЫЙ ХАН

Новый хан Золотой орды быстро понял, каких огромных доходов лишает его восставший против ига русский улус. Едва справившись с Мамаем, Тохтамыш стал думать, как восстановить ордынское владычество над Русью.

Потрясенная Куликовской битвой Орда была не способна на немедленное военное вторжение, и ханская ставка решила превратить проблему подчинения Руси из военной в дипломатическую. Сразу после разгрома Мамая по белесым осенним степям устремилось на север, в русские земли, Тохтамышеве посольство.

Положение Москвы в это время было исключительно сложным, на чем, собственно, и строился расчет ордынских дипломатов. Обескровленный гигантским сражением русский край нуждался в мирной передышке. А ее не получалось! Пуще прежнего зарился на западные русские земли Ягайло. Пользуясь военным ослаблением Москвы — почти вся Дмитриева дружина полегла на Дону, — открыто претендовал на великокняжеский престол давний соперник московского князя тверской князь Михаил.

Дмитрий Иванович понимал: главное сейчас в отношениях с Ордой — это попытаться закрепить достигнутое, причем не оружием, а с помощью переговоров, которые можно было тянуть бесконечно, собирая силы для нового удара.

Он принял посольство с почетом, приказал казначеям не скупиться на подарки для ханских вельмож.

Как ни кажется это странным, но речи свои послы начали с благодарностей. Новый хан благодарил Дмитрия за то, что он разгромил на Дону беззаконного темника Мамая, силой захватившего власть в Орде. Теперь же, когда справедливость восторжествовала и трон по праву занял великий Тохтамыш, все должно вернуться на свои места. Пусть русский улус начнет исправно платить «выход» хану — и тогда благосклонная милость Тохтамыша осенит русские земли, защитит их от врагов, даст мир и покой.

Московские дипломаты в ответ много говорили об уважении к новому восточному царю, о том, что принять его посольство — большая честь для Руси.

Тешили послов богатыми подарками, не скупились на дорогие безделушки и приговаривали, что Тохтамышу-царю тоже готовятся великолепные дары. Много было в речах красивых слов, но не было того, за чем приехали татаро-монголы, не было выражения покорности и готовности возобновить выплату дани.

Провожали послов с честью, передав телегу подарков Тохтамышу. Но что значил этот жалкий воз в сравнении с сокровищами, которые ежегодно в течение полутора веков тянула из Руси Золотая орда!

Попытка подчинить Русь с помощью дипломатического нажима с треском провалилась. Тохтамыш стал готовиться к походу.

Из дальних кочевий подтягивались военные силы, пополняя побитые на Дону тумены. Велась тщательная разведка — ордынцы выясняли, какие княжества поддерживают Москву в данный момент, кто придет ей на помощь в случае нашествия. Вновь призван был сослужить черную службу Олег Рязанский. Всячески поощрялись антирусские выступления Ягайло.

Прошел год, и летом 1382 года Тохтамыш открыл военные действия.

Собранные им силы форсировали Волгу и широким фронтом двинулись на Русь. На границе рязанских земель встретил хана князь Олег и вызвался сопровождать его на Москву, причем направил ордынцев окраинами рязанских земель, чтобы сберечь свое княжество от разбоев и грабежей. Доведя врагов до Оки, он услужливо показал им броды для скорейшей переправы.

Скоро Москва получила первую весть о нашествии. Вновь, как два года назад, Дмитрий бросил клич по всем княжествам: «Подымайся, Русь, на борьбу!»

Но результат на этот раз был печален. Мощным всплеском дали знать о себе законы и традиции феодальной раздробленности. Словно забыли те, кто два года назад стоял на Куликовом поле, что только в единстве сила Руси, только оно может освободить страну. Не пришли подручные рати, а одной московской дружине в полевом сражении немыслимо было справиться с силами всей Орды.

И Дмитрий Донской, с горечью «уразумев в князьях и боярах своих распрю», принял единственно верное решение — отступить на север и, может быть, там собрать войско для отпора. Оставив столицу, он с небольшой дружиной отошел в Кострому.

Каменная Москва сдаваться хану не думала. Правда, на первых порах нашлись паникеры, предлагавшие горожанам, бросив город, разбежаться по лесам. Но паника была решительно прекращена, видимо участниками Куликовской битвы. Они «во всех городских воротах с обнаженным оружием встали... не пуская никого уйти из города».

«Не устрасимся нахождения татарского, — говорили эти мужественные люди, — потому что имеем град каменный и ворота железные. Не станут татары стоять под городом нашим долго, потому что боятся нас из города, а извне князей наших боятся».

Столица готовилась к осаде.

Запылали подожженные по приказу руководителя обороны князя Остеем окружающие крепость деревянные посадки — и скоро вокруг города образовалось открытое, засыпанное пеплом и

уголем пространство, на котором захватчикам негде было укрыться от стрел.

День и ночь слышался из московских кузниц дробный перестук молотков — спешно ковалось оружие для горожан и многочисленных беженцев, которых столица приняла за свои стены. Из окрестных деревень свозилось продовольствие, создавались запасы на случай длительной осады.

В полдень 23 августа к стенам Москвы подошли передовые отряды, а затем прихлынуло и все ордынское войско.

«Есть ли князь Дмитрий во граде?» — кричали, став под стенами, конники.

«Нет», — отвечали со стен.

На предложение сдаться Тохтамыш получил твердый отказ и 24 августа приступил к осаде.

И тут как гром среди ясного неба обрушился на ордынцев грохот пушек с московских стен. Сами по себе пушки не были диковинкой для ордынцев. Но потрясающей новостью было их присутствие на московских крепостных башнях. Впервые применила Русь знаменитый огненный бой.

«Фанг!» — громко бухала пушка.

«Ту-у-у» — гудело каменное ядро. «Фанг!» — грохотала соседняя.

Воодушевлявший защитников огнестрельный грохот разносился по городу и окрестным равнинам, пугая ордынских всадников.

Закупленные у черноморских купцов пушки-туфанги через тысячи километров были тайно доставлены в Москву и установлены на стенах Кремля.

Освоив новую боевую технику, неизвестные русские весельчаки пушкари окрестили длинные, словно слоновьи хоботы, орудия «тюфяками», на свой лад переделав турецкое название «туфанг». Так и пошло — «тюфяк» да «тюфяк».

Еще одной новинкой для ордынцев стали дальнобойные самострелы москвичей. В первый же день осады московский сукольник Адам с высокой крепостной стены «пустил стрелу из самострела и убил некоего из князей ордынских сына, нарочитого и славного, и великую печаль причинил Тохтамышу-царю».

Решимость москвичей, совершенная по тем временам боевая техника и крепостные сооружения позволили им успешно отбить два первых приступа ордынцев. Лобовой военный штурм провалился, и на первый план вновь вышла изощренная ордынская дипломатия.

«Хан вас хочет жаловать, — лицемерно заявили ордынцы москвичам, — не на вас пришел хан, а на князя Дмитрия. Ничего не требует от вас хан, только встретьте его с честью и легкими дарами, а вам всем мир и любовь!»

Трудно сказать почему, но москвичи поверили этим уверениям. Московское посольство во главе с Остеем открыло ворота и вышло к Тохтамышу с дарами. Прямо у стен города этот храбрый князь был убит. Изрубив посольство, враги ворвались в город. К семи часам вечера 26 августа он был полностью захвачен. Начались грабежи и избиения жителей. Москва запылала. Двенадцать тысяч человек погибли на залитых кровью улицах.

Вскоре, получив известия о возможном подходе Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского, Тохтамыш покинул Москву и, взяв по дороге несколько русских городов, отошел к Оке. Затем хан по тем самым бродам, которые указал ему Олег, перешел Оку и оказался в рязанских пределах. По приказу Тохтамыша вся Рязанская земля была пройдена широкой облавой, сожжена и разграблена. Олег бежал. Вновь не спасло его предательство.

Осенью вернулся в родной город великий князь. Лежала перед Дмитрием обугленная белокаменная Москва, выжженное Тохтамышем сердце Руси. Вновь сгустился над Русью мрак ненавистного ига. Вернулась на время изнурительная и позорная зависимость, тяжелая ордынская дань.

Шло время, изменявшее лицо мира. Одна за другой присоединялись к Москве русские земли.

Вскоре после Куликовской битвы перешло «под государскую руку» великого князя Нижегородское княжество. Через двадцать лет присоединились к Москве Муромское княжество и Мещерская земля. Затем подчинились столице князья елецкие, козельские и пронские. А там пришел черед и Можайского удельного княжества. В 1463 году было включено в состав московских владений Ярославское княжество. В 1474 году — Ростовское. Прошло еще три года — и под власть великого князя перешел Господин Великий Новгород — богатейшая феодальная республика, владения которой обнимали весь северо-запад и север Восточно-Европейской равнины.

А Золотая орда ослабла и вступила в период феодальной раздробленности, подобный тому, какой переживала Русь во время Батыева нашествия.

Но все еще вручались темникам от имени хана золотые дощечки — пайцзы — со словами-заклинаниями: «Силою вечного неба. Покровительством великого могущества. Если кто не будет относиться с благоговением к указу хана, тот подвергнется ущербу и умрет». Правда, в силу этих заклинаний переставали верить даже сами темники.

В середине XV века некогда могучая Золотая орда развалилась, как огромная пластина иссушенной солнцем глины разваливается на несколько отдельных кусков. В среднем течении Волги образовалось Казанское ханство, а в низовьях великой реки обособилось Астраханское. На восток от него располагалась Ногайская орда, а еще дальше — Сибирское ханство. В Крыму и причерноморских степях раскинулись владения отделившегося крымского хана, скоро попавшего, впрочем, под власть Турции.

Объединение Руси, которую в XV веке все чаще стали именовать Россией, шло в условиях непрекращавшейся борьбы с татаро-

монгольским игом. Зависимость от Золотой орды русские люди после Куликовской битвы стали считать временной, неколебимо веря, что близок час, когда иго будет свергнуто. Московские князья все более открыто уклонялись от повиновения Орде, савольно уменьшали дань, давали твердый отпор набегам.

Такая последовательная политика дала плоды уже в правление сына Дмитрия Донского великого князя Василия I. За ярлыком на великое княжение он в Орду не поехал — отец завещал ему великокняжеский титул по наследству. Дань ордынскую Василий сократил, в Орду не ездил, изредка посылал туда послов. А слабеющая Орда не имела сил склонить к былому повиновению поднимающуюся страну. В ордынских посланиях московскому князю наряду с обычными угрозами начинают звучать злые раздраженные ноты: враг не мог скрыть слабости, хотел бы своевольничать, как прежде, да не было сил.

«Слышанье учинилось таковое, — писал, например, Василию ордынский правитель Едигей, — что неправо у тебя чинят в городах. Послы цареви и купцы из Орды к вам приезжают, а вы купцов и послов на смех поднимаете, великую обиду и истому им чините — это недобро! А прежде вы улусом были цареви, и страх держали, и пошлины платили, и послов царевых чтили, и купцов держали без истомы и без обиды. Как царь Темир-Котлуй сел на царство, а ты улусу своему государем стал, с того времени у царя в Орде не бывал, царя в очи не видел и князей его! Ни бояр своих, ни иного кого не присылал, ни сына, ни брата ни с каким словом!

А потом Шадибек восемь лет царствовал, и у него ты также не бывал и никого не присылал, и Шадибеково царство также минуло.

А ныне Булат-Салтан сел на царство, и уже третий год царствует. Также ты сам не бывал, ни брата своего не присылал, ни боярина! И мы улуса твоего своими очами не видели, только слухом слышали. А что твои грамоты к нам в Орду присылал, то все неправда: что собирал в твоей державе с двух сох по рублю, куда то серебро девал? Было бы хорошо, если бы дань была отдана по старине и по правде!..»

Ордынскую «правду» на Руси знали хорошо, поэтому к речам ордынским не прислушивались. Русские князья, воспользовавшись распадом Золотой орды, прекратили выплату ежегодного «выхода», перестали даже ездить в Орду с подарками, фактически порвав с ней отношения. В ответ на это Едигей, сумевший в начале XV века ненадолго объединить непостоянно враждовавшие между собой ханства, предпринял в 1408 году большой поход

против Руси. Жестокая Едигеева рать, как прозвали в народе это нашествие, во время которого ордынцы широкой облавой прошли страну, уничтожив многие тысячи сел, деревень и малых городов, докатилась до Москвы. Но взять русскую столицу не удалось. Очередная смута, начавшаяся в Орде, заставила Едигея, добившегося от Москвы большого откупа, спешно возвращаться.

Внешнеполитическое положение Руси в первой половине XV века оставалось весьма сложным. На западе происходили непрестанные военные конфликты с Великим княжеством Литовским, правители которого стремились к захвату многих исконно русских земель. Великий князь Витовт захватил Смоленскую землю, разорил Рязань, претендовал на Псков и Новгород.

Не теряли времени и наследники Золотой орды — многочисленные ханства, широким полукольцом охватившие Русь на юге и востоке. На первых порах развал Орды даже увеличил военную опасность для Руси. Каждый хан — крупный и мелкий — зарился на русские земли, вторжения стали хоть и меньшими по масштабу, но более частыми.

В 1437 году напал на окраинные земли Руси казанский хан Улуг-Мухаммед. Спустя два года он даже осадил Москву, но взять ее не смог. Непрístupной стала русская столица.

В 1444 году Улуг-Мухаммед разграбил муромские земли. В тот же год царевич Мустафа напал на Рязань, но был разгромлен под рязанскими стенами и убит.

В 1445 году казанская орда разорила земли Нижнего Новгорода. Еще через три года «царь казанский» ограбил Владимир и Муром.

В 1451 году царевич Мозовша стремительным «изгоном» кинулся на Москву, осадил ее, сжег посады, штурмовал, но взять и в этот раз не смог.

В 1460 году «безбожный царь Ахмат» разграбил Переяславль-Рязанский.

А мелких набегов перенесла Русь в это время бесчисленное множество — каждый ордынский феодал стремился урвать кусок от русских хлебов. Все яснее становилось русским людям, что лишь решающая схватка может избавить от изнурительной и кровавой ордынской тягости.

В начале XV века росту ордынской военной активности немало способствовала разгоревшаяся на Руси широкая феодальная война между несколькими группировками русских князей. В ходе ее решался вопрос о том, быть ли Руси сильной централизованной державой или оставаться слабым конгломератом мелких удельных

княжеств. Глубинная историческая тенденция к централизации медленно, но неотвратно пробивала себе дорогу. В жестких расприх рождался новый политический строй централизованной Московии. А приверженцы удельной раздробленности, самым активным из которых был Дмитрий Шемяка, в конце концов были вынуждены уступить сторонникам сильной центральной власти, которую олицетворял великий князь Московский. Курс на централизацию отвечал интересам широких слоев населения, уставшего от удельных неурядиц, истерзанного внешними врагами, страдавшего от постоянного разграбления хозяйства и пришлыми и своими завоевателями.

Фридрих Энгельс отмечал, что «в России покорение удельных князей шло об руку с освобождением от татарского ига». И действительно успехи московских князей в объединении страны закономерно сказались на активизации борьбы за полное освобождение от иноземного ига.

С 1462 года на Москве правил великий князь Иван Васильевич. Крупнейший государственный деятель своей эпохи, Иван III обладал всеми качествами, которые необходимы были для завершения гигантской многовековой работы по объединению Руси и освобождению ее от татаро-монгольского ига. Решительность сочеталась в нем с терпеливостью, дипломатический ум — с военным талантом, осторожность — с настойчивостью. День ото дня росла и крепла Московская держава.

Наследницей Золотой орды формально считалась Большая орда. В конце 70-х годов XV века ордынский хан Ахмат, видя, как тает ордынская казна и уходит могущество, решил восстановить былое господство над богатым русским улусом. Обстоятельства для этого как будто бы складывались благоприятные. Падение Новгорода, резкое ослабление давнего соперника Москвы — Тверского княжества, присоединение к Москве многих мелких уделов серьезно беспокоили западных соседей Москвы — Польшу, Литву и Ливонский орден, которые решили, что пришло время для открытого вмешательства в дела москвитов. Неожиданно сыграли на руку Ахмату и внутримосковские дела: братья великого князя, недовольные тем, что Иван целиком забрал себе земли умершего брата Юрия, стали готовиться к мятежу.

26 октября 1479 года Иван III направился в Новгород, чтобы окончательно закрепить его вхождение в Московское государство. Он пробыл там большую часть зимы и лишь в середине февраля 1480 года решил возвращаться в столицу.

К этому времени обстановка почти на всех границах Руси была

очень тревожной. Еще с осени 1479 года начал подготовку к походу на русские земли Ливонский орден. Магистр Бернгард фон дер Борх собрал, по свидетельству Ливонской хроники, «такую силу против народа русского, какой никогда не собирал ни один магистр ни до него, ни после». Ударный костяк ливонской армии составляла тяжелая рыцарская конница и многочисленные отряды немецких наемников, профессиональных ландскнехтов, имевших большой военный опыт. Весной 1480 года сразу после ухода Ивана III и большей части русского войска из окончательно присоединенного к Москве Новгорода ливонские рыцари малыми и большими отрядами стали раз за разом вторгаться в псковские земли, словно пробуя прочность русских рубежей.

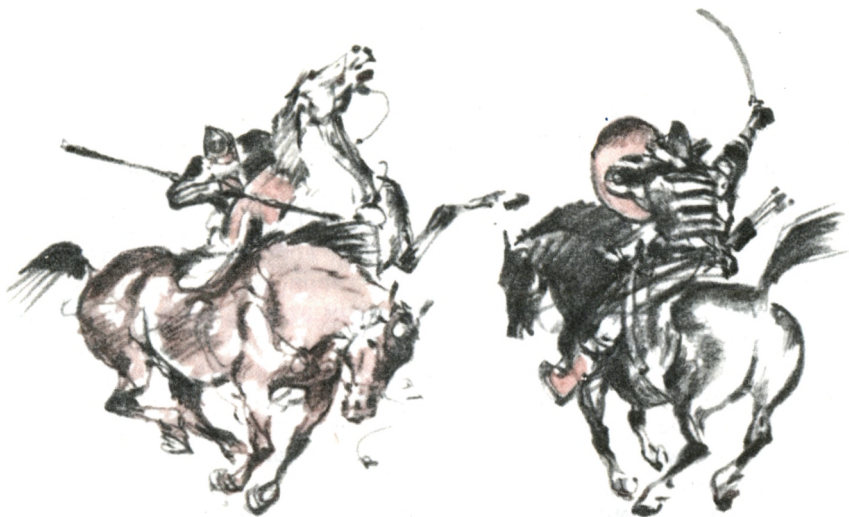
Летом 1480 года, уже основательно втянувшись в войну, ливонский магистр «собрал, — по свидетельству той же хроники, — 100 000 человек войска из заграничных и местных воинов. С этим народом он напал на Россию, опустошительно прошел по этой стране и выжег предместье Пскова».

Но под стенами Пскова врага ждала неудача. Захватить свободолюбивый русский город немцам не удалось. А поскольку к тому же в тылу у рыцарей оставалась не взятой стоявшая на псковско-ливонском рубеже маленькая, но мощная крепость Изборск, они, безрезультатно потоптавшись под стенами псковских укреплений, вынуждены были убраться восвояси.

Но, пожалуй, еще больше, чем происки Ордена, беспокоили Ивана III военно-политические приготовления польского короля Казимира IV. Он давно зарился на земли Господина Великого Новгорода, и произошедшее присоединение Новгорода к Москве привело его в бешенство. Однако Казимир считал, что не все еще потеряно. Заключив союз с Ахматом, король рассчитывал, что в условиях войны на несколько фронтов — с Орденом, Польшей, Литовским государством и Большой ордой — Москва не только не сможет удержаться за собой новгородских владений, но того и гляди сама окажется чьей-нибудь добычей.

В довершение ко всему Казимир начал активно заигрывать с обиженными братьями Ивана III, полагая, что, дополнив внешнюю угрозу внутренним брожением, он скорее добьется своего.

В исключительно сложном положении оказалась Москва! Фактически она стояла в тот памятный год перед вполне оформившейся коалицией врагов — Ордена, действовавшего в союзе с немецкими городами в Прибалтике, Казимира, призвавшего под свои знамена польско-литовскую шляхту, и, наконец, Ахмата, поднявшего против Руси всю Большую орду. А внутри страны в

это тяжелое время вспыхнули политические раздоры в великокняжеской семье: против Ивана III поднялись братья Андрей и Борис.

Именно сейчас, когда на всех границах, как доносили посольства и разведчики, враги готовили вторжение, братья решились на разрыв с великим князем. Князь Борис с войском направился в Углич, где уже ждал его Андрей. После возвращения Ивана III из Новгорода в Москву братья перевели свои дружины из Углича в Великие Луки. Здесь и застала их весна. Обстановка, и без того сложная, еще больше обострилась.

Не успели схлынуть вешние воды, как степная «сторожа» принесла еще одну тревожную весть: Ахмат двинулся на Русь! Скоро стали известны подробности ханского плана. Ахмат был прекрасно осведомлен о внутривнутриполитических трудностях на Руси и надеялся, что со дня на день Борис и Андрей откроют братоубийственную усобицу. Поэтому и начал наступление, не дожидаясь, пока просохнут дороги после весенних дождей.

Мало этого, узнал московский князь, что чуть не ползими привело в ханской ставке посольство польского короля Казимира. Итогом долгого пребывания был уговор о совместном нападении Ахмата и Казимира на Русь летом 1480 года. Вновь, как сто лет назад, объединились главные противники Руси. Внешнеполити-

ческая обстановка, дополненная внутренними распрями, стала исключительно напряженной.

Медленно, но неотвратно двигалось в сторону Руси ордынское войско. Ахмат пока не торопился, ожидая выступления Казимира. Он хорошо знал, что произошло сто лет назад, когда обещавший Мамаю помощь польский король Ягайло не явился к месту генерального сражения и уклонился от последующих действий против Дмитрия Донского. Но если Мамай и вступил в единоборство с московским войском, то Ахмат при всем желании такого решения принять не мог: никакой надежды справиться с Москвой в одиночку у него не было.

Узнав о выступлении врага, Иван III стал спешно формировать полки и один за другим высылать их на Оку, вдоль которой тянулась оборонительная засечная черта. Каждый полк занимал на этой линии заранее определенное место. 8 июня с большим отрядом ушел из Москвы в Серпухов старший сын великого князя Иван Иванович. Сам Иван III еще полтора месяца оставался в столице. Наконец 23 июля и он со своей дружиной выступил из Москвы в Коломну — навстречу врагу. Теперь вся засечная черта была занята русскими войсками.

Приближаясь к ней, неспешно катилась по степи ордынская волна. Но Иван знал: как только выступит Казимир, войско Ахмата из черепахи превратится в степного волка и ринется к Москве со всей возможной скоростью.

Однако польский король по непонятным Ахмату причинам медлил с началом военных действий. Это заставляло хана изменить первоначальный план. Зная, что через занятые русскими войсками засеки прорваться будет невероятно трудно, он резко повернул на запад. Таким маневром достигались сразу два результата. Во-первых, хан обходил русские засечные укрепления и выходил к Москве с юго-запада, откуда она была менее всего защищена, во-вторых, приближался к границам Литвы, увеличивая возможности скорейшего соединения с Казимиром.

Едва стало известно об ордынском маневре, великий князь приказал сыну немедленно выступить к Калуге, на реку Угру (левый приток Оки), чтобы преградить врагу путь на Москву.

Трудно было великому князю в это время. Стоя лицом к главному врагу России, он все время боялся удара в спину. Кто его знает, что задумают мятежные братья. В придачу ко всему в критической обстановке, сложившейся к концу лета 1480 года, подняли голову паникеры и предатели. Летописцы ясно указывают, что это были за люди, из каких слоев русского общества они происходили, называя их «сребролюбцами богатыми и брюхатыми». Думая только о себе и своих доходах, «брюхатые» бояре выступили за принятие ордынских требований, и это вызвало ненависть москвичей. Такое настроение повлияло на братьев.

Не один раз посылал он к ним послов с предложением союза, писал, что не время нынче сводить личные счеты. И в начале осени появились наконец признаки того, что братья стали склоняться к миру. 30 сентября Иван, оставив войско, приехал из Коломны в Москву, где его ждали послы Андрея и Бориса. Здесь и договорились о мире-докончании. Послы отправились в Великие Луки, повезли грамоту Ивана III. В ней он просил братьев как можно скорее прийти с войсками на Угру для отражения нашествия.

Одна задача была решена.

Решение другой князь начал еще зимой, когда, узнав о союзе Казимира и Ахмата, снарядил посольство в Крым. У крымского хана Менгли-Гирея никогда не было друзей и союзников. Этот феодальный хищник воевал со всеми своими соседями. Главной целью русского посольства было не допустить, чтоб перекопский царь, как называли Менгли-Гирея на Руси, объединился с врага-

ми Руси. Посольство выяснило, что планы у Крыма нынче другие: летом он намеревался воевать с Казимиром. А богатые дары, присланные московским князем, укрепили его в этом намерении.

Пришло лето, и крымская конница действительно вторглась в польские владения, накрепко сковав войска Казимира и спутав все карты союзникам. Польский король быстро увяз в войне с Крымом, и ему стало не до помощи Ахмату.

А хан, выйдя с войском на правый берег Угры, расположился там громадным лагерем и все еще не терял надежды на вторжение Казимира. Прямо напротив ордынцев — через реку — стояли полки княжича Ивана Ивановича. Скоро сюда же подошли войска великого князя и его братьев.

Началось знаменитое «стояние на Угре».

Ордынские лучники на первых порах предприняли массированный обстрел русского лагеря. Однако мощные залпы сотен русских пищалей скоро отбили у них охоту приближаться к берегу. Часто завязывались схватки боевых авангардов на речных переправах, которые и ордынцы и русские, боясь неожиданного нападения, тщательно охраняли.

Время шло, наступил сентябрь.

Главное сражение на переправе через Угру началось 8 октября в час дня. Ордынское войско, быстро приблизившись к берегу, начало переправу. Огромная масса воинов и боевых коней медленно поплыла в сторону русского берега.

Тут-то и дал себя знать умело расставленный воеводами пушечный «полевой наряд». Медленно двигавшаяся по воде вражеская армия стала удобной мишенью для настильного огня из «тюфяков» и пищалей, заряженных «дробосечным железом», предшественником знаменитой картечи. Ответить массированной прицельной стрельбой из луков барахтавшиеся в холодной воде ордынцы, естественно, не могли и, потерпев огромный урон в живой силе, повернули к своему берегу. До костей продрогшее в осенней воде Ахматово воинство выползло на береговой откос и отошло от реки.

Четыре дня — раз за разом — загонял Ахмат свои тумены в угорскую воду — и каждый раз результат был тот же, русские пушки не пускали врага на берег. Попробовали ордынцы переправиться через реку на других бродах. «Ахмат-хан, — сообщает летопись, — покушался многожды перелезти реку во многих местах, а не мог воспрещением от русских воинов. И много пало воинов его тут, и без числа утонули в реке».

Все было тщетно. А время уже работало против ордынцев. В конце октября вдруг ударили небывало ранние морозы,

настолько сильные, что к началу ноября река стала. Положение врага осложнилось голодом: все окрестности на много верст вокруг были уже разграблены. С приходом холодов нечем стало и лошадей кормить. В лагере Ахмата начались болезни, а с ними пришли недовольство и уныние.

Среди ранних снегов и ноябрьских бурь нелегко было и московским ратникам. Но большое мужество позволяло им успешно переносить лишения. «Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо, чтобы защитить свою голову, — писал путешественник-иностранец, пораженный неприхотливостью русских воинов. — Наибольшая их защита от непогоды — это войлок, который они выставляют против ветра, а если пойдет снег, то воин отгребает его, разводит огонь и ложится около. Так поступает большинство воинов великого князя за исключением дворян, имеющих особые собственные запасы. Однако такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Его конь ест ветки, стоит в открытом холодном поле без крова и все-таки работает и служит ему хорошо». Такая стойкость не появлялась сама собой.

Ее рождало и поддерживало глубинное стремление русского народа к свободе и независимости своей страны.

В критической обстановке, рассудил Иван III, враг может решиться на отчаянный шаг — ринуться по свежему льду на русский лагерь, застать врасплох. А тогда еще не известно, как все решится.

И сделал московский князь необычный шаг. В конце первой недели ноября русское войско неожиданно снялось с места и отошло от берега, а потом и вовсе скрылось — ушло по направлению к Кременцу, близлежащей крепости.

Русские отдавали ордынцам берег! Что это означало? Холод, что ли, сломил упорство московитов? Непохоже. А может, это было приглашение к генеральному сражению?

Шаг Ивана оказался для Ахмата полной неожиданностью.

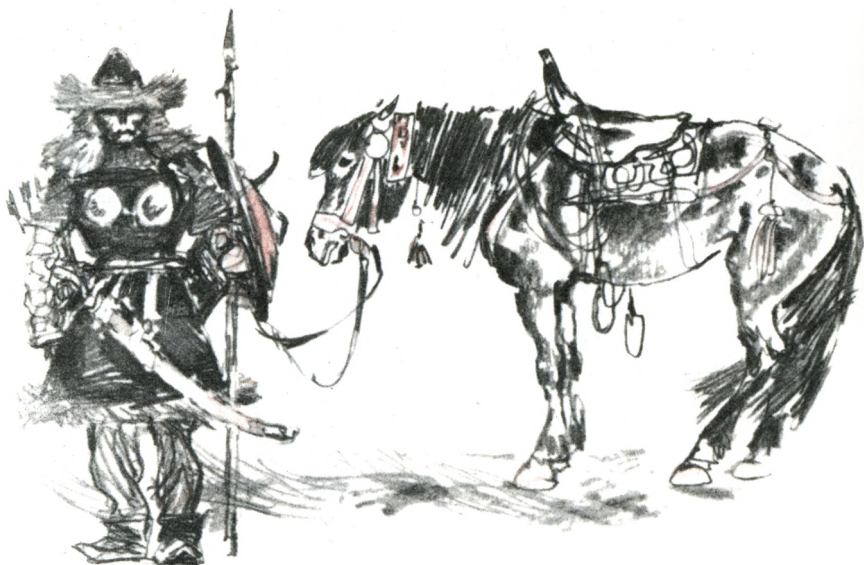
Видимо, так и не разобравшись до конца в намерениях русских, хан 11 ноября приказал войску сниматься. Орда начала отступление. Впрочем, Ахмат попытался сохранить хорошую мину даже при такой отчаянно позорной концовке своего похода. Он направил великому князю грамоту, в которой требовал подчинения и уплаты дани. Иван посмеялся над ханской выдумкой: дани он не платил Орде уже восемнадцать лет.

Ахмат отступал в свои улусы через польско-литовские владения, которые, озлобившись на Казимира, разгромил и сжег дотла. Его неудача породила убоицы и волнения в Орде. Этой же зимой на возвращавшиеся войска Ахмата напали ногайские татары и войска сибирского хана Ивака. В одной из стычек Ахмат был убит ногайским мурзой Ямгурчеем.

Так бесславно закончилась последняя попытка Орды вернуть безвозвратно уходившее владычество.

Этими событиями завершилась столетия длившаяся борьба Руси с татаро-монгольским игом.

Через несколько лет странствующий рыцарь Николай Поппель рассказал о могущественной Московии, ее войнах и победах германскому императору Фридриху III. Император, считавший

себя главой разбойного синклита феодальных правителей Европы, очень заинтересовался рассказом. Он вновь направил Поппеля в Москву — своим послом.

Полагая, подобно любому немецкому рыцарю, что энергичный натиск быстро приведет к победе, Поппель с места в карьер огорошил медлительных московских бояр треском лестных, просто великолепных предложений.

Император Фридрих III великодушно предлагает Руси союз с Германской империей!

Император Фридрих III считает возможным обручение одной из дочерей Ивана со своим племянником — баденским маркграфом Альбрехтом!

Император Фридрих III согласен (подумать только, какая щедрость!) включить Московию в состав Священной Римской империи путем пожалования Ивану III королевского титула!!!

И, будучи уверенным в неотразимости этого потрясающего ультиматума, Поппель в заключение потребовал, чтобы ему немедленно показали предполагаемую невесту, дабы он мог определить, «будет ли она достаточно дородна и того великого дела достойна».

Прекрасно зная обстановку в европейских столицах, посол полагал, что сразу за оглашением этих условий в Кремле поднимется суматоха и суета. В тот же день он, видимо, станет ближайшим советником (а то и другом!) московского государя, потрясенного оказанной ему честью. Посольские хоромы начнут ломиться от массовых подношений угодливых бояр. Особенно сладко будоражили воображение виденные в московских лавках связки соболиных, бобровых, куньих шкурок — цена на них в Европе была чудовищной...

Однако то, что последовало, было похоже на дурной сон.

Великий князь не только не прибежал, запыхавшись, в посольские покои, но и вообще не пожелал встречаться с незадачливым дипломатом.

Относительно скоропалительных смотрин Поппелю сказали вежливо, но твердо: «У нас в земле нет обычая прежде дела дочерей показывать».

Другого не оставалось, и шокированный посол решил заняться делами. Однако и о делах бояре, которым были поручены переговоры, говорили с Поппелем в таком тоне и с таким интересом, словно предлагал он московскому князю не королевский титул, а побитый молю заячий тулуп.

В один из дней Поппелю передали заключение великого князя,

ранившее рыцарское сердце немецкого дипломата: «Мы божьей милостью государи на своей земле изначала от первых своих прародителей, — приказал передать Иван. — А поставления на королевство, как прежде мы ни от кого не хотели, так и теперь не хотим».

После этих слов провал миссии стал полным и окончательным. Уехал германский посол. Пышных проводов не было. Не было подарков и вообще сколь-нибудь утешительных результатов. И что самое удивительное, Поппель решительно не мог понять, почему так произошло. Ведь королевский титул был предметом устремлений десятков европейских государей! Например, бесстрашного Витовта, великого князя литовского. Он непрестанно думал о нем, когда затевал многочисленные походы во все стороны света: и против далекой Орды, и против русских соседей. На Грюнвальдском поле он фактически взял на себя командование объединенными силами славян и Литвы в знаменитой битве. Но слепивший глаза соседей блеск меча так и не превратился для него в сияние королевской короны — Витовт умер князем. А Иван без раздумий отверг императорский подарок!

Карл Маркс так писал об этом великом времени русской истории — последней четверти XV века: «В начале своего царствования Иван III все еще был татарским данником; его власть оспаривалась удельными князьями; Новгород, стоящий во главе русских республик, господствовал на Севере России; Польско-Литовское государство стремилось к завоеванию Московии; наконец, ливонские рыцари еще не сложили оружия. К концу царствования мы видим Ивана сидящим на вполне независимом троне, об руку с дочерью последнего византийского императора. Мы видим Казань у его ног, мы видим, как остатки Золотой орды толпятся у его двора. Новгород и другие республики покорны. Литва уменьшилась в своих пределах и ее король является послушным орудием в руках Ивана. Ливонские рыцари разбиты. Изумленная Европа, в начале царствования Ивана даже не подозревавшая о Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от московитов надменные речи».

Наконец-то наступила-расцвела занимавшаяся целое столетие заря свободы. В ее трепетном сиянии поднимал паруса российский корабль.

Конечно, никто не знал, что этому кораблю придется пройти через тяжесть Ливонской войны, через безумие опричнины и

страшную разруху, ждущую страну в конце XVI столетия. Никто не знал, что в сумраке XVII века его ждут рифы Смутного времени. И только после этого обозначится в туманной дымке нового рассвета петровский берег...

Это — впереди.

Оглянемся назад.

Еще раз мысленно пройдем через тяжелейшие столетия ига. Вспомним защитников Рязани и Владимира. Киевлян, павших на стенах родного города. Восставшую Тверь. Мятельный Нижний Новгород. Вожу-реку и Куликово поле. Вспомним отчаянного Евпатия Коловрата, воеводу Дмитра, Юрия Владимирского, мужественного Пересвета и дерзкого Семена Мелика, Дмитрия Боброка, Владимира Серпуховского и Дмитрия Донского...

На бесчисленных полях давно истлели белые кости павших. Имен их мы не знаем. Но будем знать и помнить другое. Если бы тысячи и тысячи несравненных русских людей не ценили свободу Отечества выше жизни, если бы не было героического самопожертвования нескольких поколений русского народа и длительной тяжелой борьбы за свободу, не было бы и самой свободы.

СЛОВАРЬ НАЗВАНИЙ И ТЕРМИНОВ

ПЛЕМЕНА, НАРОДЫ, ГОСУДАРСТВА И ИХ УСТРОЙСТВО

БАСКА́К — ханский чиновник, ведавший сбором дани и учетом населения в покоренных странах. Баскаки имели военные отряды, с помощью которых подавляли народные выступления. На Руси баскаки появились в середине XIII века. В начале XIV века в связи с усилением борьбы против ига татаро-монгольские ханы вынуждены были прекратить посылку баскаков на Русь и передать сбор дани русским князьям.

БЕСЕРМЕ́НЫ — одно из покоренных татаро-монголами племен Среднего Поволжья.

БУЛГА́РЫ ВОЛЖСКИЕ — тюркоязычные племена, составлявшие основу населения Волжской Булгарии. Пришли на Среднюю Волгу из Приазовья в VII веке н.э. С ними связано происхождение некоторых народов Поволжья и Прикамья (чуваша, казанские татары и другие).

БУРТА́СЫ — племя, обитавшее в нижнем и среднем течении Волги. Буртасы занимались земледелием и скотоводством. После татаро-монгольского завоевания постепенно утратили свои племенные особенности, слились с населением соседних территорий.

ВАРЯ́ГИ — древнерусское название жителей Скандинавии — шведов, норвежцев.

ВЕ́ЧЕ — народное собрание в Древней Руси, на котором обсуждались важнейшие общие дела.

ВИЗАНТИ́Я — государство, возникшее в восточной части Римской империи в IV веке н.э. и существовавшее до середины XV века, когда оно было захвачено турками. Столицей Византии был Константинополь.

ВОЕВО́ДА — военачальник, возглавлявший крупное подразделение в княжеской дружине или ополчении.

КАРАКО́РУМ — столица империи Чингисидов, состоявшей из нескольких фактически самостоятельных частей, одной из которых была Золотая орда. Город, основанный в 1220 году Чингисханом и просуществовавший до XVI века, располагался на территории современной Монголии.

КАФА — важнейший центр торговли между Западом и Востоком, основанный в Феодосии генуэзскими купцами в XIII веке после татаро-монгольского завоевания. Была союзником Золотой орды.

КУРУЛТА́Й — съезд монгольской знати для решения важнейших вопросов, в первую очередь о войне.

МУРЗА́ — крупный ордынский феодал, глава отдельного рода или небольшой орды.

НОГАЙСКАЯ ОРДА — феодальное государственное образование, выделившееся из Золотой орды в конце XIV — начале XV века. Располагалась на территории от Северного Прикаспия и Приаралья до Камы и от Волги до Иртыша. Название происходит от имени золотоордынского темника Ногая.

НОЙОН — монголо-татарский феодал, представитель степной знати.

НУКЕР — вассал крупных монголо-татарских феодалов-нойонов.

ПОГОСТ — административно-территориальная единица в Древней Руси, небольшой район.

ПОЛОВЦЫ — тюркоязычная народность, состоявшая из многих племен, занимавших в начале нашего тысячелетия огромную территорию от западных отрогов Тянь-Шаня до Дуная. В XIII веке после татаро-монгольского завоевания восточные половцы влились в состав татаро-монгольских войск, составили основную часть населения Золотой орды. Западные половцы во время нашествия Батыя откочевали в Венгрию и Болгарию, где растворились среди местного населения.

ПОЛЯНЕ — племенное объединение восточных славян в среднем Приднепровье. Занимались пашенным земледелием, скотоводством, охотой и промыслами. Земля полян стала одним из центров древнерусской государственности, здесь возник Киев, ставший впоследствии столицей Древнерусской державы.

ПОСАДНИК — высшая государственная должность в Новгородской и Псковской феодальных республиках. Посадник избирался на вече, ведал всеми важнейшими делами управления.

СИ СЯ — государство, созданное в X веке тангутами на части территории современного Китая. После монголо-татарского завоевания в XIII веке тангуты как особая народность перестали существовать, письменность их была забыта. Книги и рукописи тангутов были найдены русскими учеными в начале XX века, а советскими исследователями эти письма были расшифрованы.

ТЕМНИК — монголо-татарский военачальник, командовавший туменом, или тьмою, то есть десятью тысячами воинов. Темники подчинялись только хану, часто обладали громадной властью, как, например, Мамай.

ТУМЕН — подразделение монголо-татарской армии, состоявшее из 10 тысяч воинов. Тумены делились на более мелкие части — «десятки», «сотни», «тысячи».

ТЫСЯЦКИЙ — военачальник, возглавлявший древнерусское ополчение — «тысячу». Он избирался на вече и был помощником посадника по делам обороны и суда.

УЛУС — название уделов потомков Чингисхана (Джучи, Чагатай и других). Улусы быстро стали фактически самостоятельными государствами, лишь номинально подчинявшимися главе империи — великому хану. Русь была включена в улус Джучи.

ЦЗИНЬ — государство племен чжурчженей, располагавшееся на территории современного Северо-Восточного Китая. Возникло в XII веке, а спустя столетие было уничтожено татаро-монголами.

ЯРЛЫК НА КНЯЖЕНИЕ — письменный документ монголо-татарских ханов, утверждавший русского князя на престоле его княжества. Термин происходит от тюркского слова «ярл-эк» — «приказ, повеление».

ЯСЫ — древнерусское название аланских племен, предков современных осетин.

ВООРУЖЕНИЕ, ВОЕННОЕ ДЕЛО

БА́РМИЦА — часть древнерусского защитного вооружения — прикреплявшаяся к шелому сзади и с боков сетка из кольчужных колец, прикрывавшая шею воина.

БЕХТЁРЕЦ — защищавший грудь и спину доспех, состоявший из большого числа соединенных кольцами продолговатых пластин. Вес бехтерца достигал 12 килограммов.

ДЕТЁНЕЦ — центральное внутреннее укрепление в древнерусских городах, прикрывавшее княжескую резиденцию, двор церковного владыки.

КИСТЁНЬ — разновидность ударного оружия, представлял собой увесистую металлическую гирьку, прикрепленную к концу ремешка длиной около полуметра.

НА́РУЧИ — часть защитного доспеха, выгнутые железные пластины, закрывавшие руку от кисти до локтя.

ПОНОЖИ — защитное вооружение в виде железных пластин, защищавших ногу от колена до щиколотки.

ПОСО́ХА — тяглые люди, набравшиеся в княжеское войско по окладу («по человеку с сохи»), основа народных ополчений.

РОГА́ТИНА — мощное колющее оружие, разновидность копья. Длина железного лавролистного по форме наконечника, насаженного на прочное древко, достигала 60 сантиметров, ширина — 5—7 сантиметров.

СТОРО́ЖА — небольшие отряды особо опытных бойцов, высылавшиеся в степь для выяснения положения на границе, намерений противника, его передвижений.

СУ́ЛИЦА — метательное копье с легким древком длиной до полутора метров.

ТЕГИЛЯЙ — похожая на кафтан защитная одежда из плотной простеганной ткани, иногда со вшитыми металлическими пластинами.

ШЕСТОПЁР — ударное оружие, напоминавшее булаву, у которой массивный набалдашник заменен навершием из шести металлических пластин-«перьев».

ЧЕКА́Н — разновидность рубящего оружия, небольшой молот-топорик, служивший отличительной принадлежностью воинского начальства.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление.</i>	ДАЛЬНИЕ ГРОМЫ	5
<i>Глава первая.</i>	ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ	13
<i>Глава вторая.</i>	НАШЕСТВИЕ	25
	«Только дым, и земля, и пепел...»	—
	Штурм стольного Владимира	31
	Конец Ярополча	36
	Место битвы неизвестно	37
	Гибель Торжка	44
	«Злой город»	45
	Русский характер	46
<i>Глава третья.</i>	ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ	49
<i>Глава четвертая.</i>	НЕПОКОРЕННАЯ СТРАНА	59
	Неврюева рать	60
	Ордынские тягости	65
	Ханские распри и княжеские убоицы	69
	Военное дело	74
	Сердце возрожденной Руси	78
<i>Глава пятая.</i>	КУЛИКОВСКАЯ БИТВА	89
	Размышления «второго Батые»	—
	Первая победа	92
	Клеши вражеского союза	99
	«Месяца августа в пятнадцатый день...»	104
	Совет на берегу Дона	114
	В стане Ягайло	118
	Переправа	120
	Сражение	122
	«Изочтите, братья, сколько осталось всех нас!..»	130
	Последняя попытка	134
	Новый хан	135
<i>Глава шестая.</i>	ЗАРЯ СВОБОДЫ	141
	<i>Словарь названий и терминов</i>	156

Дорогие читатели!

Присылайте нам ваши отзывы
и пожелания о содержании и оформлении книги.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу:

191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6.

Дом детской книги

издательства «Детская литература».

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

**Дегтярев Александр Якимович,
Дубов Игорь Васильевич**

ОТ КАЛКИ ДО УГРЫ

Ответственный редактор Н. Г. Ф е ф е л о в а

Художественный редактор В. П. Д р о з д о в

Технический редактор Л. Б. К у п р и я н о в а

Корректоры Л. А. Б о ч к а р е в а и Т. Г. Я н и н а

ИБ 8937

Сдано в набор 09.04.85. Подписано к печати 03.12.85. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,3. Усл. кр.-отт. 19,52. Уч.-изд. л. 9,17. Тираж 100 000 экз. М-21021. Заказ № 816. Цена 70 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Дегтярев А. Я., Дубов И. В.
Д28 От Калки до Угры: Научно-художественная книга. — Изд. 2-е, доп. и перераб./Рис. и оформл. В. Бескаравайного. — Л.: Дет. лит., 1986. — 159 с., ил.
В пер.: 70 коп.

В своей книге, удостоенной первой премии им. М. Горького на Всесоюзном литературном конкурсе, авторы, ученые-историки, рассказывают о героической борьбе русского народа с татаро-монгольским нашествием, Куликовской битве и освобождении от ордынского ига.

Д 4802000000—113
М101(03)—86 241—86

9(с)13

70 коп.

Издательство «Детская литература»

А. ДЕГТЯРЕВ, И. ДУБОВ

ОТ КАЛКИ ДО УГРЫ